

АНТОН ФРИДЛЯНД

18+

СТАЛИНБУРГ

СТАЛИНБУРГ

1. Красный богатырь

За окном, на том месте, где прежде находился Храм Христа Спасителя, теперь возвышалось другое сооружение: монументальная голова Сталина высотой не меньше сотни метров, с шевелюрой и усами, покрытыми сусальным золотом, с беломраморным носом и щеками, с приоткрытыми алыми губами, сквозь которые многочисленные паломники проникали в здание, с рубиновыми звездами на погонах, приподнятых над землей. Вокруг головы били в небо высокие струи фонтанов, а на постаменте перед гигантским лицом полукругом располагались гранитные буквы такого размера, что их можно было с легкостью разглядеть и с шестнадцатого этажа. ХРАМ СВЯТОГО ИОСИФА – было написано там.

Всего пару часов назад, утром 27 апреля 2017 года черный автомобиль BMW вез режиссера Мэта Кори по утренней Москве в сторону промышленных окраин, и режиссеру было плохо. Было плохо ему от большого количества выпитой вчера водки, от дюжины дорожек кокаина, вынюханных с разных частей тела экзотической тувинской проститутки, а также от четкого и беспощадного осознания того, что никакой он не режиссер, не Мэт и не Кори.

Матвей Корчагин – так на самом деле звали нашего героя – уехал из Москвы пятнадцать лет назад, в возрасте двадцати трех лет, и с тех пор возвращался сюда редко, неохотно и ненадолго. Ему нравилась его жизнь в пригородах Праги, его не супер-успешная, но довольно эффективная карьера клипмейкера и делателя сериалов про ранимых маньяков-убийц и паталогически жестоких главных редакторш глянца. Но более всего ему нравилось ощущение размеренности и предопределенности, сопровождавшее его, когда он читал очередной бездарный, но коммерчески выверенный сценарий, полученный от студии, державшей Мэта на контракте. И его собственная жизнь развивалась по сценарию, к счастью, не такому драматичному и слезоточивому, как сценарии сериалов, но тоже весьма предсказуемому.

Но вернемся в салон автомобиля BMW, где режиссер Матвей Корчагин предается своим невеселым думам. А поскольку от того, что долго думаешь о том, насколько тебе херово, становится еще херовее, Матвей принялся думать о другом, чуть менее херовом – о творческих людях, а точнее о том, почему он их всей душой ненавидит. Дело в том, что все без исключения творческие люди, встречавшиеся на его жизненном пути (а они встречались ему ежедневно и в больших количествах), делились на три типа. Первый тип – бесталанные, но деловые, второй тип – талантливые разгильдяи, а третий – разгильдяи бесталанные. Можно было бы предположить, что где-то существуют талантливые люди с коммерческой жилкой, но такие люди Матвею никогда не встречались, и в их существование он поэтому не очень-то верил. Себя он честно относил к первому типу – осознание этой причастности пришло не сразу: сначала, как водится, юношеское отрицание, потом маргинальная агрессия, после изнурительные торги с самим собой, продюсерами и публикой, затем депрессия среднего возраста и только потом принятие. Что касается старшего брата Матвея, Всеволода Корчагина, по приглашению которого он и прибыл в Москву, то отнести его можно было к

той же категории творческих людей, но с важной оговоркой: Сева был гораздо более бесталанен и гораздо более коммерчески успешен.

Как уже было сказано, приезжать в Москву Мэт не любил. Этот город, окончательно покинутый им в начале двухтысячных, остался в его памяти таким, каким был в девяностых – злобным нуворишем-беспредельщиком с золотым зубом и куполами на всю спину. Золота и куполов за последние годы значительно прибавилось, а агрессия, хоть и втиснутая в рамки регламента, никуда не делась. Так что, если бы не приглашение родного брата, Матвей в Москву не приехал бы, не надрался бы вчера водки в баре пятизвездочного отеля с видом на Храм Христа Спасителя, не нанюхался бы кокса в номере, не совал бы свой завядший от вышеперечисленного член в проститутку с раскосыми глазами, а сегодня бы не ехал в кусках на переднем сидении братского авто, чтобы выбирать локацию для съемок клипа Лики Корчагиной, жены старшего брата и мамы милейшего мальчика Вани, приходившегося Матвею племянником.

Раз уж мы заговорили про Лику, то она находилась на заднем сидении авто, где, уткнувшись в смартфон, внимательно изучала фоточки конкуренток – певиц более молодых, более привлекательных и зачастую более талантливых, чем она. Но несмотря на явные преимущества, у всех этих телочек не было того, чем располагала Лика – мужа, работавшего генеральным продюсером федерального телеканала. Принимая во внимание этот актив, она могла позволить себе быть не талантливой и не предприимчивой. Она решила, что является певицей два года назад, когда Ваня был отдан в школу. На сегодняшний момент плейлист исполнительницы состоял из девяти видеоклипов, активно транслируемых на телеканале, где служил ее муж. Вот названия этих композиций, если интересно: «Возьми меня с собой», «Преступная любовь», «Холодное солнце», «Безумная весна», «Я тебя оторву и выброшу», «Соперница», «Яд твоих глаз», «Небо над Москвой» и «Зови меня своей». Именно для съемок десятого, юбилейного, клипа из Чехии был вызван Мэт Кори, который не смог отказать заказчику, приняв во внимание родственные связи, а также весьма внушительный гонорар.

Однако если бы прямо сейчас Матвея спросили, как называется песня, на которую ему предстояло снять клип, он не смог бы ответить даже под угрозой того, что его выбросят из машины на полном ходу – несмотря на то, что уже был вынужден прослушать эту песню несколько раз. Впрочем, Лика, сопевшая на заднем сидении, ни о чем его не спрашивала – несмотря на то, что они приходились друг другу родственниками, они, по сути, были мало знакомы. Вот все, что Матвей мог сказать о своей снохе: миловидная блондинка, в свои тридцать два благодаря интенсивным омолаживающим процедурам выглядит на сорок, не обладает ни слухом, ни голосом, при этом любящая жена, заботливая мать и вообще очень приятная барышня, хоть и слегка поехавшая на почве эстрадной карьеры.

Про молодого человека, сидевшего по правую руку от Лики, сразу за спиной Матвея, он смог бы сказать еще меньше, поскольку этим утром увидел его впервые и в родственных связях с ним не состоял. Речь идет о Паше Вильзоне, художнике-постановщике двадцати четырех лет, который трудился на телеканале, возглавляемом Всеволодом Корчагиным. Поскольку этому флегматичному юному креатору (речь, разумеется, идет о Паше, а не о Всеволоде Корчагине, который не юн, не флегматичен и вовсе не креатор) уготовано сыграть важную роль в дальнейших событиях, вашему вниманию предлагается занимательная подборка «10 фактов о Павле Вильзоне»:

1. Павел Вильзон носит очки в ярко-красной оправе и ярко-зеленую шапочку, сдвинутую на затылок
2. Павел Вильзон не гей
3. Павел Вильзон слушает ольдскульную группу Queen в наушниках
4. Павел Вильзон не смотрит телевизор
5. Павел Вильзон считает соцсети заповедником для быдла
6. Павел Вильзон очень много времени проводит в соцсетях
7. Павел Вильзон – талантливый разгильдяй
8. Павел Вильзон ездит на электро-самокате
9. Павел Вильзон любит рисовать в блокноте
10. Павел Вильзон никому не показывает свои рисунки

Осталось упомянуть Ликиного водителя, уверенной рукой ведущего черный BMW к цели. Этим утром, забирая тело Матвея из отеля, он официально представился после крепкого рукопожатия, но Матвей забыл его имя в тот же момент, как услышал. Если что, водителя зовут Геннадий.

– Приехали, – сказал водитель Геннадий. – «Красный богатырь».

2. Колесо перемен

Орденоносный завод «Красный богатырь», построенный в 1953 году, размещался на обширной территории, обнесенной высоким бетонным забором и представлял собой три гигантских куба из рыжего кирпича, соединенных друг с другом наполовину обрушившимися галереями. Помимо громадных кубов по заводской территории было разбросано множество ржавых вагончиков, каптерок, кочегарок и бараков, которыми давно никто не пользовался.

В 1995 году заводским рабочим перестали выплачивать зарплату. Они еще полгода по инерции походили на работу, а потом даже самые стойкие покинули завод, вынеся оттуда все, что могли вынести. В 1997 году с завода украли те станки, которые можно было увезти на грузовиках, а в 1999 году украли более крупные агрегаты, предварительно разобрав их на металлолом. В 2000 году хотели украсть и сам завод – точнее, землю, на которой он был построен, чтобы возвести на этом месте коттеджный городок, торговый центр с боулингом и еще какую-то хрень, но что-то не заладилось. Так и стоял «Красный богатырь», ожидая лучших времен, которые, судя по всему, для него никогда уже не наступят.

Единственный заводской обитатель, заскорузлый сторож с седой бородой, пропахшей дешевой водкой, луком и сигаретами «Петр I», распахнул перед черным BMW скрипучие

ворота (о визите «телевизионщиков» было, разумеется, договорено заранее), и авто вкатилось на территорию. Остановив машину в пятидесяти метрах от центрального куба, водитель Гена с неожиданной для такого здоровяка ловкостью выпрыгнул наружу, чтобы распахнуть дверцу перед Ликой. Паша и Матвей выбрались самостоятельно, причем Матвею пришлось совершить некое усилие, чтобы устоять на ногах – окружавший его мир слегка покачивался, и уловить это движение на зрительном уровне было невозможно, зато его организм колебания пространства ощущал очень четко.

Собственно, на хера я вчера устроил этот загул? – спрашивал себя Матвей Корчагин, брезгливо ступая по осколкам пивных бутылок, сигаретным окуркам и прочему дерьму, усеивавшему путь к цеховой громаде. – Нет бы выпить пару мензурок виски в номере и вздрочнуть перед сном на порнуху из отельного телека. Но, конечно же, он знал, что такой расклад в день приезда был невозможен – Москва действовала на него удручающе, и справиться с этим он мог, только приведя себя в еще более удрученное состояние. А теперь еще эта жена брата со своим клипом и этот хлыщ в яркой шапке, от цвета которой режет глаза, и эта злосчастная промзона с запахом жженой резины и несбывшихся надежд. Да еще вот это вот серое утреннее небо, из которого вот-вот пойдет дождь, а может и не пойдет. Нуар бя.

Тем временем наша троица – режиссер, художник и певица – оказалась у приоткрытых ворот центрального цеха. Изнутри струились волны плесневелого воздуха. Вдохнув это амбре прищуренными ноздрями, Лика заявила, что внутрь не пойдет, подождет снаружи. Зачем тогда приперлась? – подумал Матвей.

– За компанию, – с обидой в голосе ответила Лика, и Матвей понял, что подумал он вслух.

Паша с силой потянул высоченную створку, и она со стоном подалась ему навстречу. Лика вернулась в машину, где вновь предалась изучению конкуренток на экране смартфона, а двое теле-творцов ступили внутрь. Утренний свет едва проникал сквозь грязные окна, и Паше пришлось включить фонарик, выхвативший дохлого левиафана, что возвышался посреди цехового пространства – неизвестного предназначения агрегат высотой с двухэтажный дом. Неподалеку от него чернел старый советский грузовик со снятыми колесами, а чуть дальше, в глубине квадратного зала – обгоревшая легковушка, модель которой невозможно было определить. У дальней стены летаргическим сном спала целая вереница ржавых монстров – видимо, то, что осталось от конвейера, на котором трудящиеся «Красного богатыря» ковали прекрасное будущее своей великой Родины. Ступая по скрипучим осколкам стекла, Матвей и Паша подошли к двухэтажному агрегату, и режиссер провел рукой по его заскорузлomu боку.

– Фактурненько, – выдавил из себя Матвей. – Жаль, света нет.

Паша скользнул лучом фонарика по щербатым стенам, затем круг света достиг потолка, где потонул в многолетней паутине.

– Как ты вообще это место нашел?

– Очень просто, по спутниковой карте, – ответил Паша. – А потом пару раз сюда на самокате съездил.

– Так тут же охрана. Как тебя пропустили?

– Там, за цехами, дыра в заборе – хоть на тракторе заезжай. К тому же, охранник бухой постоянно.

– Дай-ка сюда фонарик.

Матвей, порыскав лучом по стенам, нашарил огромную красную звезду, раскинувшуюся почти под потолком. Справа от нее был обнаружен такого же конского размера гипсовый Орден Ленина, а слева – Орден Красного Знамени.

– Надо бы от пыли эту красоту отчистить, – задумчиво произнес режиссер, обведя орденскую планку лучом.

– Хер туда заберешься, – ответил Паша. – Лучше на пост-продакшене забацаем.

– Ну, можно и так.

Обходя по широкой дуге левиафана, упершегося в пол чугунными лапами, Матвей думал о том, что надо бы потом узнать, какие такие компоненты коммунизма штамповала эта адская машина, но тут же признался себе в том, что ему это положительно пох, так же как и песня, которую жена брата собиралась мурчать на фоне станков, так же как и дальнейшая судьба еще не снятого видеоклипа, который, изнасиловав зрительские глаза и уши тысячекратными теле-эфирами, потонет затем в неизвестности вместе с Ликой, вместе с ее уважаемым супругом и вместе с ним, Матвеем, срежиссировавшим это мелодраматическое говно.

– Твою ж мать! – воскликнул вдруг режиссер, зацепившись носком ноги за торчавшую из пола скобу.

Чудом не завалившись лицом вперед, он все же удержался на ногах – не в последнюю очередь благодаря Пашке, успевшему ухватить старшего товарища за шкирки. Осветив злосчастную скобу фонариком, Матвей установил, что она привинчена к крышке люка, рванул крышку на себя и в следующую секунду уже заглядывал в темный проем, ведущий вниз.

– Полезли – тут лестница есть, – бросил он Паше, маячившему чуть поодаль.

– Да ну на хер, я не полезу, – ответил юноша, теребя лямку раритетного фотоаппарата, украшавшего его грудь. – Еще неизвестно, что там.

– Вот и узнаем! Как же жажда неизведанного, поиск новых локаций и прочая романтическая херня? Давай, ссыкло!

На самом деле Паша не был ссыклом, хотя действительно побаивался того, что можно было встретить в заводском подвале – крыс, пауков и мумифицированного трупа какого-нибудь передовика производства. Наблюдая за тем, как режиссер, зажав в зубах фонарик, спускается вниз по вертикальной лестнице со стержнями-перекладинами, он размышлял о том, что Матвей Корчагин воистину достоин уважения. Давно работая с самыми разными режиссерами, в том числе иностранными, Пашка прекрасно мог отличить алкогольное похмелье от кокаинового – так же, как мог на глаз установить, сколько таблеток экстази сожрал вчера тот или иной деятель искусств. И то, что режиссер, к которому он был сегодня приставлен, несмотря ни на что сохранял профессиональное любопытство, это определенно вызывало уважение, заставившее Пашу последовать за Матвеем в темную дыру.

Подвальное помещение, в котором они оказались, обладало невысоким потолком и влажными стенами – на одной из них Матвей обнаружил рубильник, дернул его наудачу, и

лампочка без абажура осветила довольно странное место. Режиссер и художник ожидали увидеть катакомбы такие же огромные, как и простиравшийся над ними цех, но оказались в довольно компактном квадратном зальчике, который можно было измерить десятком шагов. В центре этого зала торчал из пола внушительных размеров круглый вентиль, служивший, должно быть, неким водопроводным целям – от него в разные стороны ползли две толстые трубы, нырявшие в проломы в стенах. Вместо ожидаемого срача обнаружилось вполне себе обжитое помещение – аккуратно прибранное (веник и совок были прислонены к одной из стен), меблированное продавленным креслом неясного цвета и журнальным столиком, с гипсовым бюстом Ленина на обтянутой парчой тумбочке в одном углу и этажеркой с книгами в другом. Судя по всему, жилище какого-то интеллигентного бомжа или же оригинала-маргинала.

– Есть тут кто? – кликнул Матвей, но не получил ответа: лишь жалобно пискнула крыса за стеной и коснулся лица теплый подземный ветерок. – Может, здесь тоже что-нибудь поднимем?

– Места маловато, – заметил Паша. – Хотя эта хрень колоритная, конечно.

Погладив ладонью округлый бок чугунного вентиля, молодой человек отступил назад, чтобы сделать несколько кадров со вспышкой. Серия сполохов ударила Матвея по глазам, и он, закрыв лицо ладонью, отшатнулся в сторону. Очертания комнаты задрожали, гипсовый Ленин недобро взглянул исподлобья, к горлу рванула тошнота. Чтобы устоять на ногах, режиссер ухватился за вентиль, и тот с протяжным скрипом провернулся на четверть оборота. Металл показался Матвеем обжигающе горячим, хотя, как он прекрасно понимал даже в полузабытье, такого быть не могло.

Вслед за поворотом чугунного колеса лампочка под потолком, ярко вспыхнув, погасла, и в неожиданной темноте мощная струя затхлого воздуха ударила сталкеров по спинам. Пол под ногами мягко, но отчетливо завибрировал – как будто где-то неглубоко пронесся по рельсам поезд метро, хотя никакого метрополитена в этом районе не было. Затем дрожь утихла, и темнота соединилась с тишиной.

– Что это было? – сдавленным голосом произнес Паша, пытаясь нашарить в сумке фонарик.

– Без понятия, – ответил ему Матвей. – Давай выбираться отсюда.

Но не успели они добраться до лестницы, как неожиданно случилось нечто странное. Настолько странное и настолько неожиданно, что ни Матвей, ни Паша не успели понять, что именно произошло.

3. Святой Иосиф

Матвей пришел в себя, лежа лицом вниз неподалеку от цеха. Первое, что он увидел – асфальт в мелких трещинах, сквозь которые пробивалась трава, а также двоих муравьев, ошалело бегавших по кругу. Оторвав туловище от земли, он сел и обхватив колени руками, вопросительно уставился на сидевшего рядом Пашу.

– Что это было? Взрыв газа?

Пашка лишь покачал головой.

– Если бы взрыв – нас бы по кускам сюда выбросило, – ответил он. – А мы, вроде, целы. Ну, я так точно.

– А как мы здесь оказались? Нас сюда вынес кто-то? Но мы ведь одни там были...

– Может, водитель Лики?

– Вон он, возле машины. Пойдем спросим.

Паша помог Матвею подняться на ноги. Апрельское солнце уже пробило лучами смог и теперь нещадно жарило заводской плац. Режиссер выудил из кармана мятого пиджака солнцезащитные очки и спрятал за ними свои красные глаза, Паша последовал его примеру. Головная боль до сих пор не оставила режиссера в покое – она бродила из одного полушария в другое, словно выбирая, где ей поселиться и все никак не могла выбрать. Матвей потерял виски, прикидывая, что ему не помешала бы бутылка воды и пара таблеток аспирина – дай бог, чтоб в машине нашлось и то, и другое.

От мыслей о чудесном спасении его отвлек удар локтем в бок – Паша указывал куда-то в небо, и проследив за его пальцем, Матвей увидел пузатый дирижабль, ленивой рыбиной плывущий под облаками. Встретить подобный летательный аппарат в небе над Москвой – явление само по себе неординарное. Но еще более удивителен был символ, красовавшийся на серебристом боку дирижабля: красная пятиконечная звезда с вписанным в нее двуглавым орлом.

– Наверно, фильм снимают, – предположил режиссер, придерживая очки, чтобы они не свалились с запрокинутой головы.

– Странно все это, – задумчиво произнес Паша.

В это время дирижабль, повинаясь потокам воздуха, развернулся к зрителям другим боком, и они прочитали на нем слоган: 100 ЛЕТ ОКТЯБРЯ. Ну да, 2017 год, – подумал Матвей, – столетний юбилей революции. Но с какого перепугу эту дату так пышно празднуют в Москве? Впрочем, сейчас это не имело значения. Нужно поскорее добраться до аспирина, потом до отеля, затем – до кровати. И тут Матвей заметил, что вместо черного BMW на плацу стояла другая машина – тоже черная, но другая. Сомнений не было – это «Чайка». Что удивительно, казалась она не раритетом на колесах, а совершенно новенькой, глянцевой – будто вчера сошла с конвейера. И если бы не знакомая физиономия водителя, маячившая рядом с авто, режиссер решил бы, что окончательно потерял связь с реальностью. Жены брата не было ни возле машины, ни в салоне.

– А где хозяйка? – обратился Матвей к водиле.

Тот почему-то вытянулся во фрунт и, глупо ухмыляясь, ответил:

– Домой поехала.

– Почему же она уехала?

– Не могу знать, – все так же по-дурацки скалясь, отчеканил водитель.

Значит, она отчалила на бимере, а за нами прислала вот это чудо советского автопрома, – решил Матвей. Могла бы хоть записку оставить. Ну да ладно.

– Едем в гостиницу?

Режиссер кивнул. Вместе с Пашей они забрались на заднее сидение, и автомобиль тронулся. Матвей нашел желанную бутылку минералки и осушил ее несколькими глотками. Аспирина в машине не оказалось. Паша, отказавшись от минералки, молча пялился в окно. Странное дело – промзона давно уже должна была закончиться, но она все длилась и длилась. Поначалу он даже решил, что они едут не в ту сторону, но вскоре машина выскочила на знакомый проспект и полетела по нему в направлении центра. Заводские коробки сменились блоками многоэтажек, и было в этом городском ландшафте что-то новое, чего он не замечал прежде. Казалось, будто изменилась сама архитектура: вместо стекла и бетона московского сити – перемежающийся с обшарпанными хрущевками сталинский ампи́р, взметающийся колоннами в облака, увенчанный серпами, молотами и необъятными снопами пшеницы. Но еще более удивительны были рекламные плакаты на брандмауэрах домов. СЛУЖУ СВЯЩЕННОМУ СОЮЗУ! – прочитал Паша на одном из этих гигантских баннеров, когда автомобиль сбавил скорость, приблизившись к перекрестку. Под пятиметровыми буквами этого горделивого слогана в глянцево-идиотической манере были изображены трое: с левой стороны – мускулистый рабочий с молотом наперевес, справа – поп с окладистой бородой и дымящимся кадилом, а в центре – пышногрудая светловолосая селянка в красном платье, обнимавшая молочный бидон. Паша повернулся к Матвею, словно ожидая от него объяснений, но тот спал с запрокинутой головой, приоткрыв рот и спрятав глаза за шорами очков.

Следующий плакат, попавшийся на глаза молодому человеку, изображал Ленина и Сталина, развернувшихся друг к другу таким манером, словно собирались слиться в страстном поцелуе. Над их многометровыми головами был обозначен контур двуглавого орла с алой звездой на пузе, а ниже красовалась надпись: ЗАВЕТАМ ДВУГЛАВА ВЕРНЫ! «Чайка» выехала на эстакаду, с которой открывался вид на город, и перед глазами Паши пронеслась целая вереница многоэтажной агитации. То, что он увидел, за секунду привело его к предобморочному состоянию, и лишь обычная для него флегматичность не дала скатиться в истерику.

ДАДИМ ОТПОР ЯЗЫЧНИКАМ-ИМПЕРИАЛИСТАМ!

ВЕРНУЛИ КУБУ – ВЕРНЕМ И АЛЯСКУ!

ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСКАЯ – СРАЖАЕМСЯ ДО ПОБЕДЫ!

Когда машина проплыла мимо трех одинаковых шестнадцатизэтажек, расположенных по диагонали к проспекту, крыши которых украшали буквы «МИР! ТРУД! ВЕРА!», Паша растолкал режиссера.

– Матвей, нужно поговорить!

– Что? Что случилось? Я только заснул!

Вместо ответа Паша указал ему на билборд, где кровожадный красноармеец лупил прикладом автомата тощего Дядю Сэма в звездно-полосатом цилиндре и фартуке с треугольником на груди: МАСОНЫ НЕ ПРОЙДУТ!

– Что это за...? – удивился Матвей спросонья.

– Тут повсюду такое, – выдавил из себя Паша.

– Мы точно в Москве? Куда этот хрен нас завез?

Водитель покосился на них в зеркало заднего вида, но сохранил невозмутимое выражение лица.

– Эй, любезный... – обратился Матвей к водителю.

– Гена, – подсказал ему Паша.

– Да, Гена, останови-ка на минутку – нам воздухом подышать нужно.

Спустя минуту Гена вырулил в боковой «карман», где двое вывалились из машины и, отойдя чуть поодаль, принялись дышать загазованным воздухом.

– Сигарета есть? – спросил режиссер.

– Только вейп.

– Что?

– Электронная сигарета.

– Не, я эту херню не курю, – ответил Матвей. – Я вообще не курю. Но сейчас надо.

Он заметил валявшуюся на обочине смятую пачку, нагнулся за ней, расправил – папиросы «Звезда». Внутри картонки оказалась одна наполовину вытрушенная гильза. Закрутив бантиком ее кончик, Матвей засунул папиросу в рот. Зажигалки у него не оказалось, у Паши – тоже.

– Эй, отец, огоньку не найдется? – обратился Матвей к потрепанному мужичонке, ковылявшему вдоль трассы с авоськой жестянок из-под пива.

«Отец» протянул ему коробок спичек, режиссер закурил, закашлялся, вернул спички бродяге.

– Товарищ, помоги копеечкой, – попросил мужичонка.

Чтобы поскорее избавиться от собирателя жестянок, Матвей достал бумажник и, не обнаружив в нем местной валюты, протянул мужику купюру в пять евро. Приняв этот щедрый дар, мужик впал в оцепенение и даже выронил на асфальт громыхнувшую авоську.

– Ступай, батя, ступай, – поторопил его даритель, и только тогда мужик поковылял дальше, то и дело оглядываясь и что-то бормоча под нос.

– Матвей, куда мы попали? – произнес Паша, стараясь держать себя в руках.

– Ну и дерьмо, – прохрипел режиссер, отбрасывая в сторону зловонную папиросу. – Ты на машины-то посмотри.

Паша, стоявший спиной к проезжей части, развернулся и тут же понял, что привлекло внимание его спутника. На восьмиполосном проспекте нельзя было увидеть ни одной иномарки – только «Жигули», «Волги», «Запорожцы», «Нивы» и «Победы». Были среди них и потрепанные экземпляры, но немало было и совсем новеньких. Вереницу образцов советского автопрома взрезал оборудованный мигалками «ЗИЛ» цвета мокрого асфальта – оттеснив несколько машин к обочине, он горделиво унесся вдаль.

- По ходу, Павлик, мы в «совке» оказались, – сказал Матвей, сам до конца не веря, что произносит эти слова.
- В смысле? – Пашка не смог придумать ничего умнее этого вопроса.
- Сам в шоке. Давай-ка вспомним, что было в этом подвале. Ведь до подвала-то все было ок, верно?

Паша попытался вспомнить.

- Я начал фотографировать, потом вы вот так качнулись, ухватились за это колесо... А потом мы оказались наверху – непонятно как...
- Точно, колесо! – воскликнул режиссер. – Вернее, не колесо, а вентиль. Я когда хватался за него, оно провернулось, кажется...
- Но не могло же из-за этого все так измениться... – недоверчиво пробормотал Пашка.
- Согласен, звучит бредово. Но вокруг все еще бредовее. Другой версии, кроме колеса, у нас все равно нет. Ты ведь знаешь про взмах крыльев бабочки и другую подобную пургу?
- Если дело в колесе, которое вы повернули, значит, нужно вернуться на завод и повернуть обратно.
- Сейчас возвращаться палевно. Водила на нас и так уже косится.
- А что делать-то тогда?

Матвей прошелся взад-вперед вдоль трассы, засунув руки в карманы.

- В общем, план такой, – произнес он наконец. – Едем сейчас в отель, как и планировали. Там по любому должен быть интернет – пробьем все и поймем, куда мы влипли. А потом уже поедem на завод и попробуем вернуть как было. Все понятно?

Паше было понятно не все, но он решил промолчать. В полнейшей тишине они добрались до отеля, который еще утром назывался «Витязь Резорт», а теперь над входом в него виднелась вывеска «Гостиница Колхозная». Матвей велел водителю дожидаться в машине дальнейших распоряжений и вместе с Пашей поднялся на верхний, шестнадцатый этаж, где размещался его люкс. Он не мог воссоздать в памяти прежний интерьер отеля, но готов был поспорить, что раньше в лобби не было ковра с орнаментом из серпов и колосьев, а на стене лифта – плаката «Развивайте в колхозах художественную самодеятельность».

Окна были занавешены – такими он оставил их, когда в полуобмороке выползал из номера поутру. Матвей включил свет, сбросил пиджак и туфли, заглянул в мини-бар. Паша в изнеможении упал в кресло.

- Будешь пить? – предложил режиссер своему гостю. – Есть водка «Столичная», пиво «Жигулевское» и еще «Боржоми».
- Я водички попою.

Он протянул Пашке бутылку воды, открыл пиво, подошел к окну и раздвинул шторы. Пивная банка выпала у него из рук и, плюясь пеной, покатила по ковра – перед его глазами возник Храм Святого Иосифа.

4. Союзная энциклопедия

Пока Паша пытался подключить клавиатуру к телевизору марки «Рубин», чтобы воспользоваться интернетом, Матвей провел небольшую инспекцию своего номера. Интерьер, насколько он мог судить, почти не изменился – все те же дубовые панели на стенах, зеленый ковролин, дурацкая люстра и плотные коричневые портьеры. Хотя, быть может, убранство его люкса прежде выглядело совсем по-другому – все время, проведенное здесь прошлым вечером и сегодняшним утром, он пребывал в таком состоянии, когда на детали интерьера особого внимания не обращаешь. Что касается бытовых мелочей, то тут изменения бросались в глаза на каждом шагу. В ванной комнате Матвей обнаружил мыло «Пионер», полотенца и халаты, произведенные фабрикой «Большевичка», на журнальном столике – газеты «Труд» и «Правда», а также журналы «Крестьянка» и «Колхозник». В противоположных углах комнаты подобно образкам висели небольшие портретики Ленина и Сталина, на потолке была изображена стрелка, указывающая направление к Усыпальнице Двуглава.

Наконец Пашка сумел совладать с советской техникой, и на мониторе высветилось окно браузера. Он вбил адрес Википедии, но был перенаправлен на сайт Большой Союзной Энциклопедии, где первым делом ввел запрос «СССР». Тут напарники открыли для себя много нового, отчего тут же припухли. Союз Священных Суверенных Республик или просто Священный Союз был образован в 1922 году и включал в себя 16 республик. Позднее других к Священному Союзу присоединилась Куба – в 1961 году. Ни о каком распаде СССР в статье речь не шла, но это было понятно и без энциклопедии. Особо доставил читателей стиль повествования, в котором сухие канцелярские обороты соседствовали с высокопарным слогом, почти былинным. Так отечественные военные именовались не иначе как славными витязями и богатырями, трудящиеся – солью земли и героическими строителями будущего, колхозники – праведными пахарями, а весь народ проходил под грифом «правоверная нация». Правоверием, как выяснилось при переходе по ссылке, назывался единственно верный образ жизни и мышления, составляющий генетический код союзного народа.

Следующая статья, с которой ознакомились изрядно припухшие читатели, была посвящена Москве. Как выяснилось, Москва – это прежнее название Сталинбурга, столицы и крупнейшего города Священного Союза. Нынешнее название указом ЦК ПКСС было присвоено столице в трагическом для всей страны 1953 году, в год успения Иосифа Виссарионовича Сталина или Святого Иосифа (к рангу святых он был причислен отдельным указом в том же году). Паша кликнул на ссылку «ЦК ПКСС», и энциклопедия поведала, что Центральный Комитет Правовой Коммуны Священного Союза возглавляется вечно живым Святейшим Двуглавом, исполнителем воли которого служит вся правоверная нация и каждый ее представитель в отдельности. Иллюстрация к статье являла собой фото мавзолея, который вместо фамилии «Ленин» украшала надпись «Усыпальница Святейшего Двуглава». В этот момент монитор погас, а затем на нем появилось уведомление, сообщавшее, что согласно правилам проживания в гостинице «Колхозная», интернет можно использовать не более пятнадцати минут в течение одного часа.

– Что за херня, товарищ? – вырвалось у Пашки.

Вместо ответа Матвей приложил палец к губам и поманил юношу в сторону ванной комнаты, где включил воду на полную мощность и только после этого заговорил.

– В номере общаться небезопасно – могут быть «жучки». Ясно одно: мы с тобой попали в какую-то поцоватую параллельную реальность, где Союз никогда не распадался...

- А коммунизм стал религией, – закончил за него Паша.
- Если бы тебя здесь не было, я бы решил, что тронулся мозгами. Но ты-то видишь то же, что и я?

Вильзон кивнул.

- Впрочем, ты тоже можешь быть частью моей галлюцинации... Но тогда это полный аут и лучше об этом не думать, – с печалью в голосе произнес Матвей.
- Не, я точно не галлюцинация, – уверенно ответил его собеседник.
- А что еще ты можешь сказать?
- Что будем делать, Мэт? Давайте вернемся на завод!
- Не называй меня «Мэт» – лучше «Матвей», чтобы не палиться. И давай на ты.
- Хорошо, Матвей. Так что, когда поедem?
- Сейчас, вещи соберу и порулим. Но я бы, честно говоря, на фокус с вентилем особо не рассчитывал. Может, сработает, а может, и нет – фифти-фифти. По любому нужен план-Б.
- Какой тут может быть план-Б? – удивился Паша.
- Валить за бугор из этого гребаного «совка».
- Думаешь, это так просто?
- Не забывай, я гражданин другой страны.
- А я?
- И тебя вытащим, – режиссер закрыл кран.

Они вернулись в комнату. Паша занялся изучением прессы, валявшейся на журнальном столике, а Матвей полез в шкаф, где оставил вчера свою дорожную сумку с узором из букв L и V. Вместо дорожной сумки, подаренной бывшей женой, он нашел там довольно унылого вида коричневый чемоданчик с наклейкой «Аэрофлота» на боку. Щелкнув замками, он заглянул внутрь – там обнаружился ворох одежды (преобладала серо-буро-коричневая гамма), электробритву в дерматиновом футляре, одеколон «Саша» и томик Ремарка. Во внутреннем кармане чемоданчика лежал загранпаспорт гражданина Священного Союза. Последняя находка несколько снижала шансы вырваться за пределы советской действительности, но Матвей решил пока не делиться с Пашей своими опасениями. Тут можно было бы сказать, что он ожидал, будто вот-вот проснется, но на самом деле ничего подобного он уже не ждал. Похмелье отпустило его, и все происходящее виделось теперь абсолютно реальным – даже более реальным, чем можно было себе представить. От горестных раздумий его отвлек телефонный звонок – это был водитель Гена, сообщивший, что Матвея ожидает товарищ министр, и выезжать нужно прямо сейчас.

- Кто? – переспросил Матвей, не сумев скрыть удивления.
- Всеволод Сергеевич, – ответил водитель, тоже удивленным тоном.

Матвей положил трубку на рычаг, потер виски, глянул на себя в зеркало. Выглядел он довольно потрепано, но бывало и хуже. Новость о том, что его брат в дивном новом мире служит министром, его приободрила. Хоть и непонятно, какой именно министр, но связи у Севы определенно были неслабые, а значит, Матвей сможет ими в случае чего воспользоваться.

- Мне нужно с братом встретиться, – сообщил он Паше. – А ты сиди в номере, никуда не звони и не ходи.
- Мы ведь на завод собирались...

– Успеем, не ссы. Если я брата продинамлю, не будет нам никакого завода.

Паша хотел было возразить, но решил, что будет вернее помалкивать. Когда Матвей вышел из номера, он уселся перед телевизором с бутылкой «Боржоми» и погрузился в прекрасные грезы местной пропаганды.

5. Лебединое озеро

Телеканалов было семь и каждый из них обладал четкой специализацией. Поначалу Паша проклацал их все в ускоренном режиме, а затем углубился в каждый из них на несколько минут.

Первый канал, новостной, носил название «Звезда», и его пятиконечная эмблема алела в правом нижнем углу экрана. Паша застал конец выпуска новостей, где суммировались главные события дня. «Генеральный секретарь ЦК ПКСС наградил отважного китобоя орденом Красной Хоругви». «Американские диверсанты осквернили Обелиск Правоверного Воина языческими ритуалами». «Священный огонь снизошел на стомиллионного паломника». «Союзные ученые разработали усовершенствованную модель Воротника Правды». «Милицией прекращены беспорядки в квартале еретиков, жертв среди коммунаров нет». Эти и другие новости подавались ярко-красными анимированными титрами, на фоне сочных фотографий.

К примеру, известие про священный огонь было почему-то проиллюстрировано шапкой Мономаха, а сообщение про Воротник Правды – металлическим ошейником, надетым на миловидную девушку. Что касается новости про прекращение беспорядков, то иллюстрация рвала шаблон еще более основательно: она изображала румяного милиционера, который лупил селфи на фоне виселицы с тремя трупами.

Выпуск новостей сменился студийным эфиром – программой «Благая весть». На фоне огромного монитора с изображением синюшной карты мира появился похожий на жабу ведущий в отличном темно-синем костюме, белой рубашке, красном галстуке и красной же звездой в петлице. На короткой шее, чуть выше галстучного узла Паша заметил блистающий в свете софитов стальной ошейник – такой же, как показывали в выпуске новостей. Шоумен, которого, как сообщил титр в нижней части экрана, звали Денис Сбитнев, сложил пальцы домиком на животе и патетическим тоном произнес:

– Не секрет, что сегодня, в преддверии эпохального дня – столетия Великой Октябрьской революции, наши враги особенно активизировались. Они хотят испортить этот праздник, священный для всего правоверного народа... Удастся ли им это? Нет, не удастся!

Быстрым движением языка он облизнул губы, словно проглотив невидимую муху и продолжил:

– Со всех сторон завистливые глаза, налитые кровью, наблюдают за славными успехами Священного Союза. Похотливые католики-мужеложцы на западе, алчные язычники на востоке, провонявшиеся селедкой идолопоклонники на севере, кровожадные исламисты на юге... Что мы можем противопоставить им, братья и сестры, в этой священной войне? Острые штыки и быстрые ракеты – скажете вы. Да, друзья мои, но это лишь оружие нашей

силы, а не сама сила! А в чем наша истинная сила, соотечественники? Наша сила в вере! – он перешел на крик. – В священной вере, что сдвигает с места горы и поворачивает полноводные реки вспять! Наша вера повергает в прах врагов, а сердца друзей заставляет...

Будучи не в силах больше слушать это, Паша щелкнул пультом, переключив телевизор на канал под названием «Сerp». Поначалу он решил, что этот канал – эротический. Экран заполнила необъятная молочная грудь, рвущаяся навстречу камере из льняного платья, украшенного национальным орнаментом, в который были вплетены серпы, молоты и багряные звезды. Выдающаяся грудь принадлежала молоденькой девушке с заплетенными в толстую косу пшеничными волосами и широкими веснушчатыми скулами. Проникновенным голосом она пылко вещала о чем-то, а когда Паша, переборов неожиданное возбуждение, вслушался в ее слова, то понял, что девица сообщает о резком увеличении надоев на всей территории бескрайнего Священного Союза, о бурно колосющейся ржи и о душистом навозе, щедро удобряющем плодородные поля, тянущиеся до самого горизонта...

Следующий телеканал, удостоенный вниманием юного зрителя, именовался «Молот», и в центре его внимания были удивительные успехи союзной промышленности. Глянцевые чугунные болванки плыли по экрану, аппетитно лилась расплавленная сталь, ритмичными фрикциями механические молоты долбили по наковальням, гудели станки, дымили заводы, неслись во все стороны под завязку загруженные вагоны, грузовики и пароходы. Все это с придыханием комментировал невидимый диктор, сыпавший таким количеством данных, что от обилия цифр у Паши сдавило виски, и он торопливо переключил на другую программу.

Телеканал «Штык», как несложно было догадаться по его названию, был посвящен военным успехам Священного Союза. Одетая в камуфляж брюнетка стержневого вида долго интервьюировала прыщавых солдатиков, извивавшихся в грязи на полосе препятствий. Затем по волшебству монтажной склейки она перенеслась на завод, где восславляла боевые достоинства новейшего ракетного комплекса «Исмаэль», после чего был продемонстрирован динамичный клип с «Исмаэлем» в главной роли и с бравым военным маршем в качестве музыкальной подложки. Вот «Исмаэль» выкатывается из заводского цеха, его освящает пузатый поп, затем ракетный комплекс гордо проезжает по Красной площади во главе парада, а в следующую секунду он уже обрушивает всю свою мощь на головы исламских повстанцев, заставляя их разлетаться в клочья пред лицом правоверного величия. Паша, в силу своей нежной натуры не любивший расчлененку на экране, брезгливо переключил канал.

«Культура» – было написано в нижнем углу экрана, и какое-то время Паша смотрел фильм, казавшийся ему смутно знакомым. Потом понял, что это раскрашенная версия киноленты «Касабланка», на которую были наложены голоса актеров из фильма «Сталинград» и музыка из сериала «Семнадцать мгновений весны».

– Сука! Зачем? – ни к кому не обращаясь, произнес Паша и тут же переключился на канал «Святыня».

Пожалуй, это был самый медитативный телеканал из всех, которые ему доводилось видеть. Трансляция статичной камеры велась из мавзолея, где в хрустальных гробах возлежали два спящих принца – Ленин и Сталин. Их восковые лица хранили на себе печать безмятежности, а к вискам были присоединены провода, уходившие за пределы экрана. Паша дождался

несколько минут, надеясь, что картинка сменится, но мумии, как им и следовало, оставались неподвижными, а в кадре никто появиться не осмелился.

Последний из телеканалов, с которыми Паша познакомился в этот день, носил название «Озеро», и название это абсолютно соответствовало содержанию. На канале в режиме нон-стоп транслировался балет «Лебединое озеро». Под проникновенную музыку Чайковского балерины в белых пачках стригли воздух жилистыми ногами, и от зрелища этого сквозило такой безнадежностью, что Паше захотелось вдруг выброситься из окна. Но, переборов это желание, он выключил телевизор, откупорил банку «Жигулевского» и осушил ее жадно, хоть и без удовольствия.

6. Комплексный обед

Посмотрев на часы, Паша понял, что посвятил заппингу больше часа. А это означало, что снова можно воспользоваться интернетом. Первым делом он загуглил свое имя (точнее зазвездил, поскольку единственная доступная поисковая система называлась «Звезда»), ничего не нашел и не удивился этому. Вслед за этим он набрал имя своего старшего товарища, и поиск выдал ему целую кучу статей, первая из которых была опубликована не где-нибудь, а в Большой Союзной Энциклопедии.

Из энциклопедии Пашка узнал, что его товарищ, младший брат видного деятеля культуры Всеволода Сергеевича Корчагина, родился в Сталинбурге в 1979 году, отучился во ВГИКе на факультете кинорежиссуры, а затем был направлен в Чехословакию для укрепления культурных связей между дружественными государствами. Там при поддержке Союза кинематографистов СССР он снял пять художественных фильмов, самый известный из которых – чехословацкая экранизация романа «Как закалялась сталь». Кроме того, в его фильмографии – три документальных ленты: «Правоверная Чехословакия», «Пражская весна» и «Гитлер на службе Пентагона». Награжден двумя государственными премиями, одна из которых присуждена министерством культуры Чехословакии, другая – аналогичным министерством Священного Союза. Паша подумал, что Пентагон вряд ли стал бы брать на службу Гитлера, но по сравнению со всеми остальными несурaziцами сегодняшнего дня эта выглядела мелочью.

Он почувствовал, что страшно голоден, ведь с самого утра ничего не ел. В мини-баре кроме напитков ничего не было – даже завалящего пакетика орешков. Попытался заказать доставку еды, но номер ресторана, найденный им в справочнике на тумбочке, не отвечал. Покидать комнату, а тем более отель в отсутствие Матвея было неразумно, но у Паши не было выбора – желудок сводило от голода. Он решил пообедать в гостиничном ресторане и, оставив рюкзак в номере, спустился на первый этаж.

Ресторан посетителей не принимал – на его двери висела табличка «Закрыто на спецобслуживание». К счастью, на том же этаже размещался буфет, из открытых дверей которого тянуло густым запахом какого-то мясного варева. Войдя внутрь, Паша убедился, что на большей части столиков стоят таблички «Стол заказан». Несмотря на обеденное время, были заняты только три стола: в центре зала сидела компания аниматоров из трех человек, а по бокам от них – двое мужчин в серых костюмах. Один из них, сидевший за столиком слева, пил чай из граненого стакана, внимательно изучая газету «Правда», другой же, за столиком справа, пил кофе, дымя папиросой. Эти два типа были похожи друг на друга

словно двойняшки, и на обоих были надеты металлические ошейники, такие же, как те, что Паша видел сегодня по телевизору.

Заказав у полногрудой тетки в несвежем фартуке, надетом поверх национального платья в пол, комплексный обед №1 (борщ, капустный салат, котлета с картофельным пюре, компот и булочка), Паша занял свободный столик и принялся с любопытством наблюдать за аниматорами, одетыми в яркие звездно-полосатые костюмы и такой же расцветки карикатурные цилиндры. Как ни странно, трое мужчин, наряженных в таком примечательном стиле, говорили по-английски, с отчетливым американским акцентом. Прислушавшись к их разговору, он с удивлением понял, что перед ним американские туристы. Попивая чай из стоявшего в центре стола самовара, иностранцы обсуждали дешевизну жизни в Сталинбурге и необычайную непосредственность местных жителей. Затем один из них, судя по всему, не в первый раз выказал недоумение по поводу того, что все американцы во время пребывания в Священном Союзе должны носить эту нелепую униформу. Судя по выражению лиц его друзей, они также были недовольны данным обстоятельством, но разговор на эту тему не поддержали.

Телевизор, установленный над стойкой бара, транслировал канал «Культура». Показывали концерт под названием «Пляски на Аляске». Солист группы «Красный есаул» в френче, увешанном орденами, допел песню «Не валяй дурака, Америка», и его сменил высокий кудрявый брютет педерастической наружности, наряженный медведем. Он исполнил заводную песенку «Ой, мама, разбомбим, разбомбим!», помахивая надувной двухметровой бомбой. Этим муляжом во время каждого припева он с размаху лупил американского империалиста, которого вытолкнули из-за кулис танцовщицы в отороченных мехом эскимосских нарядах. Актер, изображавший американца, был одет в точности так же, как американцы, сидевшие неподалеку от телевизора. Паша скосил глаза, чтобы понаблюдать за их реакцией на перформанс, но зарубежные туристы сидели к экрану боком и концертом не интересовались.

Тем временем буфетчица принялась подносить к Пашиному столу заказанную им еду. Первым делом появился граненый стакан с марганцевого цвета компотом, накрытый пузатой сдобной булочкой. Спустя несколько минут – котлета с гарниром, тут же за ней – борщ, а когда Паша разделался со всем этим, на столе перед ним возникла фарфоровая миска с крупно порубленной капустой, залитой подсолнечным маслом. Вся эта стряпня была не то чтобы невкусной, но каждой своей молекулой напоминала привыкшему к хумусу, фалафелю и митболам юноше про заводской обед или трапезу хлебороба (ни того, ни другого он, естественно, никогда в жизни не пробовал).

Вытерев губы накрахмаленной салфеткой, Паша попросил у буфетчицы счет, и когда тетка положила перед ним лоскут серой бумаги со столбцом из цифр, увидел, что весь банкет обошелся ему в два рубля пятнадцать копеек. Порывшись в кошельке, он достал сторублевую купюру. Буфетчица приняла сторублевку с таким видом, словно ей протянули живого скорпиона. По дороге к кассе она внимательно разглядывала купюру и даже изучила ее на просвет. Потом тетка изменила маршрут и, остановившись у столика, за которым сидел мужчина с кофе, положила сотню перед ним. Тот, ничего не сказав, достал из кармана полиэтиленовый пакетик, с помощью пинцета засунул в него купюру и, поднявшись со стула, вальжной походкой направился к Паше.

Почуввав неладное, Пашка дернулся в сторону выхода, но второй мужик в сером костюме преградил ему путь. Вдвоем напарники технично скрутили парня на глазах у американских туристов, защелкнули за его спиной наручники и выволокли из буфета.

7. Министерство культуры

«Чайка» заехала на служебную парковку Министерства культуры, и Матвей выбрался наружу, щурясь от солнца. Министерство занимало два разностильных здания, соединенные друг с другом перемышкой. Одно из них, фронтон которого украшали золотые буквы «МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ СВЯЩЕННОГО СОЮЗА», представляло собой типичный мраморный высер советского монументального зодчества. Второе, расположенное правее, являло собой уютный бело-голубой особнячок с высокими узкими окнами.

Водитель проводил Матвея до проходной, где его ждал выписанный пропуск, а дальше какой-то юноша в алой косоворотке повел его по коридорам, заполненным хлопотливыми клерками. Разглядывая встречаемых, режиссер подтвердил свой вывод, сделанный по дороге сюда. Все жители Сталинбурга отдавали предпочтение одному из трех стилей одежды: национальные наряды, военные кители и церковное облачение (на территории министерства преобладала первая категория). По смене интерьера визитер понял, что, оставив позади мраморную пристройку, они оказались на территории особняка. Там сопровождающий направил его к гробоподобному лифту, рассчитанному на одну персону и велел подняться на четвертый этаж: там вас встретят.

Выйдя из лифта, Матвей очутился в просторной приемной, стены которой были обиты панелями из темного дерева. За столом у окна восседала женщина лет сорока пяти с высокой блондинистой прической, в которую щедрой рукою были вплетены колоски ржи, а весь этот сноп был перевязан кумачовой лентой. Проворно поднявшись со своего места, она подобрала полы длинной юбки и подскочив к гостю, прижала его к груди и облобызала, утопив в аромате сладких духов, в которых Матвей каким-то образом узнал запах из детства – «Красную Москву».

– Здравствуйте, Матфей Сергеевич! Слава Кремлю, приехали наконец! – промурлыкала она, когда Матвей сумел вырваться из ее объятий. – Всеволод Сергеевич вас уже ожидает. Все встречи отменил, чтобы с братом повидаться!

– Спасибо, – пролепетал визитер. – А вы...

– Я – Аврора Ивановна. Если что-то понадобится – смело обращайтесь!

Мэт не знал, что ему может понадобиться от этой женщины, но на всякий случай взял протянутую ею визитку.

– Вам сюда, – Аврора Ивановна приоткрыла перед ним дверь министерского кабинета и подтолкнула внутрь, слегка хлопнув ладонью ниже спины.

Похоже, кабинет брата занимал пол-этажа. От входной двери к массивному министерскому столу вела красная ковровая дорожка наподобие каннской, а над столом висела огромная икона в золотом окладе. За столом, вперившись в огромный монитор ноутбука, сидел сам Сева Корчагин – загорелый, усатый, с седыми волосами, зачесанными назад и с полудюжиной крупных перстней на цепких пальцах. Одет он был в светло-зеленый френч со

стоячим воротом, а грудь его помимо россыпи орденов украшала красная звезда на золотой цепи, свисавшей с шеи. Заметив появление брата, он громко крикнул, захлопнул ноутбук, поднялся из-за стола и театрально раскинув руки, направился к нему навстречу, после чего заключил в объятия, пощекотал усами обе щеки, а затем под руку подвел к стоявшему у окна дивану, куда бережно усадил.

– Ну, здравствуй, братик, – промолвил министр, усевшись рядом. – Право слово, долго же ты к нам добирался! Я ведь тебя уж не первый год в Сталинбург кличу. И вот, хвала Иосифу, сподобился наконец!

– Спасибо за приглашение, братец, – выдал из себя Матвей, стараясь не провалиться в ложбину между диванными подушками.

– Брось ты этот свой официоз! – потребовал Сева. – Давай по-простому, по-братски. Как сам-то? Несешь слово правое чехам?

– Все путем, – отвечивал Мэт. – Несу помаленьку.

– Тут помаленьку никак нельзя – всем сердцем надобно! Кстати, видел я твою новую работу. Ловко ты америкосов прищучил!

Матвей не понял, о какой именно работе шла речь, но сердечно поблагодарил брата. Затем последовал продолжительный обмен любезностями. Во время разговора он разглядывал висевшие над столом иконы. На одной из них был изображен человек с крысиным лицом на фоне алого знамени, складки которого являли собой что-то вроде пятиконечного нимба. Этот портрет Мэту уже неоднократно встречался – и в городе, и в гостинице, и в министерских коридорах. На другой иконе красовались семь эпичных фигур. В центре – Ленин и Сталин с пятиконечными звездами вокруг голов, развернувшиеся друг к другу таким образом, словно собирались завертеться в вальсе. Над ними парила голова Троцкого в виде шестикрылого серафима. У ног вождей пролетариата выстроились в рядок пять фигур поменьше. Мэт сумел опознать лишь троих из них – Владимира Маяковского, Максима Горького и Никиту Михалкова. Двое других, как ему стало известно позже, были художник Илья Глазунов и скульптор Зураб Церетели. Переведя взгляд на брата, Мэт заметил, что на указательном пальце его правой руки отсутствуют две фаланги – они были заменены золотым гравированным протезом.

Сева поинтересовался, как братец долетел, хороши ли условия в гостинице «Колхозная» и не нужно ли родственничку чего. Матвей же в ответ полюбопытствовал о здоровье своего племянника, а затем спросил, как дела у Лики.

– У кого? – переспросил старший брат, взглянув на него удивленными водянистыми глазами.

– У жены твоей, братец, – уточнил Матвей.

– Ах, Лукерья-то! Да, все путем, храни ее Двуглав! А то «Ли́ка» какая-то – по-чешски, что ли?

Министр нажал кнопку, вмонтированную в подлокотник дивана, и в кабинет вплыла Аврора Ивановна, толкавшая перед собой столик на колесиках, на котором возвышался пузатый самовар, пара литровых чашек с двуглавыми орлами и вазочка с конфетами «Мишка в Сибири».

– А ведь знаешь, я тебя по делу позвал, – лукаво произнес Сева. – Ну да ты, наверно, и сам догадываешься, по какому?

– Служу Священному Союзу! – уклонился от ответа Матвей.

– Молодец! Так держать! – министр хлопнул брата по колену усыпанной перстнями пятерней. – Так вот, дело-то такое... Мы к Столетию Октября готовим цикл документальных фильмов. Рассказывать будем о жизни в Священном Союзе – друзьям на радость, врагам на зависть. Всего будет шестнадцать серий, и покажем мы их все 7 ноября. От каждой союзной республики – по одному режиссеру и соответственно по одной серии. Со всеми республиками, кроме Кубы, у нас полный порядок... Ну, а вот с Кубой, сам понимаешь...

– А что, на Кубе с кинематографом совсем плохо? – спросил Матвей.

Брат посмотрел на него внимательно, не отводя взгляд.

– Да, Матфей, на Кубе с кинематографом не очень, – произнес он после нескольких секунд молчания. – И ты, братец, сам должен понимать, почему.

Матвей сделал вид, что понимает и воздержался от дополнительных расспросов.

– Так вот, – продолжил министр, – я решил, что мы тебя как кубинского режиссера и заявим. А то, что ты в дружественной Чехословакии проживаешь – это не важно: задним числом тебя на Кубу переведем.

– Значит, ты хочешь, чтобы я снял одну из серий? Как сериал-то в целом будет называться?

– «Сто лет Октября» – решили особо не мудрствовать.

– А хронометраж одной серии какой?

– Час, братишка. Уложишься?

– Уложусь, если надо. Но нужно же сначала материал изучить...

– Так за тем я тебя и вызвал сюда пораньше. Погуляй по Сталинбургу, посмотри, как у нас тут люди живут. А через недельку уже и сценарную концепцию накатаешь. Ну а потом – и сценарий.

Надеюсь, я здесь на неделю не задержусь – произнес про себя Матвей. Перспектива работы над эпопеей, посвященной столетию революции, его абсолютно не радовала, но речь шла не о том предложении, от которого можно было отказаться.

– Ты обедал-то уже? – поинтересовался министр, наблюдая за тем, как брат засовывает в рот третью конфету.

Матвею пришлось признаться, что нет, не обедал.

– Вот я растяпа! Кто ж так брата родного встречает! – Сева хлопнул себя ладонью по лбу. – Значит так, сейчас тебя в министерскую столовую отведут, а потом поедешь Святейшему Двуглаву поклониться. Ну, а вечером ждем тебя к нам домой на ужин. На восемь устроит? Еще в гостиницу перед этим заехать успеешь.

Мэт поднялся с дивана, полагая, что встреча закончена.

– Телефон мой домашний есть? – спросил министр. – А то дома я звездофон обычно отключаю.

– Давай запишу, – Матвей достал из кармана айфон.

– Это еще что? – Сева тоже вскочил с дивана. – Ну, вы там у себя в Чехословакии совсем распоясались! Вражескую заразу в кармане таскать! Дай-ка сюда!

Выватив у брата айфон, министр положил его на стол и тут же расхерачил малахитовым пресс-папье – Матвей не успел даже охнуть. Вслед за этим Сева достал из ящика стола красную звезду на золотой цепи – такую же, как та, что висела у него на шее. Он нажал на кнопку, впаянную в алую эмаль, и звезда раскрылась наподобие пудреницы – внутри находился небольшой тачскрин.

– Я на первой кнопке, Аврора Ивановна – на второй, отец Лаврентий – на третьей, – сообщил Сева, протягивая брату звездный гаджет.

– А кто такой отец Лаврентий? – поинтересовался Матвей, принимая подарок.

– Пастырь мой. А теперь и твой. К Святейшему Двуглаву тебя доставит. Но сначала обед, конечно.

– Слушай, Сева, еще одно дело. Я ведь сюда не сам прилетел – с ассистентом. Пашей зовут.

– Это правильно, братец. Одна голова хорошо, а две лучше.

– Можно я его на ужин захвачу?

– Что за вопрос, Матфейка! За столом всем места хватит!

Была нажата кнопка вызова, и Аврора Ивановна вновь вкатилась в кабинет, излучая благодное радушие.

– Отведите-ка, голубушка, братца моего в столовую, – велел ей министр.

– А ты обедать не идешь? – спросил у него Матвей.

– Не могу, друг любезный, – развел тот руками. – Дела государственной важности. Облатку погрызу, святой водицей запью – вот и весь мой обед.

С этими словами министр прижал брата к сердцу, трижды расцеловал его, щекоча усами и выпроводил за дверь вслед за Авророй Ивановной, а сам вновь уселся за ноутбук, смахнув перед этим со стола то, что осталось от раздолбанного айфона.

8. Усыпальница Двуглава

В министерской столовой, куда Матвей был сопровожден Авророй Ивановной, предлагались три обеда на выбор: ленинский, сталинский и троцкистский.

ЛЕНИНСКИЙ ОБЕД

Салат «Горки»

Щи с мозгами

Свиная котлета с гречневой кашей

Сдобная чернильница с молоком

СТАЛИНСКИЙ ОБЕД

Салат из баклажанов

Суп харчо

Цыпленок табака с картофелем

Сорбет из красного вина

ТРОЦКИСТСКИЙ ОБЕД

Форшмак с гренками

Бульон с мацой

Куриные котлетки с макаронами Штрудель

За несколько минут втоптав сталинский обед, Матвей понял, что был по-настоящему голоден. Вместо денег он отдал на кассе подписанный Авророй талон и, поблуждав немного по министерским коридорам, выбрался из здания.

Возле «Чайки» его уже поджидал отец Лаврентий, облаченный в рясу цвета хаки и такого же цвета клобук с красной звездой, сдвинутый на затылок. Он вальяжно расселся на капоте машины, покуривая папиросу. Его кадило болталось тут же – цепь его была обмотана вокруг антенны. Заметив приближающегося Матвея, святой отец даже не подумал сменить позу, лишь отшвырнул в сторону папиросу.

– Здравствуй, сын мой! – бросил он режиссеру хриплым голосом, а затем выставил перед собой руку, предлагая поцеловать перстень с двуглавым орлом, надетый на средний палец.

Матвей, уклонившись от поцелуя, неловко пожал руку.

– Ну что ж, в путь, к святыням! – с этими словами отец Лаврентий спрыгнул с капота, отвязал кадило и забрался на заднее сидение машины, за рулем которой уже сидел водитель Гена.

Священник предложил Матвею занять место рядом с ним, и авто тронулось. Выудив из-под рясы флягу с выгравированным на ней профилем Сталина, поп хряпнул изрядный глоток кагора, затем протянул ее спутнику, но тот отказался. Тогда в руке отца Лаврентия появилась зажигалка, с помощью которой он разжег содержимое кадила, которое, как оказалось, было заполнено кусками гашиша. Водитель, учуяв едкий запах, быстро наполнивший салон, слегка приоткрыл окно и затем всю дорогу покашливал. Матвей тоже открыл окно со своей стороны: расклеиться на куски – это не то, что ему сейчас нужно было.

– Вот ведь блядство, – произнес поп, помахивая кадилом у себя перед носом. – Раньше воскуришь – улада для ноздрей, а теперь туда будто говна коровьего намешали. Конфискат, блядь, вещдок... Так что, значит, Матфей, из самой Чехословакии к нам прибыл?

Мэт, хоть и был обескуражен и гашишным кадилом, и неожиданной сменой темы, не подал виду.

– Оттуда, отец Лаврентий.

– Хуентий! – хохотнул его собеседник, а после зашелся кашлем. – Зови меня просто «батюшка». И что, крепчает у вас правоверие? Еретики не выебываются?

– Выебываются маленько, но мы их... Ух... – неопределенно ответил Матвей, хлопнув кулаком по ладони.

– Это хорошо, Матфеюшка, хорошо. Ежели этих выблядков не пиздить, они в конец охуеют. Мы-то тут, у себя, порядок-то навели, а заедешь в какую-нибудь Варшаву – там пиздец. И вражеские голоса слушают, и перед Святейшим Двуглавым шапку не скидывают, и на правоверные устои хуй кладут. Ну, ничего, Матфейка, придет время – мы и ваших чехов приструним, а потом и варягов с греками. Так-то, Матфейка. Матфейка-малофейка!

Поп захихикал – похоже, кадило начало действовать. Что касается Матвея, то он ощущал лишь легкое головокружение – главным образом, потому, что старался дышать не гашишным дымом, а воздухом из приоткрытого окна. Слушая треп отца Лаврентия, становившийся все более бессвязным, Мэт не заметил, как они приблизились к Красной площади – впереди показались шпили островерхих башен. «Чайка» встряла в автомобильный затор, но священник, открыв окно и сняв с головы клобук, поместил его на крышу машины. Как оказалось, в клобук была встроена мигалка, возымевшая на остальных водителей магическое действие – автомобили, толкаясь бамперами, расползли в стороны, и спустя несколько минут «Чайка» уже заехала на подземный паркинг неподалеку от Исторического музея, где заняла место, отведенное для священнослужителей.

– Ну что, Матфейка, давно ли в Усыпальницу наведывался? – поинтересовался поп, когда они поднимались в лифте на поверхность.

– Давненько, батюшка, – пробормотал Матвей.

– Небось, еще до шапки Мономаха?

Мэт не понял, какое отношение шапка Мономаха имеет к мавзолею и решил ограничиться кивком. Его спутник выглядел теперь предельно собранным – будто не он всего пару минут назад одурманивал себя гашишным дымом.

– Вот она, родимая, площадь наша Красная. Сердце Сталинбурга! – не скрывая восхищения произнес священник, когда они выбрались на поверхность у Никольской башни.

Первое, что бросилось Матвею в глаза – то, что площадь была красной в полном смысле этого слова: каждый ее булыжник был выкрашен алой краской, а затем вскрыт лаком, отчего мостовая под ногами как будто была выложена черепами с только что снятыми скальпами. Чуть вдалеке виднелся мавзолей, украшенный надписью «Усыпальница Святейшего Двуглава», и к нему вилась длинная очередь, изгибавшаяся у ГУМа и уходившая в сторону пряничного Храма Василия Блаженного. Опустившись на колени, отец Лаврентий прильнул губами к одному из камней.

– Целуй землю святую, пидарас! – велел он Матвею. – Что стоишь как поц?

Мэту пришлось подчиниться. Поднявшись с колен, они направились в сторону мавзолея. Несмотря на будний день, площадь была запружена народом – от ярких косовороток и нарядных золоченых кокошников рябило в глазах. Чтобы расчистить дорогу, батюшка включил мигалку на своем клобуке, и праздно шатающиеся срыгнули в разные стороны, образовав широкий проход. Поп, как и следовало предположить, направился не к краю очереди, маячившему чуть ли не в километре от них, а сразу к усыпальнице. По мере приближения к гранитному строению Матвей заметил, что многолюдная очередь устремлена к рамкам металлоискателей, расположенным в сотне метров от входа. Однако рамки эти были высотой не в человеческий рост, а доходили примерно до пояса – чтобы преодолеть их, паломникам приходилось опускаться на колени. От рамок в сторону мавзолея вел зарешеченный сверху и по бокам проход такой же высоты, так что добраться до усыпальницы можно было только ползком на карачках.

По пути отец Лаврентий прочитал Матвею небольшую лекцию об устройстве Усыпальницы Святейшего Двуглава и о той важнейшей роли, которую играла в ней шапка Мономаха. Если верить словам попа, в 2013 году, в шестидесятую годовщину успения Святого Иосифа,

союзные ученые совершили революционное открытие. Они нашли способ считывать мозговую активность Двуглава, транслируя эти сигналы на шапку Мономаха. Теперь, надев эту шапку, можно было проникнуться величием мысли двух титанов, которые продолжают управлять Священным Союзом, не пробуждаясь от своего вечного сна. В этом сне они видят великое будущее своей Родины, а также – тот единственно верный путь, который к этой цели ведет.

Первым, кто опробовал на себе высокотехнологичное устройство, стал генеральный секретарь ЦК ПКСС, Александр Александрович Птушка. Теперь каждый свой рабочий день он начинает с визита в Усыпальницу, где получает инструкции по управлению страной непосредственно от Святейшего Двуглава. По настоянию генсека чудесное открытие стало доступно широкой общественности – теперь каждый гражданин Священного Союза может надеть на себя шапку Мономаха, чтобы ощутить великое таинство единения с мыслительным процессом святых Владимира и Иосифа. Услышанное вызвало у Матвея множество вопросов, главный из которых относился к тому, какие именно мыслительные процессы могут быть у двух мумифицированных трупов. Но все свои вопросы он благоразумно решил оставить при себе и, конечно, правильно сделал. Отец Лаврентий же закончил свой экскурс следующим образом:

– Тут всякие еретики поганые повадились пиздеть, что, мол, именование «Двуглав» не соответствует Триединому Священству. На что мы неизменно отвечаем: у Революции две головы орлиные и одно сердце львиное. Святого Льва мы чтим именно как движущую силу Великого Октября, как пламенный импульс, над всею Землею воссиявший. И символично, что голову свою он сложил под натиском беспощадного ледоруба, а прах его покоится в далеких мексиканских краях. Но сердце его незримо присутствует здесь, в Усыпальнице Святейшего Двуглава, озаряя его словно алая немеркнущая звезда. Вот так-то, блядь.

Тем временем они приблизились к рамкам металлоискателей, однако ползти на карачках дальше им не пришлось. Отец Лаврентий получил у одного из милиционеров, стоявших на посту возле рамок, какую-то пилюлю, расписался за нее в ведомости и протянул Матвею.

– Это что? – спросил тот.

– Облатка, сын мой. Разгрызи перед тем, как глотать.

Матвей разжевал облатку, ощутив вкус, знакомый еще с юности, по берлинским клубам. Это определенно был привкус ЛСД, от которого сводило челюсти как от синтетической хурмы.

– Это что, кислота? – удивленно спросил он у святого отца.

– Ты пиздел бы поменьше, а о высоком подумал, – посоветовал батюшка. – С минуты на минуту на тебя благодать снизойдет. Земное отринь, о высоком помысли!

По своему опыту Матвей знал, что кислота обычно начинает действовать спустя полчаса после приема, но тут, видно, ему пришлось иметь дело с усовершенствованной формулой. Башни Кремля закрутились спиралями, золотой двуглавый орел над мавзолеем затрепетал крыльями, а в сторону Собора Василия Блаженного Мэт и вовсе боялся смотреть. В следующую секунду отец Лаврентий подтолкнул его к невысокой калитке, которую милиционер, дежуривший у входа в Усыпальницу, распахнул перед ним. Опустившись на колени, Матвей заполз внутрь.

Какое-то время он пробирался по узкому коридорчику с низкими потолками и стенками, выложенными черным мрамором – по случаю визита особого гостя его освободили от паломников. Затем он оказался в основном помещении, где уже можно было подняться с колен, но отец Лаврентий, оставшийся снаружи, во время предварительного инструктажа строго запретил это делать. Как и в коридорчике, в затемненном зале никого не было – кроме двух покойников, лежавших в саркофагах со стеклянными стенами. Они расположились головами ко входу, и от этих голов тянулись пучки черных проводов, соединявшихся на шапке Мономаха, уложенной на возвышении из красного гранита. В ногах у мумий было установлено большое зеркало, в котором паломник мог видеть лики обоих святых и себя между ними.

Мэту показалось, что стены каменного мешка сдвигаются, и чтобы поскорее выбраться из траурного зала, он поспешно водрузил шапку на голову. Поначалу не ощутил ничего, потом – легкое покалывание в висках, судя по всему, от электрических разрядов. Спустя секунду покалывание стало сильнее, а в следующий момент случилось то, ради чего этот аттракцион и затевался – на Матвея Корчагина снизошла благодать. Это была не какая-нибудь там фейковая благодать наподобие той, какую испытываешь, закинувшись колесом на гоанском пляже, а самая настоящая благодать высшей астральной пробы. Он ощутил в своей голове присутствие Высшего Разума, не суетного и мятущегося, но спокойного и рассудительного. Этому Разуму было известно все и о Матвее, и о любом другом человеке, и о тех, кто давно умер, и о тех, кто еще не родился. Высший Разум знал абсолютно все, не совершая для этого никаких усилий. Он также знал, как привести всякое живое существо к абсолютному счастью, и был готов за руку провести Матвея по этому пути, берущему начало прямо здесь, в этой величественной Усыпальнице...

Пришел в себя Матвей уже снаружи. Он стоял на подгибающихся ногах, придерживаемый с двух сторон заботливыми милиционерами, а отец Лаврентий протягивал ему пластиковую бутылку со святой водой.

– Ну что, Матфей, снизошла на тебя благодать? – лукаво вопрошал батюшка.

Мэт ничего не ответил – слова тут были лишними.

9. Камерная музыка

Когда Пашу привезли в участок, первым делом отметилили, не снимая с него наручников. Но к счастью, били, не вкладывая душу в процесс: пару ударов в челюсть, коленом под дых, контрольный по почкам. Вслед за этим его поместили в одиночную камеру, уже без наручников. В камере не было окон и помимо никелированного толчка и откидной койки имелись три телевизора на разных стенах, упрятанные в решетчатые короба – экрана не было лишь над дверью. Здесь Паша провел несколько томительных часов, размышляя о своей возможной участи. По понятным причинам будущее виделось ему довольно мрачным. Без документов и без связей, зато с полным кошельком денег, которые в этой стране явно являются контрафактными (о том, что за привычные рубли в Священном Союзе лучше ничего не покупать, он подумал слишком поздно). И еще неизвестно, что ему пришьют здешние следователи, а главное – какую кару повлечет за собой их обвинение.

У Паши было достаточно времени, чтобы прокрутить в голове всю свою жизнь. Карамельное детство, беззаботные школьные годы, студенчество, наполненное винишком и интрижками. Вспомнил он и всех своих пятерых женщин, с которыми было то хорошо, то плохо, то никак. Веселая оторва Ленка, томная флегма Машка, суицидальная шалава Верка, татуированная психопатка Диана и еще одна Ленка из бара «Кот Шредингера», о которой Паша мог сказать лишь, что она очень любит оральный секс. Но все эти милые уютные воспоминания имели отношение к совершенно другому миру, оставшемуся где-то далеко за пределами этой камеры и недружелюбного города под названием Сталинбург.

Наконец Пашу перевели в кабинет для допросов, вновь заковав в наручники. Классика жанра – комната без окон, с зеркалом во всю стену, с привинченными к полу столом и стульями, на столе – лампа, направленная арестанту в лицо. На стене напротив него висела икона, изображавшая Феликса Дзержинского, который, сидя на коне, поражал копьём змия, покрытого блатными наколками. Не успел Паша толком рассмотреть эту композицию, как дверь отворилась и в кабинет вошел следователь в сером костюме и с картонной папкой подмышкой – точная копия тех типов, что свинтили его в буфете.

Положив папку на стол перед собой, следователь достал из нагрудного кармана очки и долго протирал их платочком, делая вид, будто не замечает Пашу. По виду он был ненамного старше своего визави, но обладал лицом гораздо более уставшим и бледным – должно быть, из-за того, что много времени проводил в помещениях без окон. Следователь развязал тесемки на папке, достал из нее планшет, с его помощью сфотографировал Пашку, затем равнодушным тоном осведомился, как того зовут, когда он родился и где прописан. Вбив эту информацию в соответствующие поля файла, подключил планшет прямо к столу и распечатал некий документ – листы вылезли сбоку столешницы. Положив распечатку перед Пашей, велел подписать. Было видно, что следак не планирует тратить на парня много времени – должно быть, у него было много других, более интересных дел.

Паша бегло пробежался по документу, и глаза у него тут же полезли на лоб. Перед ним лежало чистосердечное признание, согласно которому 27 апреля 2017 года он, Павел Дмитриевич Вильзон, находясь в буфете гостиницы «Колхозная», что в Сталинбурге, произвел ряд противоправных действий, а именно:

- изнасиловал буфетчицу второго разряда Марфу Виленовну Балакушину;
- надругался над Красным уголком, начертав там собственной мочой мерзкую сатанинскую свастику;
- выдал американским туристам, находившимся в том же помещении, ряд государственных тайн, среди которых – секрет приготовления кагора и точные координаты трех отшельнических монастырей особого назначения;
- оказывал сопротивление при задержании двум сотрудникам Комитета Безграничного Гуманизма, в результате чего тяжело ранил одного из них.

Как ни странно, сторублевка, из-за которой Паша оказался здесь, в документе вообще не упоминалась.

- Я не буду это подписывать, – решительно заявил он.
- Это еще почему? – удивился следователь.
- Потому что это неправда.
- Ну и что с того, что неправда? – еще сильнее удивился его собеседник. – Что вообще есть правда, кроме той, что дарована нам Святейшим Двуглавым?

- Дайте мне чистый лист, и я напишу, как все было, – потребовал Паша, изумляясь собственной решительности.
- Знаю я вас, – презрительно процедил следак. – Вам только дай бумагу – вы такого понаписываете, что у нормального человека глаза повылазят. Правда, не правда – всем пох. Люди старались, за тебя признание составляли, а ты морду воротишь. Подписывай, что дали – другого нет.
- Я отказываюсь, – повторил Пашка, теперь уже чуть тише.
- Ну, отказываешься, так отказываешься, – неожиданно согласился следователь. – Не правомерно это – человека против его воли принуждать.

Он нажал кнопку, размещенную под столом, и через несколько секунд в кабинет ввалились два удалых милиционера.

- Поместите этого молодого человека в его комфортабельную камеру, – велел им следователь. – И чтобы он там не скучал, пусть прослушает концерт по заявкам.

Пашу вернули в его камеру-одиночку и оставили там закованным в наручники. Когда менты удалились, за дверью что-то щелкнуло, и телевизор, висевший над толчком, заработал. По нему транслировали видеоклип кудрявого сладкоголосого исполнителя, уже знакомого Паше по песне «Ой, мама, разбомбим, разбомбим!». На сей раз певец заголосил песню «Надежда, мой компас земной», судя по видеоряду посвященную Крупской. Все бы хорошо, если бы не оглушительная громкость, с которой певец атаковал барабанные перепонки несчастного узника. Поскольку Пашины руки были скованы за спиной, он не мог заткнуть ими уши, о чем еще сильнее пожалел, когда включился второй экран, на котором появилась хорошо знакомая ему Лика, то есть Лукерья Корчагина. Это была трансляция со сцены огромного концертного зала, где певица предстала в сопровождении многоголосого хора баб, как и она наряженных в платья до пола и высокие кокошники в форме кремлевских башен. Песня, которую хор надрывно тянул вслед за солисткой, носила название «Война отеческая, война священная» – узнал Пашка из титров, но слов разобрать не мог, поскольку рев двух телевизоров сливался в адскую какофонию, сводившую его с ума.

И когда он уже решил, что хуже быть не может, врубился третий телевизор, экран которого тут же заполнило лицо щекастого румяного блондина, похожего на Баскова. Одетый в бледно-голубой китель, расшитый серебристыми хохломскими узорами, он гарцевал по сцене в сопровождении трех танцовщиц развратного вида, наряженных в тельняшки, едва прикрывавшие задницы. Его надсадный вой влился в телевизионное трио, от которого Паше негде было спастись. Обезумев, он начал метаться по камере, натываясь на стены и поминутно падая. Тем временем кто-то, находившийся снаружи, решил, что имеющейся громкости недостаточно и добавил звука. Повалившись на пол, Паша завыл и принялся колотить ногами в дверь.

После того, как он подписал чистосердечное признание, ему вкололи успокоительное, выдали казенные трусы на смену и перевели в общую камеру, где также не было окон, но не было и телевизоров.

10. Священная жертва

В камере, рассчитанной на двоих, к приходу Паши уже обитали четверо. На одной из коек, положив под голову седую бороду, сладко похрапывал бомж в обоссанных трениках и реглане с символикой Олимпиады-80. На другой койке сидели двое мужчин гражданского вида: полноватый брюнет лет сорока с курчавыми волосами и черной повязкой на левом глазу, а также бритый наголо тип примерно того же возраста, с пронзительным взглядом, с изможденным худым лицом и впалой грудью. Четвертый постоялец неопределенного возраста комфортно устроился на полу в луже собственной блевотины и с блаженным видом разглядывал потолок камеры, не обращая внимания на своих соседей.

Кудрявый брюнет поприветствовал Пашу, затем поинтересовался, как тот здесь очутился. Бритоголовый молчал, сверля вновь прибывшего взглядом. Присев на край койки рядом с одноглазым, Паша ответил, что у него возникли разногласия с милицией – про пикантные детали вроде мнимого изнасилования буфетчицы второго разряда он решил умолчать. Его собеседник оказался более словоохотлив, и через полчаса Паша уже был хорошо знаком с его биографией.

Нового знакомого звали Берий Соболев, и он был известным иконописцем, а если верить его самопрезентации, то «лучшим в Священном Союзе». Среди самых значимых его работ – роспись Пещер Святого Феликса в Сталинбурге и оформление Храма Святого Владимира на Крови, что в Ленинграде. Кроме того, он являлся разработчиком правоверного шрифта «Берий Кириллик», который активно применялся как в наглядной агитации, так и в заставках телепрограмм. Также Берий был одним из самых популярных в Священном Союзе звонарей – Паша поначалу подумал, что речь идет о духовной музыке, но потом открыл для себя, что слово «звонарь» в их разговоре носило другое значение. Так называли членов сетевой общественной организации «Всесоюзный Колокол» – проще говоря, блогеров.

За все время, пока Берий Соболев набивал себе цену, бритоголовый мужчина не издал ни звука. Когда Паша попробовал к нему обратиться, тот лишь промычал в ответ и отвел взгляд.

– Он не будет с тобой разговаривать, – объяснил Берий Паше. – У него языка нет.

Товарищ Соболев охотно поведал историю Клим Флоренского – так звали безъязыкого. Клим был известным в Сталинбурге юродивым, по словам Берия специализировавшимся на подвигах во имя веры или, иначе говоря, на священных жертвах. Язык, который он несколько лет назад собственноручно отрезал, стал первой из такого рода священных жертв. Отрезанный язык был помещен им в задницу любимого коня товарища Птушки – к счастью, речь шла не о живом коне, а о конной статуе генсека, установленной на территории Кремля. Таким образом Флоренский показал, на какие жертвы он готов пойти, чтобы продемонстрировать свое почтение духовному лидеру правоверного государства.

Но Клим на этом не остановился – спустя несколько месяцев он отрезал себе яйца и зарыл их в парке неподалеку от Красной площади. Этот символический жест, призванный сделать столичную землю более плодородной, также привлек к себе внимание общественности – о подвиге Флоренского написали газеты «Правда», «Труд», «Красная хоругвь» и журнал «Садовод-любитель».

Однако настоящая слава пришла к блаженному в Ленинграде, когда он, отрезав себе член точной копией кортика, принадлежавшего матросу Железняку, поместил этот орган в дуло орудия, установленного на крейсере «Аврора». Этот смелый перформанс вызвал бурную

полемику как среди агит-попов, так и среди простого народа. Одни решительно порицали Клим за позерство, казавшееся им неуместным в военное время, другие же искренне восторгались его самоотверженным стремлением вдохнуть новую жизнь в забронзовевший символ. Споры утихли лишь когда указом товарища Птушки Клим Флоренский был представлен к наивысшей награде Священного Союза – Орденоу Святейшего Двуглава первой степени.

Но даже эта почетная награда, дарованная лично генсеком ЦК ПКСС, не сумела по прошествии некоторого времени уберечь Клим от беды. Утром 25 апреля сего года, то есть два дня назад, Клим Флоренский распял себя на дверях Комитета Безграничного Гуманизма (только теперь Паша обратил внимание на то, что руки Клим, которые он держал между коленями, были забинтованы). Сотрудники Комитета, явившиеся на работу к девяти, не смогли попасть в здание через центральный вход, поскольку двери были заблокированы прибитым к ним телом Клим. Комитетчики с ним церемониться не стали и, наплевав на глубокий символизм очередной священной жертвы Флоренского, сняли его с дверей, а затем поместили сначала в спец-лазарет, а затем сюда, в камеру предварительного заключения. Теперь судьба юродивого целиком зависела от того, каким образом будет истолкован наверху его поступок – как проявление отваги во имя веры или как умышленное препятствование исполнению служебных обязанностей сотрудниками КБГ.

Воспевая священные жертвы своего сокамерника, Берий не упустил случая похвастаться и собственным героизмом. Он доверительным тоном сообщил Паше, что лишение глаза было его личным подвигом во имя веры, на который он пошел, чтобы получить свой первый госзаказ. Что касается самого Берия, то его привело в КПЗ, как он выразился, «желание попасть в вечность». С самого начала, создавая лики правочерных святых, он стремился придать им свои собственные черты. Поначалу это сходство было почти незаметным, но с каждой последующей иконой Соболев вносил в священные образы все больше самого себя. Все усложнялось тем обстоятельством, что иконописец был одноглаз, тогда как все деятели Революции, как назло, обладали полным комплектом зрительных органов. Художнику приходилось изображать святых в профиль, показывая лишь правую половину лица и подразумевая отсутствие левого глаза. Этот фокус сходил ему с рук до тех пор, пока он не получил от одного столичного дома культуры заказ на изображение Святейшего Двуглава.

Согласно правочерным канонам лики святых Владимира и Иосифа должны быть развернуты друг к другу, и игнорировать эту художественную традицию было не под силу даже такому матерому иконописцу. Берий заканчивал работу над этой масштабной (два на три метра) иконой глубокой ночью, и уже почти под утро, пребывая в состоянии, близком к экстатичному, не смог совладать с собой и парой размашистых мазков наложил на левый глаз Святого Иосифа черную повязку, сделав его похожим на усатого пирата. Весь следующий день он отсыпался, и когда заказчик вместе с грузчиками пришел за иконой, дверь им открыла ничего не подозревавшая домработница. Директор дома культуры, пройдя в мастерскую, увидел то, что увидел и тут же поспешно удалился, а через полчаса вернулся в сопровождении трех сотрудников Комитета Безграничного Гуманизма. Так Берий Соболев оказался не в вечности, а в КПЗ, однако не терял при этом самообладания – видимо, существовала некая сила, способная за шкурки вытащить его из этой передраги.

А Паше, слушавшему все эти удивительные истории, не давал покоя следующий вопрос: каким образом Клим Флоренский сумел сам прибить обе свои руки к дверям КБГ? Но не

успел Паша спросить об этом собеседника, как дверь камеры приоткрылась и в проеме появилась алая харя хорошо откормленного мента, который скомандовал:

– Вильзон, на выход!

11. Семейный ужин

Отец Лаврентий вызвался проводить ослабевшего после визита в Усыпальницу Матвея до гостиничного номера. Там Мэт обнаружил пропажу Паши и, естественно, встревожился. По его просьбе священник позвонил сидевшему на первом этаже дежурному, и выяснилось, что Паша еще в обед покинул гостиницу в сопровождении двух сотрудников в штатском.

– Не ссы, сынок, вернем твоего мальчика, – успокоил Матвея батюшка.

Затем он совершил пару звонков по звездфону и сообщил подопечному, что Павел Вильзон уже направляется к ним на служебном транспорте – в целости и сохранности. Разумеется, поп попросил, чтобы ему переслали дело задержанного, но дело это за полдня обросло таким количеством фантастических подробностей, что после прочтения батюшка, смачно выругавшись в адрес излишне расторопных служащих КБГ, удалил файл.

Когда Паша прибыл в гостиницу на «Жигулях» с неразговорчивым комитетчиком за рулем, обсудить случившееся с Матвеем ему удалось не сразу, поскольку отец Лаврентий не оставлял их наедине, усевшись в кресле у окна номера с газетой в руках. Перекинуться парой слов Паша и Мэт смогли только на улице, когда святой отец отошел в сторону, чтобы вытряхнуть угли из кадила.

– Что натворил? – коротко спросил режиссер.

– Нездешними деньгами в буфете расплатился.

– Ну ты и дурень, – констатировал Мэт. – Я ж сказал: сиди в номере и не высывайся.

– Я есть хотел, – ответил Паша.

– Ну ладно, – подобрел Матвей. – Били?

– Немного.

– Я брату сказал, что ты мой ассистент из Чехии. То есть, из Чехословакии. Отсвечивай там поменьше, понятно?

Паша кивнул.

– А брат твой, что, действительно министр? – уточнил он.

– Ага. Сам в шоке. Потом все расскажу.

Они забрались в машину – отец Лаврентий на переднее сидение, а Мэт и Паша на заднее, и черная «Чайка» тронулась. Было около семи часов вечера. Священник привычным движением водрузил свой клобук с мигалкой на крышу авто, и это помогло им прорваться сквозь вечерние «пробки» к дому, где обитала семья Всеволода Корчагина.

Корчагины жили в трехбашенном небоскребе, являвшем собой классический образец сталинского ампира. Шпиль центральной башни, самой высокой, венчал позолоченный двуглавый орел с красной звездой на брюхе. Как выяснилось чуть позже, семья товарища

министра обитала в пентхаусе прямо под орлом. Когда гости вошли в квартиру, Севы еще не было – их встретила его жена Лукерья (увидев ее, Паша невольно вздрогнул) и их сынок Ваня. Определенно, это была не та певичка Лика, что готова была трусить поджаренными в солярии ляжками перед камерой – это была эстрадная матрона с осанкой Людмилы Зыкиной и повадками Аллы Пугачевой, что, впрочем, не мешало ей держаться с гостями радушно и благосклонно.

Отец Лаврентий уединился в завешанном иконами красном уголке, чтобы вознести молитву, а Луша показала гостям квартиру. Прогулка эта напоминала музейную экскурсию, поскольку Сева, оказавшийся ценителем правоверного искусства, заполнил свое жилище множеством полотен и скульптур. Просторную гостиную украшал триптих, изображавший серию батальных сцен. На первом из полотен, расположенном слева, Ленин, возвышавшийся на палубе крейсера «Аврора» вплывал в Зимний дворец сквозь огромную пробоину в стене. На центральной части триптиха был изображен Сталин, косивший из пулемета фашистских захватчиков с Гитлером во главе – с особым натурализмом были написаны разлетающиеся в стороны брызги крови, осколки черепов и шматы плоти. На третьем полотне, висевшем справа – уже знакомый по другим портретам немолодой мужчина с заостренным мышинным лицом. Оголив торс, он мчался верхом на коне, занеся карающий меч над головами трех обосравшихся от страха врагов: японского милитариста, пузатого британского банкира и тощего дяди Сэма в звездно-полосатом цилиндре. Мэт подошел ближе, чтобы прочесть название картины: «Генеральный секретарь ЦК ПКСС А. А. Птушка в авангарде Священной Войны».

После гостей подвели к двум шкафам, где за стеклом красовались семейные реликвии: в одном – ряды серпасто-молоткастых Севиных орденов, в другом – многочисленные награды, полученные Лукерьей на всесоюзных песенных конкурсах. Затем хозяйка продемонстрировала кабинет своего мужа, украшенный бронзовым барельефом, на котором Горький, опустившись на одно колено перед Сталиным, помогал отцу народов раскурить трубку, поджигая табак своим вырванным из груди пламенным сердцем. Потом гости прошли по коридору, уставленному мраморными бюстами на постаментах (Матвей сумел опознать только Любовь Орлову и Иосифа Кобзона) и оказались в комнате Вани, почти всю стену которой занимало полотно кисти Никаса Сафронова. На этой масштабной картине был изображен Юрий Гагарин, вольготно разлегшийся на облаке звездной пыли. К нему устремилась святая троица: Сталин, Ленин и Троцкий, с пятиугольными нимбами над головами, в окружении крылатых пионеров-героев. Еще мгновение, и протянутая вперед рука Сталина соприкоснется с висящей в космосе рукой Гагарина – этот динамичный момент заставлял вспомнить фрески древних мастеров.

Паша, не вытерпев напряжения, исходившего от картины, спросил у Лукерьи, где находится туалет, и хозяйка пошла показывать ему дорогу, а дядя и племянник остались в детской, где между ними произошел следующий разговор:

- Ну что, Ваня, в каком классе учишься?
- В третьем.
- Хорошие оценки у тебя?
- По правоверным предметам, по пению и рисованию – пятерки, а по математике и физкультуре – четверки.
- Любишь, значит, петь и рисовать?
- Да, люблю.

В подтверждение своих слов Ванечка показал дяде свой рисунок, на котором три краснозвездных попа сжигали на костре темнокожего язычника со знаком доллара, вплетенным в рога. После этого мальчик исполнил песенку про ребят-октябрят, всегда готовых прийти на помощь и благочестивому правоверному духовенству, и доблестным соколам из КБГ. На третьем куплете из туалета вернулся Паша, а на восьмом раздался звонок в дверь – прибыл товарищ министр.

Сева появился в сопровождении своей сотрудницы, худенькой девушки лет двадцати пяти, которую первым делом познакомил с Матвеем.

– Баррикада, – представилась она, протягивая режиссеру руку, на которой, как он успел заметить, не доставало мизинца.

Баррикада была миловидной барышней с правильными чертами лица и коротким ежиком темных волос. Одета она была в простое платье до колен – цвета хаки, с вышитыми на груди серпом и молотом. Ее шею украшало широкое кольцо из белого металла с рубиновой пятиконечной звездой под подбородком. Было в ее облике что-то грациозно незащищенное, что заставляло Матвея то и дело поглядывать на девушку во время проповеди отца Лаврентия, предварающей ужин.

– Братья и сестры, – начал поп, когда все расселись за столом, – наша вера опирается на три священных столпа. Это правосмыслие, православие и праводействие. Давайте же задумаемся о глубоком значении этих трех основ нашей веры! Что есть правосмыслие, озаренное величием Святого Льва? Вначале была мысль, и сия мысль была о счастье народа. И сегодня, спустя сто лет после зарождения этой великой мысли, мы должны в своих помыслах уподобляться Святому Льву. Да не будет в ваших головах иных дум, кроме тех, что обращены во благо нашей великой Родины, Священного Союза!

Он взял паузу, чтобы пригубить кагора, затем продолжил:

– А что есть православие, сияющим символом которого мы нарекаем Святого Владимира? Сие есть глагол, жгущий сердца наши и обращающий в пепел наших врагов. Вначале была мысль, потом – слово, и слово это было правое, как наша вера. Так отворяйте же уста свои сегодня лишь для того, чтоб изрекать слово правое, праведное, правоверное. И пусть слово это славит на века Святого Владимира, покровителя нашего!

Священник оглядел слушателей, с удовлетворением отметив, что по щеке растроганной его словами хозяйки дома покатилась крупная слеза.

– За мыслью воспоследовало слово, за словом – действие. И действие сие направил рукою своею Святой Иосиф, отец народов, вдохновитель тружеников, истребитель воинства вражеского. Крепки ли ваши руки, братья и сестры, так же, как крепки ваши помыслы и слова? Достойны ль вы того, чтоб несть алую хоругвь со златым ликом Святого Иосифа на ней? Готовы ль вы к великим деяньям, дети мои? Готовы ль отдать все силы на благо правоверного нашего народа?

Отец Лаврентий замолк, и в возникшей тишине прозвучал звонкий Ванин голосок:

- Всегда готовы, батюшка!
- Всегда готовы! – присоединились к нему остальные слушатели.
- Тогда приступим же к нашей трапезе! – отвечивал святой отец.

И горничная вкатила в гостиную столик на колесиках, на котором возлежал метровый осетр в окружении тарелок с мясной, сырной и овощной нарезкой, а также серебряных плошек с черной и красной икрой.

12. Планета героев

Ужин закончился. Отец Лаврентий успел надраться до чертиков, перетискал всю прислугу женского пола, разбил горшок с фикусом и отбыл на такси в неизвестном направлении. Ваня давно был отправлен спать, задремал и Паша, свернувшись калачиком на диване в гостиной. За столом остались четверо: Сева, Лукерья, Матвей и Баррикада. Последняя, положив на колено снятую со стены гитару, еле слышно перебирала струны – что-то похожее на мотив «Как здорово, что все мы здесь сегодня собрались».

- Спой, Лушенька! – обратился министр к своей супруге.
- Да что ты, Сева! Соседей перебужу!
- А ты не в полный голос.

Лукерья дала себя уговорить и негромко завела лирическую песню про далекую планету, куда после смерти попадают все герои Священного Союза. Правоверные воины залечивают там свои старые раны, вспоминая великие подвиги минувших войн, доблестные мичуринцы возделывают плодородные поля, где колосится рожь высотой с вековые сосны и зреют кабачки размером с бронепоезд. Нашлось место на той планете и героям правоверной культуры, слагающим былины во славу Святейшего Двуглава, что подобно немеркнущему солнцу озаряет вселенную от края и до края. Матвей неожиданно поймал себя на мысли, что ему даже немного жаль этих героических ссыльных, обреченных вечно вспоминать свои былые деяния и давиться гигантскими овощами до конца времен.

Луша допела песню, последовали приглушенные аплодисменты. Баррикада, отложив гитару, вышла на балкон. Сева, когда его супруга ушла проверить, как там Ваня, подсел поближе к брату и, хлопнув его по колену, произнес:

- Эх, братец, оставался бы ты здесь, в Сталинбурге! Что тебе эти чехословаки? Они хоть и правоверные, да все одно чужие. Разве ж понять им нас? Ну что, останешься, а?

Останусь, если слинять не получится – подумал Матвей и поспешил сменить тему разговора:

- А что Баррикада? В министерстве твоём работает? Чем занимается?

Севины глаза загорелись.

- Красавица, да? Знал, что тебе понравится! Недавно Литературный институт закончила – отличница, активистка и просто умница. Она у нас в лит-отделе работает – все нарадоваться не могут. А ты, братец, вижу, глаз-то на нее положил?
- Интересная девушка.

– Так иди к ней, – Сева толкнул его в плечо.

Последовав совету старшего брата, Мэт вышел на балкон. Ночь уже спустилась на Сталинбург. Вдалеке алели звезды Кремля, подмигивающие огоньками самолеты несли трудящихся в черноморские здравницы, грузовики с надписью «Хлеб» на бортах перевозили заключенных из одной тюрьмы в другую, а горожане, переодевшись в полосатые пижамы фабрики «Большевичка», расселись перед телевизорами, транслировавшими повтор популярного мюзикла «Ленин в октябре». Эту уютную картину с ярко подсвеченного плаката на брандмауэре благословляла дружная компания: старый революционер с винтовкой в руках и гвоздикой в петлице, воин с автоматом Калашникова в каске с надписью «На Берлин!», пламенный комсомолец с учебной гранатой в руке, пионер с игрушечным пистолетом и пухлощекий младенец, который, выглядывая из коляски, стилизованной под броневику, сжимал в ручонках погремушку в виде атомной бомбы. Над головами этой разновозрастной ватаги был начертан аршинный слоган: СВЯЩЕННЫЙ СОЮЗ – ОПЛОТ МИРА!

– Красивый город, – начал Матвей разговор.

– Очень! Как тут не вспомнить слова нашего классика... – отозвалась Баррикада. – «Ах, Сталинбург, как много в этом звуке для сердца правоговерного слилось...»

– Да, только эти строки были написаны про Москву.

– Москва – и есть Сталинбург, – с удивлением ответила девушка.

– Разумеется. Просто у Пушкина говорится: «Москва, как много в этом звуке...»

– У кого? – Баррикада удивилась еще больше.

– Ну, Пушкин, автор этих строк...

– Товарищ Матфей, автор этих строк – Святой Иосиф. Это каждый октябренок знает.

Матвей понял, что разговор сворачивает куда-то не туда.

– А вы, значит, в министерстве литературой занимаетесь? – спросил он. – Мне брат сказал.

– Да, лит-вопросы курирую, – оживилась девушка. – Мое направление – производственный роман на стыке города и деревни. Пелевин, Сорокин, Минаев, Прилепин – знаете таких авторов?

– Слышал, конечно. А кто из них ваш любимый?

– Сложно сказать – я их всех люблю. Например, «Сахарный Кремль» Сорокина – замечательный роман. Про передовика производства из провинции, который работал на сахарной фабрике и всю жизнь мечтал побывать в Кремле. А потом...

– Не рассказывайте, лучше сам прочту, – прервал ее Матвей. – А вы писать не пробовали?

– Отчего же! Пишу постоянно.

– И что? Прозу или стихи?

– Методички.

– Что, простите?

– Методички для авторов. Кто-то же должен указывать им, что писать – вот мы, кураторы, этим и занимаемся.

– А что, авторы сами не знают, что писать?

– Они знают, как, а не что. Они же просто писатели. Вообще, подготовка методичек – очень сложный процесс, в котором занято множество специалистов. Сначала разрабатывается генеральная линия, затем на ее основе – темы и под-темы. Потом мы все это распределяем по жанрам и уже в зависимости от этого – по авторам. А разве у вас в Чехословакии не так это происходит?

- Ну, я же кино занимаюсь, – уклончиво ответил Матвей. – У нас все немного по-другому.
- Да, понимаю, у вас куратор входит в состав съемочной группы – это все упрощает. Мы тоже пробовали у себя такую систему ввести. Но авторы стали жаловаться, что их постоянное присутствие куратора отвлекает. Пришлось пойти им навстречу – вернули как было.
- И что, Баррикада, не устаете вы на своей работе? Должно быть, сложно писателями руководить?
- Что вы, Матфей! Я ими не руковожу. Я ведь всего лишь младший куратор – слежу за исполнением директив. А руководят литературным процессом те, кому положено – старшие кураторы.
- Вы завтра когда работу заканчиваете? – Мэт перешел к делу. – Может, сходим куда-нибудь?
- Я завтра целый день с вами буду, – ответила Баррикада. – Товарищ министр велел, чтобы я вас в Музей Революции сводила.

Матвей не ожидал такого поворота.

- Очень рад, – пролепетал он. – Где встретимся?
- В одиннадцать за вами заеду. Вы ведь в гостинице «Колхозная» живете?

Вскоре Баррикада заторопилась домой и, решительно отвергнув попытку Матвея проводить ее, убежала на метро. Мэт разбудил Пашу и они, сердечно попрощавшись с хозяевами дома, спустились в подземный гараж, где их ждала «Чайка» с заспанным Геней за рулем. По дороге в гостиницу Матвей, поглядывая с переднего сидения на ночной Сталинбург, размышлял о том, что, когда они с Пашей отсюда выберутся, он будет часто вспоминать это соцюрреалистичное место, эти широкие проспекты, увешанные наивной агитацией, этих двуглавых орлов с красными звездами на пузе и, конечно, милую девушку Баррикаду, с которой они, возможно, могли бы создать новую ячейку общества – крепкую правоверную семью.

Тут Матвей невольно вспомнил свою бывшую жену – чешскую актрису необычайной красоты и стервозности. Вспомнились ему и обоюдные измены, и бесконечные скандалы, и дорожные адвокаты, и много чего еще. Вспомнил он также данное себе обещание никогда больше не жениться на актрисах и вообще на женщинах, имеющих отношение к искусству. А лит-куратор – это человек искусства или просто номенклатурный работник? Кто знает, кто знает...

13. Эпическая история

Паша проснулся рано – около шести утра. В одноместном номере ему достался диванчик у окна, тогда как его старший товарищ мирно спал на своей широкой кровати. Цельный сюжет своего сновидения Паша вспомнить не смог, но какие-то куски флэшбеками вспыхивали в его голове, пока он принимал душ: длинные тюремные коридоры, распятые юродивые на фонарных столбах вдоль автомагистрали и бесконечные хороводы баб в кокошниках, спускающиеся со сцены в зрительный зал, плывущие по лестницам и обвивающие мраморные колонны.

Он вспомнил, что сегодня им с Матвеем и их новой знакомой предстоит отправиться в музей Октябрьской Революции и решил подготовиться к этому походу. Скачав из интернета книгу «Краткая история Священного Союза», начал просматривать ее на экране телевизора, развернув его так, чтобы свечение не разбудило режиссера. Сначала он решил, что книга предназначена для младших классов, но сверившись с аннотацией узнал, что труд этот рекомендован для учащихся ВУЗов и даже для научных сотрудников. В общем, это была очень краткая история, а ниже она приведена в еще более кратком изложении.

Священный Союз возник 2017 лет назад, когда гордые народы объединились во имя правой веры. Почти две тысячи лет они жили в мире и процветании, пока сто лет назад власть не захватил колдун и сатанист Гришка Распутин. С помощью черной магии призвав на помощь демонов, он поработил вольные народы, нарек себя великим князем тьмы и вознамерился искоренить правоверие. Взойдя на трон в тогдашней столице Священного Союза, Столенграде, он принялся разрушать древние храмы, а тех, кто не пожелал отречься от правой веры, предавал пыткам и казням. Тогда воззвали народы к небесам, и молитвы их были услышаны – пришли три великих богатыря, чтобы спасти Священный Союз от князя тьмы. То были Святой Владимир, Святой Иосиф и Святой Лев – три духовных брата, пришедшие в Столенград с разных концов страны. Святой Владимир прибыл к дворцу Распутина на священном крейсере «Аврора», Святой Иосиф прискакал на гнедом коне, а Святой Лев прилетел на гигантском орле.

Вместе с солдатами, матросами, рабочими и крестьянами три богатыря свергли Гришку, и тело его, разрубленное на семь кусков, бросили в реку Неву, отчего вода в ней стала красной и остается такой до сих пор – в напоминание о тех судьбоносных временах. Демоны, прислуживавшие князю тьмы, бежали из Священного Союза и расселились по всему миру, чтобы теперь из-за границы строить козни правоверному народу. Но они не страшны нам, пока мы верны нашим святыням, а верны мы им будем до скончания веков и бла-бла-бла.

Вслед за этим святые Владимир и Иосиф стали управлять страной: Владимир из Столенграда, Иосиф – из Москвы. А Святой Лев отправился в дальнее странствие, чтобы разнести веру правую по всему миру. Много славных дел совершили они. Так, например, Святой Владимир в одиночку перенес тысячу бревен, из которых затем был построен Храм Великого Субботника (не сохранился), а Святой Иосиф пятью колосками накормил сто пятьдесят тысяч человек. Что касается Святого Льва, то в своем странствии он также сотворил немало благих дел – в частности, открыл французским крестьянам секрет сыроварения, научил скандинавские народы рыболовству и подарил письменность южноамериканским индейцам.

Далее следовали трагические страницы истории, связанные с вознесением святых. Первым, как известно, вознесся Святой Владимир в 1924 году, и вскоре после его вознесения Столенград был переименован в Ленинград. Затем в 1940 году в далекой Мексике Святой Лев был коварно убит прислужниками мирового сионизма, заклятыми врагами правой веры. Вслед за вознесением Святого Льва вражьи демоны решили, что наступило наиболее удачное время для нападения на Священный Союз. И вот, год спустя, в 1941-м, темные силы под предводительством Гитлера вторглись на наши земли, сея смерть и разрушение. Однако благодаря героизму правоверного народа, ведомого Святым Иосифом, враг был разбит, и над его низвергнутым дворцом воссиял Святейший Двуглав.

Последний из трех богатырей, Святой Иосиф, вознесся в 1953 году, и осиротевший правоверный народ, потеряв своих великих покровителей, впал в глубочайшую печаль. Всесоюзный траур продолжался семь лет, пока величайшие ученые Священного Союза не открыли способ считывать мозговую активность Святейшего Двуглава с помощью Шапки Мономаха. Так им стало доступно пророчество, подарившее надежду: они узнали, что дух Святого Иосифа вселился в тело мальчика, родившегося в год смерти великого вождя. Ему суждено было стать седьмым генсеком Центрального Комитета Правоверной Коммуны Священного Союза, и теперь мы знаем, что пророчество указывало на Александра Александровича Птушку, долгих лет ему жизни.

В 1962 году Священный Союз ожидал еще один переломный момент. Правая вера, принесенная в Южную Америку Святым Львом, наконец-то дала благодатные всходы, и население Республики Куба на специально проведенном референдуме выразило страстное желание влиться в семью народов Священного Союза. Куба была торжественно объявлена шестнадцатой республикой правоверного государства, но мировые империалисты восприняли эту благую весть в штыки. Они объявили бойкот нашей великой державе, разорвали торговые отношения с нами и стали еще более ожесточенно препятствовать распространению правой веры во всем мире. Тогда Священный Союз пошел на ответную меру, объявив о начале Великой Священной Войны. Эта война против мирового империализма, сатанизма и сионизма, начатая пятьдесят пять лет назад, продолжается до сих пор, и ее главная задача – установление правой веры во всем мире. Но пророчества Святейшего Двуглава говорят нам о том, что окончательную победу мы одержим уже совсем скоро – перейдя столетний рубеж со дня Священной Октябрьской Революции.

Затем следовала обширная глава, посвященная нынешнему генеральному секретарю ЦК ПКСС, товарищу Птушке. Как было сказано выше, родился он в год смерти Святого Иосифа, а местом его рождения стал Столенград (ныне Ленинград), что также упоминалось в пророчестве. Шесть генсеков, предшествовавших назначению Птушки, упоминались вскользь, даже без обозначения имен. Зато его деяния описывались пышно и велеречиво. В частности, он сделал Шапку Мономаха достоянием народа – чтобы каждый житель СССР мог лично ощутить величие мысли Святейшего Двуглава. Также он являлся вдохновителем такого важного изобретения как Великий Воротник Правды (ВВП) – Паша уже видел этот гаджет по телевизору, но для чего он нужен, пока не понял. Кроме того, товарищу Птушке принадлежит идея создания отшельнических монастырей особого назначения (ОМОН) и городских районов особого типа (ГРОТ), он же выступил инициатором возведения Лавры ПКСС и Часовни Святого Льва в Сталинбурге, а также Храма Святого Владимира на крови в Ленинграде. Немало внимания А.А. Птушка уделил и усовершенствованию конституции – в частности, его авторству принадлежит закон о свободе вероисповедания (любое вероисповедание приветствуется, если оно является правоверным).

Глава, посвященная товарищу Птушке, сопровождалась его фотопортретом: бледное узкое лицо с близко посаженными бесцветными глазками, поджатыми губами и отсутствующим подбородком. Если бы Пашу попросили нарисовать самую невыразительную физиономию, которую он себе может представить, у него получилось бы что-то похожее. Вообще, иллюстративный материал «Краткой истории Священного Союза» оказался довольно необычным. Большую часть иллюстраций составляли лубочные иконы, на которых исторические герои представляли в картинных позах, с поднятыми к небу перстами и пятиконечными нимбами вокруг голов. А немногочисленные черно-белые фото, судя по всему, были подвергнуты такой жесткой ретуши, что тоже стали похожими на творения

богомазов. Кое-где с фотографий были вырезаны отдельные лица и группы людей (особенно это было заметно на фото, где Сталин эмоционально обращался к пустому месту в своем кабинете) и на всех фотках союзным святым пририсовали характерное свечение вокруг головы.

– Хули ты тут делаешь? – услышал вдруг Паша голос режиссера.

Только что проснувшийся Матвей Корчагин явно пребывал не в лучшем настроении.

14. Музейные ценности

Паша хотел поделиться с товарищем своими историческими открытиями еще за завтраком, но увидев за одним из столиков своих знакомых в серых костюмах, решил сделать это чуть позже. Чекисты сделали вид, что не узнали вчерашнего клиента, и Паша тоже не стремился поддерживать это знакомство. Они с Матвеем съели свою яичницу, поколупали ложками манную кашу и запили все это стаканом сметаны – другие варианты завтраков в буфете гостиницы «Колхозная» не предлагались. Мэт записал завтрак на счет номера, и друзья вышли из гостиницы, чтобы пообщаться на свежем воздухе.

– Когда поедem на завод? – первым делом поинтересовался Паша.

– Сегодня организую. Но сначала нас Баррикада в музей потащит. А после музея – сразу на завод.

– А без музея нельзя обойтись?

– Нет, нельзя. Я здесь, если ты не заметил, в командировке – делаю, что говорят и не отвечаю.

Признав правоту Матвея, Паша поспешил рассказать ему, что узнал этим утром из исторического труда.

– И что? – вяло бросил режиссер.

– Как что! Они же тут двинулись совсем!

– Ты только сейчас это понял?

– Я вчера это понял. Но вот это вот все... Это как вообще?

Прогуливаясь вокруг гостиницы, они приблизились к Храму Святого Иосифа, возле которого угрюмые хмыри в оранжевых жилетах монтировали декорации для какого-то праздника.

– Слушай, Паша, ты если будешь во все это вдумываться, очень быстро сдуреешь. К тому же, кто там знает, как оно на самом деле было. Может, в этой реальности Ленин действительно был лютым качком и бревна вязанками таскал.

– А Троцкий летал на орле?

– Ну, не знаю, может это аллегория. Типа железная птица.

– То есть, ты предлагаешь во всю эту херню не вникать?

– Так точно, товарищ Павел! Скоро слинем отсюда и никому про весь этот адок рассказывать не будем, а то в психушке закроют.

– К слову о железных птицах. Ты этот дрон заметил? – Паша показал глазами в небо. – Он за нами от самой гостиницы летит.

– А вот это мне уже совсем не нравится, – задумчиво ответил Матвей.

От тревожных раздумий его отвлек оклик Баррикады, что спешила к ним по дорожке, вымощенной красным кирпичом:

– Вот вы где, товарищи! А я вас повсюду ищу!

Пока все трое топали к служебным «Жигулям» Баррикады, припаркованным неподалеку, она вручила Матвею передачу от его брата: кредитную карту Сбербанка с авансом за фильм, цифровую видеокамеру и запаянное в пластик разрешение на съемку в общественных местах. Камеру и ксиву он сунул Паше, а карточку спрятал в карман.

– Итак, куда мы едем? – обратился он к девушке.

– Я же вам вчера говорила. На ВДНХ, в музей СОР.

– Музей ссор? – удивленно переспросил Паша.

– Музей Священной Октябрьской Революции, – в голосе Баррикады появились патетические нотки. – Одно из важнейших мест для всякого правоверного.

– А снимать там можно? – уточнил Матвей.

– С вашим удостоверением везде снимать можно – кроме режимных объектов.

– Вот и хорошо. Нам ведь локации нужно для фильма искать. Правда, Паша?

– Правда, Матвей. Еще бы завод какой-нибудь снять сегодня.

– Заводов в Сталинбурге хватает! – с широкой улыбкой ответила девушка. – Ну что, поехали?

По дороге на ВДНХ Баррикада успела забросать своих визави вопросами – главным образом, о жизни в Чехословакии и нюансах кинематографического процесса. Паша, сидевший на заднем сидении, предпочитал отмалчиваться, снимая городские пейзажи через открытое окно. Матвей же отвечал уклончиво: «все так же, как в Союзе», «тут главное коллективный труд» и прочее в том же духе.

Выставка достижений народного хозяйства обрушилась на Матвея и Пашу безудержным золотым цунами. Золотые купола ампирных павильонов, золотые двуглавые орлы, раскорячившиеся на вершинах мраморных обелисков, золотые многофигурные толпы на постаментах, разбросанных по огромной территории парка. Эпицентром пафоса выступал фонтан, где из снопа золотых колосьев били струи воды, а по периметру расположилась дюжина аллегорических фигур: рабочий, колхозница, поп, монашка, солдат, инженер, космонавт, оленевод, шахтер, сталевар, ткачиха и какой-то мудила в костюме, при галстук и с портфелем. Обогнув это сияющее великолепие, троика направилась к замыкавшему широкую аллею павильону, похожему на пышный торт – это и был музей СОР.

По дороге Матвей, перехватив инициативу, принялся расспрашивать девушку о ее жизни, а Паша плелся сзади, снимая окрестности и с интересом поглядывая на аккуратную задницу Баррикады, обтянутую синей тканью комбинезона. В небе над ними парили сразу несколько дронов, и установить, был ли среди них тот, который разнюхивал что-то возле гостиницы, не представлялось возможным. Мэт узнал, что родители Баррикады – обычные служащие: отец – завхоз семинарии, мать – корректор в детском журнале «Веселые иконки». Их дочь, закончив школу с красным дипломом, поступила в СИЛКИ (Сталинбургский институт литературного и кинематографического искусства) на специальность «лит-куратор». С отличием закончив институт, Баррикада была принята на работу в Министерство культуры – сначала на должность секретаря, а спустя два года стала работать по специальности. Год

назад в жизни Баррикады произошло событие исключительной важности – она была принята в Правоверную Коммуну. С помощью пары наводящих вопросов Матвей выяснил возраст девушки – ей было двадцать пять.

Беседа продолжалась и в музее, время от времени прерываясь комментариями Баррикады, посвященными тому или иному экспонату. Когда она заговаривала о чем-либо, имевшем отношение к революции, голос ее менялся – мелодичный девичий говор превращался в напряженный дикторский, но стоило ей отвлечься от священных тем, прежняя манера разговора тут же возвращалась. Среди экспонатов, помещенных за пуленепробиваемые стекла, посетители музея могли увидеть кепку Святого Владимира, одно из бревен, которых касались его руки, волосок из усов Святого Иосифа и трубку, хранившую тепло его губ, а также ледоруб, которым коварные сионисты лишили жизни Святого Льва. Центральным элементом экспозиции служил броневик, взойдя на который Святой Владимир прочитал одну из первых своих проповедей. Броневик этот, будто собранный из детского конструктора и затем увеличенный, был установлен в центре зала на высоком постаменте, а на борту его красовалась надпись, намалеванная шрифтом газеты «Правда»: ВРАГ МАСОНОВ.

– Ну, как вам музей, друзья? Впечатляет, правда? – поинтересовалась Баррикада, когда экскурсия закончилась.

– Ага, – ответили экскурсанты в один голос.

– Глядя на эти бесценные реликвии, проникаешься каким-то особым чувством... – не унималась девушка. – Ведь только подумайте: этих вещей касались те самые руки, что творили Священную Революцию и управляли нашей великой державой многие годы...

– Ага.

– Здесь на ВДНХ еще много интересного. Музей Великой Священной Войны, Храм преподобного Лазаря, Часовня великомученика Лаврентия... Можем все посетить, если вы не устали.

– Давай в другой раз, Баррикада, – поспешно ответил Матвей. – У нас еще куча планов на сегодня.

Они вышли из музея и в ларьке неподалеку Мэт купил всем пломбир на палочке, проверив заодно, работает ли кредитка.

– Какие у вас планы, товарищи? Я могу подвезти куда вам надо – мне на целый день отгул дали, – предложила девушка.

– Завод «Красный богатырь» знаешь?

– Знаю, конечно. А что?

– Нужно нам туда, Баррикада – мы ведь места для съемки выбираем.

– Не думаю, что у вас получится там что-то снять. Но если вы хотите – я вас туда отвезу.

– Можем прямо сейчас поехать? – встрял в разговор Вильзон.

– Можем, конечно. Раз так, пойдемте к выходу. А мороженое мы по дороге доедим.

Троица быстрым шагом направилась к арке главного входа, и один из дронов, отделившись от зависшей в небе стайки, последовал за ними.

15. Молодежный молебен

Когда белые «Жигули» выехали с парковки на проспект Мира, Матвей и Паша обратили внимание на то, что знаменитая скульптура Веры Мухиной выглядит по-другому: между рабочим и колхозницей, вытянувшими в небо молот и серп, затесался поп с окладистой бородой и звездой на груди. Ухватив парочку за руки, он стоял между ними как рефери на боксерском поединке. Ты снял это? – спросил Мэт помощника одними глазами и тот ответил кивком.

Матвей задумался, сможет ли он впоследствии использовать эти и другие кадры, снятые в Сталинбурге. Вопрос этот имел смысл лишь в том случае, если им удастся протаскать камеру сквозь портал, через который они сюда попали. И, конечно, если они вообще сумеют отсюда выбраться. Ведь предположение о том, что путь на волю пролегает через завод «Красный богатырь», пока что оставалось лишь предположением. Но совсем скоро все наконец-то выяснится, и если этот вариант не сработает, они займутся поисками другого. Хотя какого другого? Где его искать?

Только сейчас он в полной мере осознал, как далеко сейчас находился от всего, к чему привык. Бездарные сценаристы и деспотичные продюсеры, актрисы-истерички и режиссеры-конкуренты, а также друзья, соседи, любовницы, случайные и неслучайные знакомые, бариста из кафе напротив дома и продавщица из булочной на углу... Все они остались не просто в другом городе и другой стране, но в другом мире, в другом измерении, в другой реальности. И мысль о том, что, совершив чудесный кульбит, ему удастся вернуться к привычной для него жизни, казалась сейчас гораздо более фантастичной чем все, что происходило вокруг.

Взглянув на Пашу, Мэт понял, что мысли напарника заняты примерно тем же. И только он собирался сказать пареньку что-то вроде «не ссы, все будет норм», как Баррикада резко крутнула руль, и их машина, чудом избежав столкновения с неизвестно откуда взявшейся черной «Волгой», вылетела на обочину. В то же время «Волга», вместо того, чтобы взять влево, дернулась в их сторону и, с визгом ободрав борт «Жигулей», тоже остановилась.

Водитель «Волги» остался сидеть за рулем, а дверь пассажирского сидения открылась, и в выбравшемся оттуда мужчине пассажиры «Жигулей» с удивлением узнали отца Лаврентия.

– Вот так совпадение! Охуеть просто! Здравствуйте, товарищи! – бодрым тоном произнес священник, направляясь к «Жигулям».

– А что вы здесь делаете, батюшка? – поинтересовался Матвей, тоже выйдя из машины.

– В Лавру ехал, молитву вознести. Ну да ничего, это подождет.

Паша и Баррикада вылезли из машины вслед за Мэтом.

– Ты, Баррикадушка, не переживай, – успокоил ее поп. – Сейчас милиция прибудет, оформим ДТП, и поедешь дальше. Куда вы, кстати, направлялись-то?

– Так, обзорная экскурсия, – опередил Баррикаду Матвей.

– Экскурсия – это заебись! Только время обедать уже. А вы, должно быть, проголодались, а?

– Я не голодна, батюшка, – ответила Баррикада. – Мы недавно мороженое ели.

– Вот и чудно, доченька. Ты тогда здесь милицию дождешься, а мы с молодыми людьми отобедаем.

– Нехорошо ее здесь саму оставлять, – возразил Вильзон.

– Отчего же саму! С ней мой водитель побудет. А мы с вами на такси доберемся. Тут недалеко.

Не успели Матвей и Паша придумать причину, по которой они не могут ехать с отцом Лаврентием, как рядом с местом аварии остановилась желтая «Волга» с шашечками на крыше, и поп запрыгнул на переднее сидение.

– С тобой точно все будет в порядке? – спросил Мэт у девушки.

– Да, не беспокойтесь, Матфей, – ответила она. – Я вам потом позвоню.

Все произошло слишком быстро. Минуту назад они ехали с Баррикадой в направлении возможного побега, а теперь уже без Баррикады, зато с попом-матерщинником, телепались неизвестно куда. Каков шанс, что в огромном городе их «Жигули» столкнутся именно с машиной отца Лаврентия? И если это была не случайность, а скорее всего это была не случайность, то каков замысел священника? Почему ему так важно было сбить их с маршрута? Неужели ему известно, куда и зачем они направлялись? Всем этим вопросам было суждено пока оставаться без ответа, и Мэту, как и Паше пришлось с этим смириться.

– А куда мы едем, батюшка? – поинтересовался Матвей.

– В дом культуры имени Лили Брик, – любезно ответил священник. – Закрытое заведение – только для духовенства и для членов Коммуны. Там и ресторан, и бильярдная, и лекторий.

– А какая там кухня? – подал голос Пашка, чтобы поддержать разговор.

– Кухня народов Союза. Охуенный выбор и повара пиздатые. Вам понравится, парни.

Дом культуры, до которого они добрались через полчаса, размещался в старинном трехэтажном особняке, зажатом между двумя химерными новостройками. У заведения не было вывески – вместо нее над входом висел баннер с портретом Лили Брик, заимствованным с обложки книги «Про это»: муза Маяковского, манерно поджав губы, тарасила глаза на визитеров. Отца Лаврентия здесь хорошо знали – открывший дверь по звонку швейцар радушно ему улыбнулся, а получив рубль, заулыбался еще шире.

Как выяснилось, в здании размещались не только ресторан, бильярд и лекторий, анонсированные священником, но также актовый зал, бар, небольшой кинотеатр, комнаты отдыха и банный комплекс. Гостей завели в зал ресторана, украшенный флагами союзных республик и сценами из жизни честных тружеников – хлеборобов, сталеваров, собирательниц хлопка, валяльщиц и доярок. Несмотря на обеденное время, было занято лишь несколько столов. За одним из них пузатый поп с бородой до пуза распивал шампанское в компании двух девиц, за другим трое номенклатурщиков негромко переговаривались, грея в руках коньячные бокалы. Еще один стол был занят разношерстной компанией, объединившей двух мужчин при галстуках, угрюмого монаха и какую-то шалаву, хохотавшую всякий раз, как к ней обращались. Отец Лаврентий, оглядев публичку, кому-то кивнул, кому-то помахал рукой, еще кому-то отвесил поклон – видно было, что все эти рыла хорошо ему знакомы.

Матвей заметил, что количество официанток, обслуживающих зал, значительно превышало число гостей. Чуть позже он понял, что каждая из шестнадцати длинноногих девушек олицетворяла одну из союзных республик. Правда, их национальные наряды были слишком коротки даже для такого злачного места – юбки лишь наполовину прикрывали трусики с гербами республик, вышитыми на лобках. Тем временем на столе появился запотевший

графин с украинской перцовкой, бутылки грузинского лимонада, тарелка с румяными расстегаями, блюдце с латвийскими шпротами, миска с узбекскими мантами и прочий аппетитный интернационал. Матвей и Паша, переглянувшись, принялись за еду, тогда как батюшка стал налегать на водку, шумно покрывая после каждой рюмки, закусываемой маслянистыми шпротами.

– А знаете что, братцы, – произнес он после третьей шпротины, – ведь это все полная хуйня!

– Что именно? – уточнил Паша.

– Вот это вот все, – ответил отец Лаврентий, обводя зал рукой с зажатой в ней рюмкой. – Дружба народов вот эта ебучая. Все эти флаги, гербы республик, национальные наряды и прочая хуета.

От этой тирады друзья слегка припухли – в том, что тут повсюду растыканы микрофоны, они не сомневались, да и люди за соседними столиками могли услышать каждое слово.

– Нету никакой на хуй дружбы народов! – продолжил святой отец. – И народов, блядь, братских нету. Есть лишь один народ, одна страна, одна вера. А все остальное, детки, пиздеж и провокация.

– А, понятненько, – выдохнул Матвей, опрокинув затем в себя рюмку водки, которую закусил маринованным белым грибом.

– Хули тебе понятно? – не унимался поп. – Ты в суть-то вникни, Матфейка. Никто, блядь, не хочет в суть вникать. Кругом одни фарисеи ебучие! Спросишь такого: веруешь? Он без раздумий ответит: верую, конечно! А стоит его ногтиком ковырнуть, и поймешь, что верует он только в свою квартиру и дачу, в машину и в паяк, блядь, коммунарский. А истинная-то вера в чем?

Ни Паша, ни Матвей ответа на этот вопрос не знали.

– Я вам скажу, в чем вера! – отец Лаврентий снова наполнил свою стопку. – Вера – не в голове, она в сердце. Ежели кто меня спросит, готов ли я за веру, за державу нашу со скалы головою вниз, что я ему отвечу?

– Всегда готов? – предположил Пашка.

– Да не важно, блядь, что я отвечу. Слова – поебень никчемная, только дела важны. Ежели Святейший Двуглав велит, не только в пропасть сигану, а и младенца сброшу. Да хоть сто младенцев безгрешных, хоть тысячу. Коли веруешь, вопросов не задаешь. Вера – это вам, пиздюки, не то, что знание. Знание – оно тут, в голове. А истинная вера – она в душе, сука, в сердце. Она везде. Она важнее всего. Важнее и знаний, и чувств, блядь, и желаний.

Шустрые официантки подали супницу с борщом, шалаш из шашлыков на шампуре и блюдо с дымящимся пловом. Поп с оживлением принялся уминать харчи союзных народов, но его словоохотливость от этого не утихла.

– Возьмем хотя бы священную жертву, – пробубнил он с набитым ртом. – Для кого она совершается? Для общества? Хуй там! Для Святейшего Двуглава? Тоже нет. Ты, когда себе палец отсекаешь, или ухо, или другую какую часть тела, ты для кого это делаешь? Да для себя самого! Ежели раньше сомневался в своей вере, то теперь все сомнения вместе с отсеченною частью уйдут. А была б возможность, я и сердце бы свое вырвал, как святой Максим. Вот она вера, братья. А все остальное – хуйня!

Когда трапеза завершилась, священник подозвал широкобедрую мулатку с гербом Кубинской союзной республики на лобке (алая звезда в обрамлении вязанок сахарного тростника) и потребовал сигару. Закурив, откинулся на спинку стула и произнес:

– А теперь о делах, товарищи. Во вторник брательник твой, Матфей, хочет концепцию будущего фильма обсудить. Сценарий от тебя, разумеется, никто пока не ждет, но общее направление набросай. И мальчика своего захвати, – указал он на Пашку сигарой. – Ну что, ребяташки, вкусно вам было?

– Очень вкусно, – в один голос подтвердили ребяташки.

– Тогда можно и в баньку.

В баньке отец Лаврентий поймел двух официанток и шалаву, переместившуюся в парную из-за соседнего столика. Паша неожиданно для себя присунул мулатке с необъятной задницей, а Матвей предпочел в этом веселье не участвовать, наблюдая за происходящим со стороны. Помимо прочего он успел заметить, что на левой груди священника вытатуирован лик Сталина, на правой – профиль Ленина, а спина его иссечена длинными шрамами.

После бани поп отправился подремать в одну из комнат отдыха, а его водитель доставил гостей в гостиницу. В «Колхозной» они оказались уже под вечер. Матвей уточнил у администратора, не звонил ли ему кто-нибудь – оказалось, что нет. На звездофоне пропущенных звонков тоже не было.

На ужин они в тот день не пошли. Паша устроился на диване с «Литературной газетой» и вскоре задремал, а Матвей пошел прогуляться. Он добрал до Храма Святого Иосифа, возле которого, судя по надписям на транспарантах, проходил молодежный молебен с бесплатным кагором, блинами и танцами. Со сцены вещал юный священник с бороденкой, похожей на крысиный хвост – ему приходилось перекрикивать музыку, несущуюся из динамиков, и что он там лопотал, разобрать было невозможно. Судя по всему, молебен шел к завершению. Молодежь, представленная парой тысяч здоровых лбов, разделилась на группы по интересам. Одни стояли в очереди к цистерне с кагором, другие толкались у места выдачи блинов, третьи переминались под сценой, не обращая внимания на болтовню юного священника. Довольно многочисленная группа граждан валялась на газонах в состоянии, близком к беспамятству. Вступив в лужу блевотины, Матвей решил, что прогулку пора заканчивать и побрел обратно в гостиницу.

Баррикада позвонила на следующий день, в субботу.

16. Завтрак каббалиста

Когда Паша проснулся, Матвея в номере уже не было. На столе лежала записка, из которой Паша узнал, что его старший товарищ отправился на встречу с Баррикадой, а после обеда они все вместе поедут туда, куда собирались вчера (речь, разумеется, шла о заводе «Красный богатырь», который Мэт из соображений конспирации в записке не упомянул). Рядом с запиской лежала стопочка десятирублевых, снятых вчера с карточки. На красноватых купюрах были размещены профили Ленина и Сталина, развернутые друг к другу, а между ними – лицо Троцкого в анфас, нанесенное водяными знаками.

Этим утром Паша чувствовал себя паскудно – из-за выпитой вчера водки, из-за того, чем он занимался в бане, а также из-за того, что побег из Сталинбурга вновь откладывался. Завтракать в гостиничном буфете у него не было желания, поэтому он, приняв душ и одевшись, побрел на поиски какого-нибудь кафе поблизости. Единственное заведение, обнаруженное им в двадцати минутах ходьбы от гостиницы носило название «Сталинбургер» – это была сетевая тошнеловка с пластиковыми столами и стульями, запахом прогорклого масла и разбросанными по полу салфетками. Паша без аппетита съел сендвич с тушенкой под названием «Завтрак туриста», запил его дерьмовым кофе, судя по вкусу забодяженным из цикория и поспешно покинул заведение.

Когда он, стоя перед входом «Сталинбургера», раздумывал, куда отправиться дальше, до него донесся негромкий мужской голос.

– Молодой человек! Да, да, я к вам обращаюсь.

Обернувшись, Паша заметил в узком переулке справа от закусочной неприметную фигуру в черном, выглядывавшую из-за мусорных баков. На глаза незнакомца была надвинута широкополая черная шляпа, а нижнюю половину лица скрывала густая темная борода.

– Вам помочь?

– Это я могу вам помочь, – ответил незнакомец. – Идите сюда.

Такое начало разговора не предвещало ничего хорошего. Последнее, чего хотелось сейчас Паше – это следовать за странным типом, похожим на маньяка, в мрачную подворотню. Поэтому он, сделав вид, что вспомнил о важной встрече, лишь кивнул мужику в шляпе и уже собирался было пойти прочь, как услышал:

– Вы ведь не местный, правда?

– Да, я из... Чехословакии.

– На самом деле – нет.

– Что вы имеете в виду?

– Здесь говорить опасно. Идите за мной.

Паша нырнул в переулок, где воняло еще сильнее, чем в «Сталинбургере». Незнакомец припустил быстрым шагом, и парень еле поспевал за ним. Петляя, они двигались по узким подворотням, избегая открытых пространств. От любых вопросов Пашин спутник лишь отмахивался, обещая рассказать все, как только они доберутся до нужного места.

– А куда мы вообще идем? – не вытерпел наконец Паша.

– В ГРОТ.

– Куда?

– Городской Район Особого Типа.

Прибавив шаг, Паша сумел наконец рассмотреть своего провожатого. Тот был одет в поношенный черный костюм и белую рубашу без галстука, а помимо темной бороды его лицо обрамляли пейсы до плеч. Судя по морщинам вокруг усталых глаз, почти все время скрытых полями шляпы и седине, проблескивавшей в волосах, ему было около пятидесяти. Наряд его был застиранным и слегка потрепанным, но при этом аккуратным и чистым. Чего

нельзя было сказать о его покрытых грязью башмаках – казалось, он недавно шел в них по полю после дождя.

Четверть часа поведив парня запутанной сетью переулков, провожатый вывел его к цели их путешествия. Это был спрятанный в середине большого квартала жилой комплекс из нескольких однотипных высоток, огражденных высоким бетонным забором, по верху которого вились гирлянды колючей проволоки. Над воротами из ржавого металла изгибалась стальная арка с надписью: ГРОТ им. ПРЕПОДОБНОГО ЛАЗАРЯ. На самих воротах потускневшей красной краской было написано: СВОБОДА ДАЕТСЯ С ТРУДОМ.

Незнакомец поднес свою ногу к сканнеру, вмонтированному в ограду на уровне щиколотки – Паша заметил электронный браслет, прятанный под штаниной. Щелкнул замок, и калитка в воротах приоткрылась. Пейсатый скользнул внутрь, увлекая за собой молодого человека. Оказавшись за оградой, Паша почувствовал острую необходимость зажать нос.

– Опять канализацию прорвало, – равнодушно заметил провожатый. – Нам в тот дом.

Людей на улицах этого странного райончика было мало – трое мальчишек играли в ножички неподалеку от гигантской мусорной кучи да двое женщин развешивали белье, натянув веревку между столбами, прежде служившими опорами для волейбольной сетки. Также здесь не было автомобилей – судя по всему, на территорию жилого комплекса можно было проникнуть лишь пешком. Они вошли в подъезд многоквартирного дома, и запах прорвавшейся канализации сменился ароматом мочи и сигаретного дыма.

– Лифт не работает – электричества нет, – услышал Паша. – Я живу на двенадцатом этаже.

Несмотря на свой далеко не юный возраст, проводник с легкостью преодолевал лестничные проемы – в отличие от Паши, запыхавшегося уже на третьем этаже. Добравшись до своей квартиры, еврейский конспиратор долго возился с замками, после чего дверь со скрипом открылась, и Паша оказался в однокомнатной квартирке почти без мебели, зато с кучей книг, высокими стопками расставленными вдоль стен. В центре комнаты стоял обеденный стол с допотопным компьютером на нем, а на стене висели вырезанные из журналов портреты Троцкого и Кагановича, между ними же – черно-белая распечатка, в которой гость узнал каббалистические десять сфирот. Но приглядевшись, он заметил, что вместо ивритских надписей в каждую из сфер вписаны слова на русском: Двуглав, Правомыслие, Православие, Правое действие, Революция, Народ, Вечность, Слава, Коммуна, Союз.

Присев на табуретку, предложенную хозяином квартиры, Паша наконец сумел получить ответы на свои вопросы. Его нового знакомого звали реб Лейб, и он служил каббалистом второго разряда.

– Не беспокойтесь, нас здесь никто не услышит, – заверил он гостя. – Квартиры в ГРОТах не прослушиваются – иначе нас всех давно бы уже уничтожили. Но мы им нужны до поры до времени – пока не начнется война.

– О какой войне идет речь? – уточнил Паша.

– Молодой человек, я знаю, что вы не знакомы с многими здешними реалиями... Но все же вы не так наивны, чтобы не понимать главного. В день столетия революции Великая Священная Война перейдет в новую фазу – из «холодной» она станет «горячей». Достаточно

включить любой канал, чтобы ощутить, как разогревают настроения. И вам очень повезет, если вас к тому времени не будет в Союзе.

– Может, вы уже скажете, зачем я здесь?

– Как я уже говорил, здесь нас никто не слышит. А то, что я хотел с вами обсудить, выходит даже за рамки «государственной измены». Это нечто похуже.

– Давайте уже, не томите.

– Ладно. Сейчас покажу кое-что.

Реб Лейб, опустившись на корточки, поддел длинными ногтями несколько половиц и, достав из тайника пыльную папку, раскрыл ее у себя на коленях. Папка была наполнена распечатками, порывшись в которых, хозяин квартиры извлек одну из них и протянул ее гостю. Паша с удивлением увидел свое фото, скачанное из Инстаграма: он с друзьями на открытии какой-то выставки, все с картонными стаканчиками в руках, все дурачатся на камеру. И все бы хорошо, если бы не одна деталь – бренд-волл с логотипами международных брендов на заднем плане. Он хорошо помнил эту вечеринку – именно после нее он понял, что если мешать мартини с ромом и текилой, ничего хорошего из этого не выйдет.

– Откуда у вас это? – выдавил он из себя.

– Вы знаете, откуда. Скажем так, из вашей прошлой жизни. Все лица на фотографиях, которые нам удастся заполучить, мы тщательно запоминаем, чтобы узнать, если встретим здесь. И иногда, очень редко, такие встречи происходят. Как, например, сегодня.

– Кто это «мы»?

– Каббалисты.

– Откуда у вас это фото? – повторил Паша свой вопрос.

– Это долгая история, молодой человек. Если в двух словах, то с помощью определенных ритуалов мы научились получать информацию из-за пределов союзной сети.

– Вы имеете в виду, из-за границы?

– Не нужно меня дурачить, – реб Лейб поморщился. – Нам хорошо известно, что это фото так же, как и остальные, сделано не за границей. Вы родом из Сталинбурга, молодой человек. То есть, из того города, который не стал Сталинбургом, а по-прежнему называется Москвой.

– И где, по-вашему, находится этот город?

– Точно не здесь. Но я знаю, как туда попасть.

– Расскажите мне?

Вместо ответа реб Лейб лишь хмыкнул в бороду.

– Знаете, Павел... Вас ведь Павлом зовут? То, что вы здесь оказались – это огромная ошибка. В некотором смысле это грандиозный сбой системы. А чтобы вернуть вас обратно, необходим катаклизм еще большего масштаба. И мы можем организовать для вас этот почти невозможный фокус. Но при одном условии...

– Допустим, вы говорите правду, – произнес Пашка. – Какое условие?

– Вы должны будете сделать для нас кое-что, когда вернетесь домой.

– Что именно?

– Всеу свое время.

– Но как вы можете быть уверены, что я сдержу обещание?

– Поверьте, мы сумеем найти вас где угодно.

– Звучит как угроза.

– Я просто отвечаю на ваш вопрос.

Поднявшись с табурета, Паша принялся мерять комнату шагами.

– Знаете, ребе, все это очень занимательно. Но если вы собрались меня шантажировать с помощью этой единственной фотки, то ничего у вас не выйдет. Подумаешь, логотипы Sony и Martini – большое дело! Их можно и прифотошопить при желании.

– При фото... Что?

– Да неважно. И вообще, мне ваши услуги не нужны – я сам справлюсь.

– Не справитесь, юноша. Вы не первый москвич, который здесь оказался. Те, кто пытались выбраться отсюда самостоятельно, плохо закончили. Одни – в тюрьме, другие – в психушке. А тех, кто согласился с нами сотрудничать, мы благополучно отправили домой. Не всех, конечно, но большинство.

– То есть, вы и гарантии не даете?

– Послушайте, Павел, каббала – это тонкая наука. Это вам не авиаперевозки. Хотя и авиакомпания не дает вам стопроцентной гарантии, что вы попадете куда нужно.

Разглядывая странного еврея, Паша пытался понять, с кем имеет дело – с агентом-provokatorом, городским сумасшедшим или мистическим сталкером. Кем бы ни был этот человек, в его облике присутствовало что-то, располагавшее к доверию. Должно быть, глубокие грустные глаза, мерцающие из-под полей шляпы, которую тот не снял, войдя в квартиру.

– Я не требую от вас ответа прямо сейчас, – продолжил реб Лейб. – Понимаю, у вас слишком мало информации, но большего пока открыть я не могу. К тому же вам нужно все взвесить, прежде чем довериться незнакомцу. Посоветуйтесь с вашим другом – возможно, он поможет вам определиться.

Значит, ему известно и про Матвея – подумал Паша. Или он просто блефует?

– Где вас искать, если вы мне понадобится? – спросил он. – Здесь, в ГРОТе?

– Вы сами сюда не пройдете, – покачал головой каббалист. – Я вас найду на днях. А чтобы вы про меня не забыли, я дам вам вот это.

Он протянул молодому человеку сложенную вчетверо глянцевую листовку, которую Вильзон не глядя спрятал в карман.

– Как-то раз я бывал в Москве, очень давно, – сообщил реб Лейб. – И это – подтверждение.

За окном зазвучал хор приближающихся милицейских сирен.

– Вам пора. Провожу вас до ворот.

Выйдя из ГРОТа, Паша обратил внимание на толпу, собравшуюся в конце улицы. Там уже стояли три милицейских уазика, туда же спешил фургон телеканала «Звезда», чуть не сбивший Пашку с ног. Чертыхнувшись, он напялил солнцезащитные очки и побрел искать выход из лабиринта проулков, удаляясь прочь от толпы. На ходу развернул листовку, полученную от раввина – это была реклама суши-бара, какие в Москве раздают на каждом углу: «Кафе ЯПОНЧИК. Суши. Кальяны. Караоке». Поколебавшись, Паша не выбросил флаер, а положил обратно в карман.

17. Важнейшее искусство

Пока Паша заключал сделку с каббалистом, Матвей тоже время зря не терял. В тот день Баррикада заехала за ним с самого утра. Решив не будить Пашу, режиссер оставил ему записку и немного денег, а сам, надушившись одеколоном «Саша», отправился на randevu. Это был прекрасный субботний день. Сначала они, мило болтая, прогулялись по городу, наблюдая за тем, как армия таджиков украшает улицы первомайскими транспарантами. Потом Баррикада повела Матвея в Ленинпарк – парк развлечений, заполненный кучей детей и взрослых, пропахший сахарной ватой и вареной кукурузой.

Их прогулка по парку началась с посещения крытого павильона, где можно было понаблюдать за гигантскими роботами. Один из них являл собой жирного Дядю Сэма, который, жадно пожирая долларовые купюры, гадил бомбами на головы несчастным вьетнамским детям. Второй робот изображал Кинг Конга в натовской форме, у ног которого расположился британский банкир во фраке, посасывавший обезьяний член как сигару. Третья механическая фигура представляла собой Годзиллу с повязкой на лбу в виде японского имперского флага. Ящер раз за разом заглатывал солнце, но оно начинало жечь его изнутри, вызывая огненные отрывки. Тогда Годзилла в отчаянии распарывал себе брюхо мечом, и солнце вновь поднималось ввысь. Все механические скульптуры были выполнены с предельным натурализмом и вниманием к деталям, достойным голливудских стандартов. За десять копеек в расположенном тут же ларьке можно было купить брюкву, чтобы запустить ее в одного из роботизированных монстров – особенно это развлечение нравилось детям.

Потом парочка прокатилась на Союзных горках – аттракционе, в доступной форме излагавшем историю Священного Союза. Маршрут пролегал через долину благоденствия, подземелье Распутина, пламя Революции, горы становления, ущелье Великой Отечественной Войны, трамплин Священной Войны и пик Победы. На особо крутых виражах Баррикада хваталась за руку Матвея, что безусловно доставляло ему удовольствие.

Вслед за этим они постреляли из автомата Калашникова по мишеням, изображавшим разных исторических личностей (Мэт опознал только Адольфа Гитлера, Джона Леннона и Михаила Барышникова), а потом Баррикада предложила пойти в кино. Они отправились на блокбастер Никиты Михалкова под названием «Цугундер: Противостояние». Действие фильма разворачивалось в Сибири, куда Комдив Кротов, роль которого исполнял сам Михалков (слово «Комдив» в данном случае оказалось именем, а не званием), приезжает этапировать эков из одной колонии в другую. В это время коварные американцы засылают на территорию Священного Союза гигантского стального краба, созданного, чтобы расхищать союзные алмазы, нефть и газ. Пустившись в путь с Аляски, мега-краб переплывает Берингов пролив и, высадившись на Чукотке, начинает совершать запланированные диверсии, но встречает отпор со стороны экстренно перевоспитавшихся эков под руководством Комдива. Во время финальной сцены, в которой урки разносят стального монстра с помощью березовых дубинок, освященных правоверной молитвой, Матвей набрался смелости и поцеловал Баррикаду. Девушка не отстранилась, но и не разжала губы, а тело ее напряглось, так что Мэт решил не повторять свою попытку. Когда они вышли из зала, то оба делали вид, что ничего не было, и только румянец на щеках Баррикады говорил об обратном.

Присев за столик в кафе «У Ильича» они молчали, стараясь не глядеть друг на друга. Чтобы заполнить неловкую паузу, Матвей поинтересовался, откуда у Баррикады ожерелье, с которым она никогда не расстается.

– Это же ВВП, – ответила девушка. – А у вас в Чехословакии разве такие не носят?

Он узнал, что аббревиатура обозначала Великий Воротник Правды. Этот отличительный знак вручался каждому члену Правовой Коммуны, а также особо отличившимся комсомольцам.

– Значит, те, кто носят эту штуку, всегда говорят только правду? – уточнил Мэт, стараясь не выдать иронию.

– Да, устройство так и работает.

– Устройство? Я думал, это просто украшение.

Девушке пришлось объяснить ему, что Воротник Правды является высокотехнологичным гаджетом, считывающим речевую активность своего носителя. И в случае, если обладатель воротника говорит неправду, устройство бьет его током, напоминая, что врать нехорошо. Но это случается очень редко, поскольку ВВП носят люди сознательные и честные. Когда Матвей поинтересовался, каким образом воротник узнает, что была произнесена ложь, девушка ответила, что все сказанное анализирует ККК – Коммунарский Координационный Компьютер, установленный в Кремле. Именно он принимает решение, правду ли говорит обладатель воротника.

– То есть, все, что ты сейчас говоришь, слышат в Кремле? – удивился Матвей.

– Да, конечно! – в голосе Баррикады звучал восторг. – Здорово, правда?

– И все же, как этот компьютер определяет, правду ты говоришь или нет? А если ты говоришь о том, о чем он не знает? Например, ты скажешь мне, что занята сегодня вечером, а на самом деле свободна...

– ККК все знает. И вечером я свободна, потому что сегодня суббота.

– А тебя когда-нибудь било током?

– Да, несколько раз. Всегда стараюсь говорить правду, но иногда случается.

– И это очень больно?

– Скажем так, неприятно. Но разовый разряд тока – это еще ничего. А вот если ты совершишь несколько раз подряд, то каждый удар будет сильнее предыдущего.

– То есть, если врать без остановки, то можно и жизни лишиться?

– Теоретически да. Но коммунарам это не угрожает – в ПКСС принимают только истинно правдивых людей, а значит честных и праведных.

– Но, если что, ты ведь можешь снять этот воротник?

– Не могу – ключи от ВВП хранятся в райкомах. А зачем мне это?

– Ну, не знаю... К примеру, если шея затекла.

– Чтобы шея не затекала, нужно спортом заниматься. Вот вы, Матфей, какой спорт любите?

Мэт попытался вспомнить, когда последний раз занимался спортом. Пару лет назад он пытался догнать велосипедиста, который чуть не сбил его на пешеходном переходе. Говнюка он тогда не догнал, но довольно метко запустил ему в спину крышкой от мусорного бака.

– Бег, велосипедный спорт, метание диска, – ответил он.

– А я занимаюсь художественной гимнастикой и хожу в бассейн, – сообщила девушка.

- Вот почему у тебя такая красивая фигура.
- Перестаньте, Матфей. У меня грудь маленькая, а бедра слишком широкие.

Такой откровенности от юной коммунарки Матвей не ожидал.

- С одной стороны, широкие бедра – это хорошо для родов, – продолжила девушка. – Но грудь должна быть больше, чтобы молока было достаточно.
- Тебе, кажется, рано об этом думать.
- Священному Союзу нужны новые граждане, – возразила Баррикада. – В Западной Европе и Штатах процветает содомия и наркомания – там население уменьшается. А мы, наоборот, должны увеличивать численность. Это наш главный ресурс для победы в Великой Священной Войне.
- Баррикада, милая, детей заводят не ради победы на войне.
- А ради чего?
- Ну... Чтобы оставить что-то после себя.
- А что вы сможете оставить после себя, если проиграете в войне?

Разговор явно устремился куда-то не туда, и Матвей напомнил своей спутнице, что они вместе с Пашей собирались посетить сегодня завод «Красный богатырь» для выбора натуры. Закончив с обедом, они поехали в гостиницу, где забрали Пашу, а после этого двинули на завод. По дороге Матвей размышлял о том, как обидно расставаться с такой милой барышней именно сейчас, когда между ними могут завязаться отношения. А с другой стороны, хорошо, что расставание произойдет до того, как их дружба перерастет во что-то большее – так легче, а главное честнее по отношению к девушке. Что касается Паши, то он снова и снова прокручивал в голове слова реба Лейба, о знакомстве с которым он из-за присутствия Баррикады Матвею пока не рассказал. Если раввин знал, о чем говорит, то на заводе их ничего хорошего не ожидало. В общем, напарники пребывали в душевном смятении, хоть и по разным причинам. И по мере приближения к «Красному богатырю» смятение лишь усиливалось.

- Все, дальше проехать нельзя, – сообщила Баррикада, когда «Жигули» уперлись бампером в шлагбаум, перегородивший улицу.

Матвей и Паша выбрались из машины. За шлагбаумом их встретили два солдата с автоматами в руках. До завода оставалось метров сто, и даже отсюда было видно, что со времени последнего визита заводской забор стал выше на несколько метров, а на его вершине появилась колючая проволока и прожекторы, направленные наружу.

- Вам сюда нельзя, – объявил один из автоматчиков. – Режимный объект.
- Мы фильм снимаем к столетию Революции, – ответил Матвей, показывая разрешение на съемку.

Солдаты на удостоверение даже не взглянули.

- Я брат министра культуры, Всеволода Корчагина, – отрекомендовался Мэт.
- А я сын капеллана, – ответил второй солдат, снимая автомат с предохранителя.
- Понятно. Мы уже уходим, – встрял в разговор Паша.
- Нет, подожди, – не унимался Матвей. – Нам нужно поговорить с вашим начальством.
- По какому поводу? – спросил первый автоматчик.

- По поводу видеосъемки.
- Без проблем.

Сняв с груди звездофон, солдат набрал короткий номер.

- Товарищ сержант, тут съемочная группа приехала, хотят на объект зайти... Есть, сейчас передам, – закончив разговор с сержантом, он обратился к Матвею. – Велели передать, чтобы вы убывали на хуй, да поскорее.
- Значит, сержант не выйдет? – уточнил Мэт.
- Считаю до трех, потом стреляю по ногам, – с дружелюбной улыбкой произнес автоматчик.
- Ладно, мы уходим.

Вернувшись в машину, Матвей первым делом спросил Баррикаду:

- Так ты знала, что здесь режимный объект?
- Ну да. Я ведь вам вчера говорила, что вы сюда не зайдете. Но вы настаивали.
- Понятно. Можешь нас в гостиницу отвезти?
- Я вам еще хотела новый храм показать – Святого Феликса. Его недавно открыли.
- Давай в другой раз.

Через час, высадив пассажиров возле гостиницы «Колхозная», Баррикада уехала.

- Ну, что делать будем? – произнес Матвей, со злостью пнув пивную жестянку, валявшуюся под ногами.

Паша рассказал ему о своем знакомстве с реб Лейбом и о предложении, которое тот озвучил.

- Вообще-то история стремная, – заметил Мэт. – Но других вариантов у нас пока что нет. Давай ему позвоним. Он телефон оставил?
- Нет, сказал, что сам меня найдет.
- А где он живет, ты запомнил?
- Примерно, – ответил Паша.
- Охренеть! Значит так, завтра первым делом отправимся его искать.
- А почему не сегодня?
- Замахался я, Паша, сегодня. Надо отдохнуть и как следует все обдумать. Этот твой раввин, чувствую, непростой персонаж – нужно к встрече с ним как следует подготовиться.

Когда они поднялись в номер, Матвей, несмотря на раннее время, завалился спать, а Паша включил телевизор. Из репортажа на канале «Звезда» он узнал, свидетелем какой заварушки стал, распрощавшись с реб Лейбом. Со слов репортера, трое американских туристов совершили ритуальное убийство правоверного мальчика – случилось это неподалеку от ГРОТа имени Преподобного Лазаря. Неравнодушные граждане успели повесить одного из детоубийц на фонарном столбе, двое других скрылись бегством – в настоящее время их разыскивает милиция. Представитель милиции, румяная баба с погонями, вещавшая на фоне висельника в звездно-полосатом фраке, сообщила: есть основания полагать, что к преступлению причастны жители ГРОТа, уже неоднократно замеченные в противоправных действиях и симпатиях к иностранным провокаторам. В связи с чем будут приняты определенные следственные действия и бла-бла-бла.

– Твою ж мать! – сказал Паша и выключил телевизор.

18. Комсомольский погром

На следующий день, в воскресенье, настроение у Матвея было просто отстойное. Он провел в Сталинбурге всего-то три дня, а ему казалось, что по меньшей мере три недели. И если вчера все это казалось забавным, хотя и довольно безумным трипом, то сегодня уже было непонятно, суждено ли этому трипу когда-нибудь закончиться. Завод, где предположительно находились ворота, ведущие из Священного Союза в привычный мир, теперь охранялся не хуже Кремля, хотя, как Матвей хорошо помнил, еще три дня назад никаких автоматчиков и колючей проволоки там не было. Что касается чудаковатого раввина, с которым вчера познакомился Паша, то этот персонаж мог с равной степенью вероятности оказаться и провокатором, и сумасшедшим. Короче, внятный ответ на вопрос «как отсюда слинять?» отсутствовал. И даже если ему с Пашей каким-то образом удастся пробраться на завод, совсем не факт, что портал находится на прежнем месте и заработает после поворота вентиля. То же самое относилось и к раввину – даже если он не аферист, а действительно хочет отправить их обратно в Москву, вовсе не обязательно, что ему это удастся. Ведь речь идет не об отправке бандероли, а о перемещении двух живых существ из одного мира в другой, и в этой ситуации может пойти не так примерно все.

Мэт представил себе, что застрел в Сталинбурге навечно, что здесь он станет членом Союза кинематографистов и вступит в партию, будет снимать сериалы про любовь прядильщицы и свинопаса, получит квартиру в хрущевке, купит «Жигули», будет ходить на субботние службы в храм Святого Иосифа... Здесь его дети станут пионерами, а потом комсомольцами, здесь он состарится и выйдет на пенсию, чтобы, попивая кефир в доме отдыха для работников кино, рассуждать с другими такими же старыми пердунами о том, заслуженно ли была присуждена Сталинская премия тому или иному деятелю искусств. И от того, что Матвей себе вообразил, веяло такой тоской и безысходностью, что хотелось тут же выбраться из-под одеяла, выйти на балкон и сигануть оттуда, раскинув руки.

После завтрака друзья пошли прогуляться, чтобы обсудить дальнейшие планы. Еще вчера они сошлись на том, что нужно как можно скорее найти раввина, пообещавшего Паше вытащить их отсюда. Вопрос заключался лишь в том, отправляться ли им на поиски вместе или лучше, чтобы Пашка пошел один. С одной стороны, брату министра культуры было небезопасно светиться в компании такого подозрительного элемента как реб Лейб, а с другой стороны Матвей полагал, что Паша в одиночку может все завалить – тут он припомнил товарищу, как тот на ровном месте загремел в кутузку. Обсуждение прервал звонок от Баррикады. Девушка спрашивала, когда заехать за Матвеем – по ее словам, вчера они договорились, что сегодня она покажет ему Ленинские Горки. Матвей ничего подобного не помнил и вообще видеть Баррикаду ему сегодня не хотелось. Но не успел он сообщить ей, что планы изменились, как его внимание привлекла фигура, которая, как он сейчас понял, следовала за ним с Пашей от самой гостиницы.

Это был мужчина с детской коляской, прогуливавшийся по дорожке парка метрах в десяти от них. Было в этой фигуре нечто странное. В первую очередь, одежда: серый костюм-тройка не по размеру, белая рубашка с темно-коричневым галстуком и синие башмаки. Странность заключалась не только в цветовой гамме, но и в том, что мало кто будет так наряжаться, чтобы в воскресное утро пойти погулять с маленьким ребенком. Во-вторых, даже темные

очки не скрывали: незнакомец абсолютно не интересуется тем, что происходит в коляске. Похоже, гораздо больше его интересовали Матвей и Паша, за которыми он наблюдал хоть и неявно, но неотрывно. Был еще и третий пункт, вызывавший у Мэта подозрения, а именно гладко выбритая физиономия мужика, на которой невидимыми чернилами от уха до уха было написано: чекист.

– А не кажется ли тебе, Пабло, что этот типок нас пасет? – вполголоса обратился Матвей к товарищу, убрав звездофон от лица.

Оценив мужика с коляской, Паша, ни слова не говоря, кивнул. Решение было принято автоматически – Матвей отправится в Ленинские Горки, а Паша вернется в гостиницу, переждет там какое-то время, а потом пойдет искать раввина, предварительно убедившись в отсутствии слежки.

Баррикада заехала за Матвеем через четверть часа – она звонила, уже находясь в пути. Возвращаясь в гостиницу, Паша успел заметить, как мужик поспешно засунул детскую коляску в багажник припаркованной неподалеку «Нивы» и рванул с места вслед за «Жигулями» Баррикады. Выждав еще пятнадцать минут, Пашка двинул на поиски раввина, поминутно проверяя, нет ли за ним «хвоста». Первым делом ему предстояло найти закусочную с запоминающимся названием «Сталинбургер», и это не составило труда. Но затем, когда он углубился в сеть переулков, то понял, что не имеет даже приблизительного представления, куда ему двигаться. Помогли случайные встречные – трое комсомольцев, мастеровивших транспарант на заднем дворе.

– Товарищи, не подскажите, где тут недавно америкоса повесили? – спросил Паша у комсомольцев, решив избежать упоминания ГРОТа.

– А мы туда как раз и идем! – ответил один из ребят. – Айда с нами!

Паша присоединился к молодым людям, которые уверенно потопали по переулку, развернув на ходу транспарант, на красном полотнище которого было написано: СМЕРТЬ ЖИДОМАСОНАМ! Из боковых подворотен вливались другие комсомольцы, тоже с плакатами, транспарантами, дубинками и коктейлями Молотова. Во главе группы нарисовался молодой поп с хоругвью, с которой на шествие одобрительно взирал Святой Владимир. Паша слегка офигел от того, в какую процессию вписался, но бодрый настрой комсомольцев вселял надежду в то, что все это – лишь историческая реконструкция революционных событий накануне первого мая.

Однако, когда спустя двадцать минут толпа, состоявшая уже из нескольких сотен человек, добралась до ГРОТа имени Кагановича, Паша увидел, что на выломанных воротах начертана желтая шестиконечная звезда, а за воротами творилось нечто невообразимое: горели крыши, летали коктейли Молотова, неслись крики и стоны. А над всем этим, забравшись на столб, седовласый священник в разодранной рясе размахивал красным знаменем, призывая вздернуть всех жителей богомерзкого района, вступивших в преступный сговор с американскими детоубийцами. Выхватив из кармана видеокамеру, Паша принялся снимать происходящее – только это позволило ему абстрагироваться от реальности. С криками «Ура!» и «Бей жидов!» комсомольцы ворвались на территорию ГРОТа, затащив туда и упиравшегося Пашку. В этот момент бутылка с зажигательной смесью хлопнулась в столб, на котором сидел священник – борода, ряса и знамя вспыхнули ярким пламенем, и поп свалился со своего насеста огненным комом.

Комсомольцы быстро рассредоточились по территории и каждый тут же нашел себе занятие по душе. Одни закидывали дома горящими бутылками, другие колотили дубинками жителей, выбегавших из подъездов, третьи тренировали навыки кулачного боя. Поскольку все это происходило в густом дыму, началась неразбериха: по ошибке отметилили нескольких своих же, изнасиловали комсомолку, а в попытках потушить горящего попа задавили его насмерть. Паше стало ясно, что помочь он тут уже никому не сможет – нужно было спасаться самому. Дом, в котором жил реб Лейб, пылал полным ходом – из его окон вырывались столбы пламени. Если раввин не успел покинуть свое жилище, его уже не спасти.

Паша бросился к воротам ГРОТа, на бегу чудом увернувшись от огромного булыжника, просвистевшего в сантиметре от головы. Но вслед за этим его настиг мощный удар в челюсть, едва не сбивший с ног. Пинком ноги Пашка отбросил в сторону атаковавшего его комсомольца и в несколько прыжков достиг ворот, где ему пришлось поработать локтями, чтобы выбраться наружу – желающие принять участие в погроме все прибывали. Когда Паша, покинув ГРОТ, побежал по переулку, к месту событий как раз прибыли несколько пожарных машин.

Отбежав от пожарища на достаточное расстояние, остановился, чтобы отдышаться. Прислонившись спиной к стене, увидел свое отражение в оконном стекле: волосы вздыблены, лицо покрыто сажей, футболка разорвана от плеча и до груди. Еще легко отделался, а что случилось с жителями ГРОТа – об этом лучше было не думать.

– Эй, товарищ, там еще не всех жидов порвали? Издалека добирался – вот и опоздал.

Подняв голову, Пашка увидел перед собой хлыща лет двадцати в футболке с изображением Двуглава и с комсомольским значком на груди. Вместо ответа Паша выбросил колено вперед, угодив прямо по яйцам вопрошавшему. Когда тот, охнув, согнулся пополам, то получил серию ударов по морде, после чего со стоном свалился на асфальт.

Выбравшись из лабиринта переулков, Паша оказался перед храмом Святого Иосифа. Ныли сбитые в кровь кулаки, в горле першило от гари и вообще хотелось разреветься. Так херово ему еще никогда не было – ни в этой жизни, ни в прошлой. Хлюпая носом, он сам не заметил, как добрал до храма и зашел внутрь, пройдя сквозь шеренгу нищих, что разместились на паперти.

19. Семь копеек

Пройдя под золочеными сталинскими усами, Паша оказался в просторном овальном зале, заполненном прихожанами, среди которых преобладали немолодые женщины в алых платочках. Свет с улицы проникал лишь через входную арку и через глазницы, прорубленные под куполом и закрытые витражами. Но в храме было довольно светло – благодаря огромной люстре с электрическими свечами, символизировавшей, надо полагать, светоносный мозг великого генералиссимуса. Хватало здесь и восковых свечей, расставленных на трех позолоченных столах, каждый из которых размещался у одной из гигантских икон, расположенных полукругом.

На первой из икон, размещенной слева, Святой Иосиф был изображен в виде упитанного младенца, но почему-то уже с усами – его держала на руках Родина-мать, замершая в довольно нелепой позе: развернувшись в пол-оборота, одной рукой она прижимала к телу маленького Иосифа, а другую руку, с мечом, вздымала к небу. При этом рот ее был широко распахнут, а глаза выпучены, однако невозмутимый младенец не обращал внимания на эту гримасу – должно быть, она была для него привычной. Вторая икона, центральная, запечатлевала тот славный момент, когда Иосиф, будучи уже зрелым мужчиной, предстал перед правоверным народом. Посмеиваясь в усы, он парил над землей, раскинув в стороны руки, тогда как столпившиеся внизу строители коммунизма тянули к нему свои лапки, благоговейно закинув головы. Третья икона изображала вознесение усопшего Иосифа на небеса: поддерживаемый тремя ангелами – стахановцем, челюскинцем и космонавтом – он скорбно парил в темном небе, озаренном лишь звездами Кремля.

Прихожане следовали единому ритуалу: дойдя до середины зала, плюхались на колени и ползли к одной из икон, чтобы поставить свечу на алтарь. Паша решил воздержаться от этой процедуры, поэтому остался стоять под гигантской люстрой. Любые храмы действовали на него удушающе – из-за дурманящих ароматов благовоний, большого скопления людей и той особой атмосферы, что заставляет ощущать собственную бренность и ничтожность. Этот храм не стал исключением – несмотря на царившее здесь приподнятое настроение и мелодичные гимны, доносившиеся из динамиков, Паше захотелось как можно скорее покинуть это место. И он уже направился к выходу, когда женщина, молившаяся в двух шагах от него, вдруг повалившись на пол, забилась в страшных конвульсиях. Вместо того, чтобы помочь несчастной, все, кто находился поблизости, расступились в стороны, и Паша оказался единственным, кто бросился к ней. Склонившись над женщиной, он увидел, что ее горло перехвачено массивным ожерельем из белого металла – он уже видел подобное по телевизору и знал, что эта штука называется «Воротник Правды». Он попытался освободить горло женщины, но ожерелье ударило его током, причем так сильно, что Пашу отбросило на спину. Чьи-то руки подхватили его и оттащили от женщины, при этом он услышал, как какая-то бабка прошипела что-то про черный рот и про то, что поделом ей.

Пашку выпихнули из храма. Ноги его подкашивались, и он присел на ступеньку. Сдерживаться больше не было сил – он разревелся как мальчишка, у которого не только забрали любимую игрушку, но и без причины навалили по роже. Люди, заходившие в храм и выходившие оттуда, поглядывали на ревушего детину кто с недоумением, кто с брезгливостью, а кто и с нескрываемым презрением, но Паше было плевать, что о нем подумают союзные труженики. Он размазывал слезы по лицу вместе с гарью пожарища и вскоре стал похож на зебру, отчаявшуюся найти дорогу в родную Африку.

От группки попрошаек отделился веснушчатый беспризорник с рыжими вихрами и приблизился к Паше. Одет он был в замызганную майку, подстреленные штаны и кеды на босу ногу.

– Чего сопли распустил, батя? – обратился он к Пашке, хотя, судя по виду, был моложе его всего на пару лет.

– Да так... Херово все как-то. И выхода не вижу.

– Выход он всегда есть, – философски изрек паренек, присаживаясь рядом. – Бывает, кажется, что баста, приплыл, а на самом-то деле все, что нужно, уже у тебя.

Паша изучил беспризорника и пришел к выводу, что у того-то как раз ничего и не было.

- На, держи, – он протянул пацану смятый червонец.
- Не, дядя, мне твои деньги не нужны. Я сам тебе денег дать могу, – с этими словами он сунул Паше пятак и двухкопеечную монетку, которые, по-видимому, до этого сжимал в кулаке.
- И что мне с ними делать?
- Пригодится. Ты сам-то, батя, откуда будешь?

«Из Москвы» – чуть не вырвалось у Пашки.

- Здешний я, – ответил он вместо этого.
- Не трюнди. Я видел – ты в гостинице живешь.
- Ну, а ты где живешь? – Паша решил сменить тему разговора.
- Тут и живу, – беспризорник обвел окрестности рукой. – Широка страна моя родная, где так вольно дышит человек.

Паша не понял, всерьез ли говорит пацан, но не стал уточнять.

- А это что? – беспризорник ткнул его грязным пальцем в нагрудный карман, где лежала портативная камера. – Фильм снимаешь?
- Так, для себя кое-что, – неопределенно ответил Паша.
- А погром заснял?

Вопрос поставил Пашу в тупик.

- Что? Откуда ты...
- Да у тебя вся рожа в саже, вот я и догадался.

Поднявшись с паперти, Паша махнул беспризорнику рукой и направился прочь.

- С Днем труда, мудила! – крикнул ему вдогонку парнишка. – Карманы береги!

Товарищ Вильзон инстинктивно похлопал себя по карманам и в одном из них обнаружил листовку с рекламой суши-бара, полученную вчера от раввина. Это была единственная зацепка, и он решил ею воспользоваться. Его намерение подтверждали и слова беспризорника, до сих пор звучавшие в голове: все, что тебе нужно, у тебя уже есть.

До указанного в листовке адреса он доехал на метро – тут ему пригодился подаренный рыжим парнишкой пятак, который он опустил в щель турникета. Пока Паша ждал поезд на станции, произошел еще один инцидент с участием Воротника Правды – мужчина в строгом костюме и галстук прохаживался по платформе, разговаривая по звездофону, когда его нашийный гаджет сработал. Удар тока оказался слишком сильным, и несчастный подскочил вверх на метр, после чего сделал судорожную попытку устоять на краю перрона, но электрические удары мотали его как Тузик грелку, и в следующую секунду тело повалилось на рельсы, а затем скрылось под пришедшим поездом. У Паши уже не было сил реагировать на все это – не дожидаясь, что будет дальше, он зашел в вагон, стены которого вместо привычных ему рекламных постеров были залеплены агит-плакатами.

Без пересадок он доехал до станции Пионеров-мучеников, в московской жизни называвшейся Красносельской и без труда нашел нужный адрес. Однако, вместо заявленного в листовке торгового центра «Княжий Град» по указанному адресу размещалось двухэтажное здание с вывеской «Дом культуры народов Сибири». Двери и окна были заколочены, а над вывеской громоздился барельеф, изображавший две фигуры в духе игрушки «мужик и медведь». Безбородый мужик с монголоидными чертами лица, держал в руках отбойный молоток, а медведь сжимал в лапах флаг Священного Союза. Паша обошел здание со всех сторон, но не нашел способа попасть внутрь – единственная не заколоченная дверь была заперта на амбарный замок. Рядом с дверью висел телефон-автомат. Пошарив в кармане, Вильзон достал две копейки, полученные от беспризорника вместе с пятаком. Опустив монету в прорезь, он набрал номер, указанный в рекламе суши-бара.

Чуда не случилось – после третьего гудка сработал автоответчик. Причем, судя по всему, автоответчик этот был сломан – в трубке зазвучали шумы, похожие на радиопомехи, потом что-то пискнуло, а затем глухой, будто доносившийся из-под земли мужской голос начал надиктовывать позывные:

– Михалков... Орджоникидзе... Сталин... Каганович... Ворошилов... Абрамович...

Сомнений не было – этот голос принадлежал реб Лейбу.

20. Ленинские Горки

Баррикада не дала.

Пока Пашка рыскал по городу в поисках спасительного раввина, Матвей вместе со своей провожатой посетил храмовый комплекс Ленинские Горки, расположенный в десяти километрах от Сталинбурга. Погода стояла отличная – солнце пригревало, но не слепило, а легкий ветерок ласкал лицо. Несмотря на это, расположение духа у режиссера оставалось по-прежнему отвратительным, и даже присутствие рядом с ним красивой девушки не способно было исправить ситуацию.

Культурная программа тоже не радовала. На огромной территории храмового комплекса располагались четыре музея, включая музей-усадьбу Святого Владимира, дюжина курганов, в которых были захоронены ленинские реликвии, колокольня Святейшего Двуглава, усыпальница Святой Надежды и священный шалаш, воссозданный союзными архитекторами. Все эти памятники Мэту пришлось внимательно осмотреть, а во время посещения музеев еще и выслушивать пространные пояснения экскурсоводов, которые помимо прочего указывали, перед какой из реликвий достаточно было просто опуститься на колени, а перед какими следовало простираться ниц. Из всей музейной программы режиссеру запомнился только «Роллс-Ройс» Ильича на гусеничном ходу с златотканой хоругвью на крыше.

Когда после четырех часов блуждания по музеям Матвей предложил Баррикаде продолжить экскурсию в другой день, та посмотрела на него так, будто он признался и в педофилии, и в людоедстве одновременно.

– Неужели вам не интересно посетить усыпальницу? Иногда мне кажется, Матфей, что вы не из другой страны, а с другой планеты!

После посещения усыпальницы, где Баррикада долго молилась над забальзамированной Крупской, они забрались на верхушку звонницы, откуда открывалась панорама храмового комплекса.

– Как же здесь хорошо! – воскликнула девушка, окидывая взглядом окрестности. – Воистину святые места!

– Ага, – согласился Матвей.

Было уже три часа дня, он страшно устал и проголодался. К счастью, когда они спустились с колокольни, Баррикада санкционировала обед в трапезной при музее. Но встав из-за стола, они вместо того, чтобы отправиться на парковку, как того ожидал Матвей, спустились в катакомбы, чтобы осмотреть ленинские реликвии, захороненные под курганами. Катакомбы были устроены таким образом, что в некоторые из подземных помещений приходилось вползать на коленях, и даже маячившие перед глазами подтянутые ягодички коммунарки уже не радовали Матвея. Когда выбрались из-под земли, оказалось, что теперь их ждет праздничный молебен, проходивший под открытым небом, на площади между усыпальницей и колокольней.

Они покинули Ленинские Горки только под вечер, и единственное, чего хотелось Матвею – поскорее добраться до гостиницы, чтобы узнать, к чему привели Пашины поиски.

– Хотите, можем ко мне заехать? Я тут неподалеку живу, – неожиданно произнесла Баррикада, когда они въехали в город.

Жила она в однокомнатной квартирке на верхнем этаже панельной пятиэтажки, жила сама, без родителей. Обставлена квартирка была довольно скромно: диван-кровать, журнальный столик, телевизор на тумбочке, тюлевые занавески. На одной стене – три плаката: с Птушкой, с Гагариным и с олимпийской мишкой. На другой – небольшой иконостас: сверху Святейший Двуглав, ниже – Маяковский, Блок и Горький. Из окна открывался вид на пустырь, где мальчишки гоняли мяч, пока мамы не позвали их ужинать.

Не дожидаясь приглашения, Матвей присел на диван, Баррикада, включив телевизор, опустилась рядом. Около часа они смотрели приуроченные к завтрашнему празднику Правовверные игры – локальную версию Олимпийских игр, помимо прочего включавшую такие виды спорта как лапта, городки, бабки, горелки и царь горы. Осторожно задав пару наводящих вопросов, Матвей понял, что в общемировых Олимпийских играх Священный Союз не участвует с шестидесятых годов – из-за происков продажного олимпийского комитета. Когда спортивная трансляция закончилась, началась программа «Время», почти полностью посвященная подготовке к празднованию Первомая.

Потом Баррикада подала нехитрый ужин – вареную картошку, бутерброды с сыром, шпроты из банки. Вслед за этим они откупорили бутылку молдавского вина, вкус которого напомнил Матвею о школьных походах, а также о первых поцелуях у костра. Оставив опустевший бокал на журнальном столике, он попробовал подкатить к Баррикаде, левой рукой обняв ее за плечи, а правую попытавшись запустить под футболку.

– Послушайте, Матфей, – произнесла девушка, резко отстранившись от него, – я, конечно, все понимаю. Вы известный режиссер, а я простая служащая. Вы, наверно, думаете, что я буду счастлива вступить с вами в связь. И не буду скрывать, вы мне действительно нравитесь. Больше скажу, я допускала мысль о том, что наши отношения из товарищеских перерастут во что-то другое. Но сегодня я уже так не думаю...

Ее слова действовали на него как холодный душ.

– А что изменилось сегодня? – потухшим голосом спросил Матвей.

– В Ленинских Горках я наблюдала за вами. И мне показалось, что вам ужасно скучно со мной – вы как будто повинность отбывали. Если я вам неинтересна как человек, а только как партнер для соития, тогда какой в этом смысл?

– Баррикада, ты все не так поняла! Дело не в тебе – просто я устал сегодня от всех этих музеев...

– Вы так говорите «все эти музеи», будто не о святых местах речь идет, а о какой-то суете мирской. Что вы за человек, Матфей! Давайте я вас в гостиницу отвезу.

– Спасибо, я сам доеду, – холодно произнес он, поднимаясь с дивана.

И на хера она меня домой пригласила? – думал режиссер, шагая по безлюдной улице. Ни такси, ни других машин на горизонте не было. Потянувшись за звездофоном, он понял, что не знает номер службы такси. Попробовал посмотреть в интернете, но страница не загружалась. Единственным человеком, который мог подсказать ему номер, была Баррикада – не будить же семью брата из-за такой ерунды. Но Баррикаде по понятным причинам он звонить не хотел, так что решил продолжить путь в надежде на то, что выбредет на стоянку такси или на станцию метро.

– Эй, мужик, закурить не найдется? – донеслось сзади.

Резко обернувшись, Матвей увидел двух приближавшихся к нему типов в надвинутых на глаза кепках. Такая встреча на темной улице посреди спального района ничего хорошего не предвещала, поэтому он решил действовать первым. Дождавшись, пока гопники подойдут вплотную, двинул одного из них ногой в пах, а второго – кулаком в рыло, и уже собрался бегом покинуть поле боя, но чей-то тяжеленный кулак обрушился на него подобно кувалде. Третий подошел – понял Мэт, оседая на асфальт.

21. День труда

Матвей пришел в себя, лежа в одних трусах на кафельном полу в залитой светом комнате без мебели и без окон. Первое, что увидел, открыв глаза – до блеска начищенные сапоги прямо у себя перед носом.

– Очухался, наконец, – услышал он.

Голос принадлежал отцу Лаврентию.

– Где я? Что со мной? – Мэт попытался подняться с места, но из-за приступа головокружения попу пришлось подхватить его и усадить обратно на пол.

- В ментовке, – ответил святой отец. – Отпиздили тебя, сын мой. И ты, вроде, тоже кого-то отпиздил. Ну да не важно.
- Что-то припоминаю, – произнес режиссер, потирая лоб.
- Право слово, как дети малые. То один в дерьмо вляпается, то другой. А мне вас вытаскивать, будто других дел среди ночи нет.
- Сейчас ночь?
- Считай, утро – четыре часа уже. С Днем труда, кстати.

Тело ныло, а голова была тяжелой – в ней словно перекатывались чугунные шары. Немного очухавшись и получив свои вещи, Матвей надеялся попасть в гостиницу, но у отца Лаврентия было другое мнение.

- У меня перекантуешься, – ответил он. – Нам вставать через несколько часов – на парад идем.
- Какой еще парад?
- Первомайский, блядь, какой же еще! Тебе брат приглашение выхлопотал.
- А Пашке?
- Только тебе.
- Мне нужно ему позвонить...
- Спит он сейчас, завтра позвонишь. Все нормально будет с твоим пиздюком – Баррикада за ним присмотрит.

Мэт вырубился в машине, а проснулся уже в келье у отца Лаврентия. Сев в кровати, он осмотрелся вокруг – уцепиться взглядом было решительно не за что. Побеленные стены, утопающий в утренней дымке монастырский силуэт за окном, его собственные вещи на стуле в углу. Из соседней комнаты доносились странные звуки – будто кто-то ритмично хлопал мух огромной мухобойкой.

Натянув одежду, режиссер прошел в соседнюю комнату и увидел отца Лаврентия, который с нагим торсом стоя перед образком Святейшего Двуглава, со всей дури хлестал себя по окровавленной спине треххвостой плетью. Висевшие на стене ходики показывали без четверти девять, а на серебряном блюде, стоявшем посреди стола, кокаином была выложена пятиконечная звезда, один из лучей которой уже отсутствовал. Судя по всему, священник, приехав из участка, спать не ложился. Заметив Матвея, он повернулся к нему, но хлестать себя не перестал.

- Что это вы делаете, отец Лаврентий? – вырвалось у Мэта.
- Известно, что – душу от дурных помыслов очищаю! За веру правую! За Союз Священный! За Двуглава Святейшего!

Совершив три жесточайших удара по спине, он отбросил плетку в угол комнаты и в изнеможении опустился на стул, стараясь не прислоняться к его спинке. Затем убрал с блюда еще один луч кокаиновой звезды, потом, позвонив кому-то по звездофону, затребовал кофе и завтрак.

- Как голова-то твоя, Матфеюшка?
- Спасибо, лучше уже, – ответил тот, потирая виски.
- Это хорошо – день-то нам длинный предстоит.

Матвей вспомнил, что его ждет участие в первомайском параде. Эта перспектива совсем не радовала, однако пропетлять никакой возможности не было. Он грешным делом хотел уже было нюхнуть коксу, однако отец Лаврентий не только не предложил угоститься, но убрал блюдо со стола. В ту же минуту в келью, постучавшись, вошла дородная монашка с подносом, чтобы сервировать нехитрый завтрак: вареные яйца, тосты с ликом Святого Владимира, масло, джем, кофе и рюмку водки, которую тут же оприходовал святой отец.

Настенные часы пробили девять, и вместо кукушки из них вылетел миниатюрный Святейший Двуглав, которому отец Лаврентий бил поклоны при каждом его появлении. Закончив с завтраком, он принялся поспешно собираться в дорогу, поторапливая при этом Матвея. По словам священника, они должны были оказаться на Красной площади через час, а дорога неблизкая и возможны «пробки». Парад должен был начаться в полдень, и Мэт не понимал, зачем они должны припереться за два часа до начала, но вопросов задавать не стал.

Поповская мигалка, как и следовало ожидать, расчистила им дорогу, но на подступах к Кремлю через каждый километр стали попадаться пункты досмотра. И хотя их машину из уважения к сану досматривали формально, это все равно замедлило их темп. Когда стали видны кремлевские шпили, отец Лаврентий приказал водителю притормозить, и дальше они с Матвеем пошли пешком, быстрым шагом, который побитому режиссеру давался с большим трудом. Прямо по курсу над Красной площадью парил дирижабль, в борта которого были вставлены гигантские мониторы – на них сменяли друг друга праздничные девизы.

При входе на площадь толпа разделилась на два потока: многолюдный и узенький – последний вел к VIP-входу. У этого входа, к которому направилась наша парочка, был установлен ряд кабинок для досмотра, тогда как простых людей досматривали просто на площади (некоторым приходилось раздеваться до трусов, а некоторым заглядывали и в трусы). Несмотря на VIP-статус, Матвею пришлось пережить довольно жесткий обыск, в ходе которого милиционер не только вывернул его карманы, но и прощупал каждый шов на одежде. В завершении процедуры режиссеру выдали футболку с портретом генсека Птушки, которую надлежало надеть перед выходом на площадь.

Отец Лаврентий подждал Матвея у кабинки. Как духовному лицу ему выдали реглан с изображением Святейшего Двуглава, который он натянул поверх рясы. Вместе они направились к трибуне, расположенной прямо напротив мавзолея, хотя и на значительном расстоянии от него – возле ГУМа. Они заняли свои места на пятом ярусе, и прохаживающийся по рядам милиционер пристегнул их за ноги к лавке – Матвей даже пикнуть не успел. Когда он поинтересовался у попа, что делать в случае, если ему захочется в туалет, тот указал куда-то под лавку. Там находился гостевой комплект: пакет с двуглавым орлом, в котором находилась бутылка святой воды, алый флажок, театральный бинокль и пластиковый контейнер для мочи.

Около часа они слушали бравурные марши, носившиеся по площади подобно перекачиполю. Затем вдруг музыка стихла, а после зазвучал гимн Священного Союза, усиленный тысячами репродукторов. Все, кто сидел на трибунах, вытянулись по струнке. На пустынную площадь выехала фигура на коне, изображение которой возникло на мониторе дирижабля. Это был генсек, появление которого толпа встретила непрекращающимися овациями. Гордо восседая на коне в белом кителе, с грудью, увешанной орденами, он поприветствовал народ небрежным взмахом руки. Спрыгнув на землю перед Усыпальницей Святейшего Двуглава,

он бодрым шагом взбежал на трибуну, и овации в этот момент достигли своего оглушительного пика. Вслед за Птушкой на трибуну поднялось высшее духовенство, а за ними – члены кабинета министров, среди которых Матвей с неожиданной гордостью узнал своего брата.

Когда овации стихли, повинуясь жесту генсека, тот начал свою речь, продолжавшуюся около трех часов. Первые полчаса Мэт честно слушал про ошеломительные успехи правого народа, про трудовые подвиги и про новые свершения, про высокие устремления и про священные жертвы, про чуткое руководство и про безжалостное оружие, грозящее коварным врагам – капиталистам-язычникам-мужеложцам-империалистам-идолопоклонникам. Привыкнув к шуму, он собрался вздремнуть, но это оказалось невозможным – каждый раз, когда следовало аплодировать, а это случалось примерно раз в полминуты, отец Лаврентий пихал его локтем в бок. Наконец товарищ Птушка завершил свой спич, и овации, продолжавшиеся минут пятнадцать, были перекрыты гимном Священного Союза. Сидевшие на трибуне вновь вскочили со своих мест.

– Да здравствует Первое Мая, День международной солидарности трудящихся в борьбе против империализма, за мир, демократию и правую веру! – этими словами генсек открыл парад.

И понеслось.

22. Демонстрация силы

священники с кумачовыми хоругвями
 румяные пионеры с золочеными горнами
 подтянутые комсомольцы с иконами над головой
 широка страна моя родная
 вместо сердца пламенный Двуглав
 тысячетрубный военный оркестр
 пехота и кавалерия
 бронетранспортеры и танки

ракетные установки
 гимнасты и жонглеры
 монахи и монахини
 правоверные мотоциклисты
 медведи на велосипедах
 ансамбли песни и пляски
 акробатические фигуры
 передовики производства

обязательства к Первому Мая выполнены
 обязательства к Столетию Революции выполняются
 орденоносный завод Красного Знамени
 достославная фабрика Николая Ежова

героический комбинат Священной Жертвы
держите равнение на правоверные идеалы
как завещали Святые Владимир, Иосиф и Лев
слава им, слава присно и во веки веков

поем осанну Правоверной Коммуне
и лично товарищу Птушке
громогласное троекратное ура
платформы заводов все едут и едут
станки, конвейеры, транспортеры
транспаранты, вымпелы, ордена
прядильщицы, мотальщицы, вязальщицы

героический подвиг, повышенные обязательства
дробильщики, литейщики, обрезальщики
слава правоверным труженикам
клянемся, клянемся, клянемся
выполним и перевыполним
во имя, во славу, вопреки всему

а вот идут наши доблестные колхозники
с гусями, свиньями, баранами и козами
трактористы на тракторах
комбайнеры на комбайнах,
шоферы на грузовиках
с яблоками и картошкой
со свеклой и репой
пастухи, хлебоборобы
хлопкоробы, виноделы

за ними выкатываются платформы союзных республик
увитые виноградом, пшеницей, хмелем
утыканные подсолнухами, кукурузой, маком
дружба народов священна, сила наша едина
вместе навеки, неразлучны навсегда, рука в руке
плечом к плечу только вперед к победе, ура, ура, ура

встречайте делегации дружественных государств
Албания и Алжир, Ангола и Афганистан
Бангладеш и Белиз, Болгария и Ботсвана
Венгрия и Венесуэла, Восточный Тимор и Вьетнам
Гаити и Гана, Гватемала и ГДР
Замбия и Зимбабве, Индия и Йемен
Кампучия и Камерун, Лаос и Либерия

Мадагаскар и Мозамбик, Монголия и Мьянма
Нигерия и Никарагуа, Пакистан и Парагвай,
Руанда и Румыния, Сенегал и Словения,
Сомали и Судан, Танзания и Тувалу,
Уганда и Уругвай, Чад и Чехословакия,
Эквадор и Эритрея, Эфиопия и Югославия
дружба и мир, вместе навеки, ура, ура, ура

демонстрация трудящихся продолжается
стройными рядами на Красную площадь выходят
сталинбуржцы и гости столицы, семьи с детьми, молодежь и пенсионеры
октябрята и пионеры, комсомольцы и коммунары
плакаты и транспаранты, хоругви и знамена
слава, слава, возрадуемся в едином порыве
хвала Правовой Коммуне
слава товарищу Птушке, слава
слава, вперед, к победе, ура

Священный Союз республик свободных
сплотил навеки Святейший Двуглав
да здравствует созданный волей народов
единый, могучий союзный конклав
славим Отечество мы правое
дружбы народов надежный оплот
пусть наше знамя, хоругвь наша верная
нас к вечной жизни надежно ведет

ура, товарищи
а теперь салют
и лазерное шоу

23. Стенограмма пикника

Второе мая было выходным днем, но анонсированную отцом Лаврентием встречу никто не отменил. Правда, обсуждение сценария будущего фильма решили перенести на природу, и формат этого мероприятия водитель Гена определил как «маевка». К полудню за город на четырех автомобилях прибыли все участники: Матвей и Паша, Сева и Лаврентий, Баррикада и Аврора Ивановна. На лужайке, охраняемой дружелюбными грибниками в штатском, разложили пледы, водители достали из багажников корзины со снедью, священник по случаю праздника откупорил «Союзное Шампанское». Все вели себя словно старые друзья, только Баррикада избегала встречаться с Матвеем взглядом – понятно, почему.

– Ну что ж, приступим к обсуждению! – произнес Сева, когда гости пикника немного перекусили.

Аврора Ивановна достала из сумки планшет, приготовившись стенографировать. Баррикада раздала всем бланки с гербом Министерства культуры, на которых был напечатан регламент встречи. План был такой:

1. Товарищи М. Корчагин и П. Вильзон делятся впечатлениями от пребывания в правоверном Сталинбурге.
2. Анализ специфики влияния Кубинской ССР на общесоюзный культурный контекст.
3. Обсуждение предварительных сценарных набросков части документальной эпопеи «Сто лет Октябрю», выполненных товарищами М. Корчагиным и П. Вильзоном.

На последнем пункте Мэт напрягся – никаких набросков и в помине не было. Значит, придется импровизировать.

Пара грибников, выбравшихся из кустов, установили большой монитор, прикрутив его к стволам сосен. На мониторе тут же началась трансляция слайд-шоу, посвященного первому пункту повестки. Это был детальный отчет о том, как Матвей провел неделю в Сталинбурге: фото, сделанные сторонними наблюдателями, сопровождалось гео-метками и краткими комментариями. Про себя Паша порадовался, что в фокусе внимания находился его старший товарищ, а не он, и встреча с раввином вместе с событиями в день погрома остались за кадром. Однако попытка прорваться на завод «Красный Богатырь» была зафиксирована наблюдателями во всех подробностях – как с дрона, так и с камер наблюдения, установленных на заводской ограде. Когда дошли до этого момента, Сева пошевелил усами, но ничего не сказал, лишь переглянулся с отцом Лаврентием.

В финале авторы презентации решили добавить зрелищности – фотографии сменились видеорядом. Сначала камера, установленная в квартире Баррикады, зафиксировала, как Матвей приставал к девушке и как она его оттолкнула. Затем – полный драматизма кадр: режиссер понуро плетется по пустынной ночной улице, вид со спины. Однако закончилась презентация на мажорной ноте – кадрами первомайского парада, зрителем которого Матвеем посчастливилось стать.

Они хотят, чтоб мы знали – им все известно, – подумал режиссер, стараясь сохранять самообладание. Судя по выражению Пашиного лица, тот размышлял о том же.

– Что ж, Матфей, вижу, неделя у тебя выдалась насыщенная, – произнес Сева, когда монитор погас. – Интересно, что тебе запомнилось больше всего?

Матвей отчитался о том, что главным впечатлением, конечно, был парад, а также посещение величайших храмовых комплексов, за что отдельная благодарность товарищу Баррикаде, выступившей гидом. Паша лишь поддакивал.

– А вот Баррикада сказала, что тебе Ленинские Горки не понравились, – возразил отец Лаврентий. – Мол, скучно тебе там стало. Так у нее в отчете и записано.

– Должно быть, она меня неправильно поняла, – произнес Мэт, взглянув на девушку, увлеченно вертевшую в руках сосновую шишку.

– Ты бы с товарища своего пример брал, – продолжил священник. – Вот он намерен Храм Святого Иосифа посетить и вышел оттуда весь в слезах праведных. Такова она вера истинная – до самого нутра прошибает. Правда, Павлуша?

Павлуша в ответ пролепетал что-то невразумительное.

– А зачем в промзону ездили? – вклинился в разговор Сева.

– Площадку для съемки искали, – ответил Матвей.

– Где? На режимном объекте? Не знал бы я тебя с самого детства, решил бы, что шпион. А может, ты там, за границей, и вправду скурвился? Это, Аврора Ивановна, записывать не нужно.

Аврора послушно удалила из стенограммы последний абзац.

– Ну что ты такое, братец, говоришь! – возмутился Мэт.

– Я говорю, что вижу. Вместо того, чтоб делом заниматься, по промзонам лазишь да коммунарок за сиськи хватаешь. У других режиссеров, между прочим, уже съемочные графики составлены.

Матвея вовсе не радовала доставшаяся ему роль двоичника, отчитываемого строгими учителями. Он понимал, что его будут журить все время, пока он будет оправдываться, так что решил сменить тактику. Мол, признаю свои ошибки, прошу понять и простить, обещаю взяться за ум, да поможет мне в этом Святейший Двуглав, одна голова хорошо, а две, то есть три – лучше. Похоже, покаяние удовлетворило и брата, и попа – они перешли к следующему пункту повестки, посвященному Кубинской ССР.

Аврора Ивановна запустила на мониторе ролик о культурных свершениях правоверных кубинцев. Пока поэты, художники, скульпторы и другие деятели искусств пели дифирамбы Священному Союзу на фоне двуглавого герба, Матвей пытался вспомнить, причем тут вообще Куба. Ах да, он же должен представлять Остров Свободы среди кинематографистов союзных республик. Но почему ему предстояло играть именно за Кубу, этого он вспомнить не мог.

– Ну что, докладывай, братец, – обратился к нему Сева. – Каким тебе видится влияние Кубинской ССР на культурный климат нашей державы?

Шумно набрав в легкие воздух, Мэт принялся разглагольствовать о любви к свободе и о ненависти к американскому империализму, что живут в сердце каждого кубинца, о буйно колосащемся сахарном тростнике, о благодатном сигарном дыме, возносящемся к мирному небу над головами курчавых негритят-пионеров...

– Гладко стелешь, да не по делу, – перебил его отец Лаврентий. – Конкретики маловато.

Матвея этот симпозиум уже начал бесить. Брат и священник им явно недовольны, Баррикада тупо морозится, да еще и Паша болтается тут безвольной амебой.

– Ну, конечно, я не в кубинском контексте, – выпалил он. – Я ведь не на Кубе живу, а в Чехии. То есть, в Чехословакии. Если хотите, чтобы я был в материале, отправьте нас с товарищем Вильзоном на Кубу на недельку, потом и поговорим...

После этих слов Сева и Лаврентий снова переглянулись. Пока Матвей представлял себе, как они с напарником уплывают на надувном матрасе с Кубы во Флориду, министр произнес:

– Я, конечно, понимаю, братец, что тебя по голове сильно били... Но такие провалы – это нечто из ряда вон выходящее. Ты, Матфей, должен понимать, что на Кубу никто давно не ездит – ни как турист, ни с другими целями...

Дальше министр вместе с отцом Лаврентием доходчиво объяснили Мэту, что в 1962 году, после референдума о присоединении Кубы, американские империалисты намеревались вторгнуться в Кубинскую ССР. Тогда Священный Союз был вынужден нанести серию упреждающих ракетных ударов по Острову Свободы, чтоб тот не достался врагу. Так что теперь там нет ни сахарного тростника, ни табачных плантаций, ни городов, ни сел, ни, разумеется, национального кинематографа. А есть там только радиоактивный пепел да буйно разросшиеся джунгли.

Матвею, огорошенному этой информацией, оставалось лишь жаловаться на провалы в памяти, вызванные ударом по голове в уличной драке да лепетать что-то про вероятное сотрясение мозга и необходимость проведения МРТ. Паша же, набрав в рот воды, сидел не отсвечивая.

Когда перешли к третьему пункту повестки, а именно к обсуждению концепции сценария, все немногочисленные наработки, имевшиеся у Мэта, успели рассыпаться в прах, столкнувшись с новыми вводными. Спасая ситуацию, он наобум предложил построить повествование вокруг героини – юной кубинской девушки, приехавшей в Сталинбург. Паша на этих словах покраснел – видно, вспомнил темнокожую проститутку, с которой познакомился в бане. Так вот, эта девушка гуляет по столице, знакомится с разными людьми, и всюду ей рады, все рассказывают о своем любимом городе, все ей нравится и дальше в том же духе. А заканчивается все это тем, что кубинку приглашают на какое-нибудь официальное мероприятие (какое именно, Мэт еще не решил) и там дают ей слово. И она с трибуны рассказывает, как с первых же минут влюбилась в Сталинбург, как хорошо живется в Священном Союзе, какие прекрасные люди его населяют и как важно стоять плечом к плечу и шагать нога в ногу. А потом цветы, парад и салют. И восторженная толпа качает юную кубинку на руках, подбрасывая ее так высоко, что девушка с этой космической высоты обозревает всю нашу необъятную державу, которая в едином порыве и так далее.

– Что ж, неплохо, – произнес Сева, убедившись, что брат закончил изложение. – Однако есть несколько «но». Видно, что концепция очень предварительная. И я бы сказал, довольно стандартная. От тебя-то мы ожидали не штампов и общих мест, а свежих идей и ярких необычных решений...

– Говно концепция, одним словом, – вмешался отец Лаврентий, и министр не только не возразил ему, но поддержал кивком.

– Грубо по форме, но верно по сути, – добавил Сева. – Если б на месте этой кубинской девушки оказался молдавский парень, ничего бы не изменилось.

– Так ведь я только начал работу... – принялся оправдываться Матвей.

– Ты уже больше недели в Сталинбурге, – возразил ему брат. – Тебя тут на руках носят как ту кубинскую шалаву, показывают тебе все, условия создали самые лучшие. Бери и твори! А ты вместо этого... Ну да ладно. Спишем все на акклиматизацию и переизбыток впечатлений. Дадим тебе еще недельку на подготовку концепции и проследим, чтобы тебя никто не отвлекал.

– Спасибо, братец! – тряхнул головой режиссер.

– Согласен с товарищем министром, – вмешался отец Лаврентий. – Грешно давить на творческого человека. Пусть осознает повышенные ожидания, соберется с силами и выдаст по-настоящему талантливое решение во славу всего правоверного народа. А мы со своей стороны проследим, чтобы товарищу Матвею Корчагину были предоставлены необходимые условия для творчества.

Убедившись, что Аврора Ивановна в точности задокументировала произнесенные им слова, поп велел откупорить пару бутылок красного вина и подать шашлыки, которые, судя по дымному аромату уже подоспели на соседней поляне. Мэт расслабился – буря миновала. За предстоящую неделю он успеет наклепать целую дюжину разных концепций – особенно если Пашка не будет валять дурака, а подключится к процессу.

В отсутствие стенографирования другие участники маевки тоже стали вести себя менее формально. Баррикада и Аврора Ивановна затеяли игру в городки, к которой затем присоединился Паша. Отец Лаврентий, достав из-под рясы маузер, устроил стрельбу по пустым бутылкам, а Сева спел несколько бардовских песен, аккомпанируя себе на гитаре, обнаруженной в кустах. «Мой маленький плооот, свитый из песен и слооов, всем моим бедам назлооо...»

Осмелев, Матвей даже попытался заговорить с Баррикадой, но из этой затеи ничего не вышло, поскольку Аврора Ивановна постоянно крутилась поблизости – пришлось ограничиться глубокомысленными замечаниями о том, как хороши погода-природа-время-года.

Когда начало вечереть, все усталые, довольные, сытые и пьяненькие стали рассаживаться по машинам, чтобы вернуться в город.

24. Почетный караул

Когда Матвей следом за Пашей собирался забраться в «Чайку», на которой они приехали, отец Лаврентий поманил его к своей черной «Волге»:

– Вместе поедem – поговорить нужно.

Их машина замыкала автоколонну, во главе которой следовал министерский лимузин «ЗИЛ», за ним – «Жигули», принадлежавшие Баррикаде, следом – «Чайка», транспортировавшая Пашу. Матвей, расположившись на заднем сидении рядом со святым отцом, ожидал начала обещанного разговора, но беседа все не начиналась. Священник лишь побрякивал на ухабах, а затем и вовсе задремал. В какой-то момент «Волга», оторвавшись от колонны, свернула на проселочную дорогу.

– Куда мы едем? – насторожился режиссер, но отец Лаврентий ответил ему храпом, а угрюмый водитель лишь пожал плечами.

Тем временем солнце спряталось за деревьями, водила включил фары. Матвей подумывал разбудить священника, чтобы добиться от него объяснений, но тот уже и сам проснулся.

– Куда едем? – повторил Матвей свой вопрос, адресуя его теперь уже к попу.

– Навстречу мечте, – ответил тот, сладко потянувшись.

– А если серьезно?

– В дом творчества тебя везу. Ты ж пиздец какой творец – там тебе и место.

– Не понял...

– Сейчас поймешь.

Дорога вывела их из леса в поле, за которым раскинулся поселок, приветливо подмигивавший путникам огоньками окон. Фары высветили дорожный указатель с надписью «Переделкино», на которой какой-то шутник замазал белой краской вторую «е».

– А брат мой знает, куда вы меня везете?

– Все он знает, – ответил отец Лаврентий. – Его идея.

– И что мы здесь делать будем?

– Не мы, а ты, Матфеюшка. Творить, голубчик, будешь. А через неделю – обратно, в столицу.

– Эй, мы так не договаривались! А Паша?

– Ничего с твоим мальцом не случится – в гостиницу он едет.

– Мне тоже в гостиницу нужно!

– Какого?

– У меня там записи все, заметки...

– Мне-то не пизди!

Матвей подергал ручку двери, но та была заблокирована. Тем временем «Волга» остановилась у трехэтажного здания на краю поселка, которое благодаря побеленной колоннаде и широкой лестнице напоминало сельский клуб. На ступенях дома маячили двое монахов в белых рясах, которые тут же двинулись к машине. Мэт прочитал надпись на табличке, привинченной к одной из колонн: «Дом творчества литературных работников и кинематографистов на базе ОМОНа имени Святого Феликса». Аббревиатура «ОМОН» уже была ему знакома: Отшельнический Монастырь Особого Назначения.

– С прибытием, брат Матфей! – поприветствовал режиссера один из монахов, открыв дверь машины.

– Хвала Двуглаву, доехали! – присоединился второй. – Милости просим!

– Никуда я не пойду, – буркнул Матвей, отметив про себя, что монахи – довольно крепкие ребята.

Но в это время отец Лаврентий со всей силы пнул его ногой в спину, и режиссер, вылетев из машины, был подхвачен монахами под белые рученьки. Однако хватка была некрепкая, держали его бережно, и Матвей, извернувшись, выскользнул из их рук. Он бросился в сторону поля, но какая-то сила сбила его с ног и прижала к земле. Это был водитель отца Лаврентия, неизвестно когда выбравшийся из автомобиля.

Белорылые поставили Матвея на ноги, отряхнули и повели в сторону дома творчества. И хотя держали его теперь покрепче, Мэт решил так просто не сдаваться. Всадив локоть под дых одному монаху и лягнув в колено другого, он совершил отчаянный рывок, но сумел освободить лишь правую руку, и в тот же момент с правой стороны в его шею вонзилась игла шприца.

– Творческих успехов! – бросил отец Лаврентий из машины, и это было последнее, что Матвей услышал, прежде чем провалиться в забытие.

Пришел в себя он на кровати в тесной келье – в одежде и обуви, но без звездфона. Комнатка с кованой дверью, узким окном под высоким потолком и экраном напротив кровати, транслировавшим телеканал «Штык»: широкомордый вояка в камуфляже, брызжа слюной, рапортовал об успехах оборонной промышленности. За его спиной мелькала яркая анимация, иллюстрировавшая эффект от того или иного оружия. Самонаводящиеся ракеты крошили в капусту нью-йоркские небоскребы, подводные лодки-камикадзе выскакивали из вод Темзы, чтобы разнести Тауэрский мост, стаи дронов распыляли химоружие над амстердамским гей-парадом... С каждым новым сюжетом рассказчик все больше распалялся, и Матвею показалось, что к концу репортажа у того даже привстал.

Из-за успокоительной инъекции Мэт ощущал необычайную слабость. Следовало совершить усилие, чтобы за раз осуществить два важных дела: проверить, не заперта ли дверь и вырубить на хрен телевизор. В случае, если дверь не заперта, телевизор можно было похерить. Но хватит ли у него сил, чтобы выбраться из дома творчества – на ватных ногах и с затуманенной головой? Опустив ноги на пол, попытался встать, но затея оказалась неудачной, и он свалился рядом с кроватью, словно тряпичная кукла. Кое-как дополз до двери, которая, естественно, оказалась заперта, затем поискал пульт от телевизора и не нашел. На то, чтобы забраться обратно в кровать, сил уже не хватило, и он остался лежать на полу, устремив взгляд в потолок.

Ночь была кошмарной: сон – бодрствование – полудрема – снова сон, и так по кругу. Ни на секунду не замолкавший телевизор щедро поставлял сюжеты для бредовых видений, пока в какой-то момент не переключился на канал «Озеро», где балерины изображали лебедей под приглушенную музыку, ненадолго убаюкавшую Матвея. Но ровно в шесть утра закольцованный балет сменился оглушительным союзным гимном – Мэт встрепенулся, ударившись головой о раму кровати. Затем последовал выпуск новостей, где главным сюжетом была предстоящая церемония ежегодного посвящения товарища Птушки в сан генсека ЦК ПКСС. Что было дальше, Матвей не помнил – очнулся он уже когда Птушка под торжественную музыку шел по коридорам Кремлевского дворца, сменяющимся другими коридорами, и казалось, что это никогда не закончится. Перед генсеком распахивались двери, а он все шел и шел, пока наконец не добрался до просторного зала, наполненного генералами и священниками, где, взбравшись на возвышение, сложенное из ленинских томов, принял присягу, положив руку на чемоданчик с красной кнопкой.

Метавшемуся в бреду Матвею казалось, будто это он сам идет по бесконечным коридорам, мимо картин Никаса Сафронова, мимо скульптур Зураба Церетели, мимо вытянувшихся по струнке караульных со стеклянными глазами. Вместо церемониального зала коридор закончился тупиком с нарисованным на стене двуглавым орлом. От парных шей начали отпочковываться новые головы, и секунду спустя на несчастного смотрели сотни холодных птичьих глаз, а множество клювов норовили вцепиться в него, страшно клацая перед самым

носом. Он пытался бежать назад, но двери за его спиной оказались заперты, а многоголовая птица все приближалась, хлопая стальными крыльями, и казалось, конец неминуем, но вместо него пришло спасительное пробуждение...

Помотав головой, Матвей обнаружил, что все так же лежит на полу, но теперь уже в луже холодного пота, а над ним нависает фигура сидящего на кровати мужчины с седой трехдневной щетиной на обрюзгшем лице.

– Ну, здравствуйте, Матфей Сергеевич! – произнес он, слегка картавя. – Добро пожаловать в нашу скромную обитель!

25. Творческая интеллигенция

Нового знакомого Матвея звали Миша Куц. Он отрекомендовался как «писатель, эссеист и драматург» и на правах куратора предложил провести экскурсию по дому творчества. Помимо милого грассирования у Миши была еще одна особенность: он без остановки трындел. Но тон его был довольно мягкий и ненавязчивый, так что Матвей со временем научился воспринимать речи сопровождающего в фоновом режиме, как радио, выделяя лишь отдельные фрагменты. К слову о радио, первое, на что Мэт обратил внимание – в каждом помещении, включая коридоры, туалеты и душевые неизменно присутствовал включенный телевизор, а то и несколько. Все они транслировали разные каналы, но самыми популярными среди них были «Звезда» и «Штык».

– Нужно всегда находиться в информационном поле, – прокомментировал Миша. – Это очень важно для творчества. Ну как для творчества... Это вообще важно для жизни. Мы ведь часто не отдаем себе отчет, что жизнь идет. Нам кажется, что сегодня просто очередной день, а жизнь... жизнь – это что-то большее. Но именно из обычных дней и складываются наши необычные жизни...

Матвей с утра не был готов к таким крупным дозам бытовой философии, поэтому вклинился в Мишин поток сознания с вопросом:

– А где тут у вас позавтракать можно?

– Я вот иногда задумываюсь... – по пути в столовую Миша снова завел свою шарманку. – Знаете это утреннее чувство, когда мозг уже проснулся, а желудок еще нет? И вроде бы пора уже завтракать, но ты этот момент все время откладываешь – то постель по второму разу застелешь, то зубы снова почистишь... Бывает с вами такое?

К тому времени Матвей уже понял, что все вопросы, которые задает ему Миша, носят сугубо риторический характер. Поэтому он молча умял свой завтрак, параллельно выслушав историю о сложных отношениях своего собеседника с манной кашей. Корни этих отношений терялись в глубоком детстве, и с каши эссеист незаметно перескочил на неповторимый запах школьной столовки, вспомнил учительницу химии с волосами цвета марганца, а затем, совершив невообразимый кульбит, обратился к армейским воспоминаниям.

Когда завтрак был окончен, Миша показал Матвею здешние места силы: библиотеку, кинотеатр и актовый зал. Помимо телевизоров стены были украшены крупноформатными иконами, портретами Птушки и лозунгами вроде «Творчество должно служить народу» и

«Правоверный кинематограф – важнейшее из искусств». Однако попадавшие по пути литераторы и кинематографисты занимались чем угодно, только не творчеством: кто-то болтал с монахами в белых рясах, кто-то разгадывал кроссворд, развалившись в кресле, кто-то дегустировал кефир, задумчиво глядя в окно.

Матвею, с самого утра думавшему о побеге, не терпелось оказаться на улице, но когда они вышли из дома творчества через заднюю дверь, то попали в живописный садик, обнесенный высоким бетонным забором с колючей проволокой по периметру и зоркими монахами в башенках по углам.

– Будто зона, – проронил режиссер, сплюнув на траву.

– А вы сидели? – с интересом спросил Миша, на что получил отрицательный ответ. – А вот я сидел. Когда пьесу писал о перевоспитании, попросил, чтобы меня на месяц в тюрьму поместили. Очень интересный опыт, выходить не хотелось. И знаете, что примечательно? Многие думают, что тюрьма ограничивает возможности заключенного. А я вам вот что скажу: не только не ограничивает, но напротив, расширяет горизонты и раскрывает потенциал. Я думаю, каждый гражданин Священного Союза должен хотя бы раз в жизни посидеть в тюрьме. Это и к дисциплине приучает, и смекалку прививает, и помогает находить новые возможности.

– Интересная мысль, – буркнул Матвей, усаживаясь в плетеное кресло возле куста сирени.

– Любое ограничение делает нас сильнее, – с жаром продолжил Миша. – Посмотрите на нашу великую державу, окруженную врагами со всех сторон! Вынужденная изоляция, эмбарго, запреты на поставку продуктов и оборудования... А мы от этого только крепнем! Мы так устроены, что лучше всего умеем отвечать на вызовы. В мирное время мы скучаем и заплываем жиром – чтобы быть в тонусе, нам нужна война! Мы – народ-воин, и противостояние вражеским еретикам – для нас это лучший подарок. Только в правоверной тюрьме, в которую мы себя добровольно поместили, мы найдем свое счастье и истинное предназначение, как монахи находят его в монастыре.

Проходивший по саду монах, на которого эссеист указал, чтобы проиллюстрировать свои слова, остановился и произнес:

– Храни вас Двуглав, товарищи! Все в актовый зал – ЧКТ вот-вот начнется!

Вышеозначенная аббревиатура расшифровывалась как «час коллективного творчества», однако здешние обитатели по созвучию называли это мероприятие «Чикатило». Когда полсотни кинематографистов и литераторов расселись на выставленных кругом стульях, началось что-то вроде игры в буриме. Настоятель с седой окладистой бородой как у Льва Толстого произнес первую фразу, сидевший по правую руку от него писатель – вторую, следующий за ним – третью и так далее. Все это тщательно записывали два монастырских старца, стуча по клавиатурам крючковатыми пальцами.

Начали с горьковской строки про ветер, собирающий тучи над седой равниной моря, затем уделили внимание бесстрашным правоверным морякам, после спустились в трюм, забитый отборной пшеницей, собранной доблестными тружениками полей, помянули и коммунаров, и военных, и духовенство, и лично товарища Птушку, вознесли молитву Святейшему Двуглаву, а потом по птичьей линии вырулили обратно к буревестнику... Матвей лихорадочно размышлял, что он брякнет, когда до него дойдет очередь в этой игре в бисер, но его спас запыхавшийся монах, вбежавший в зал:

– Матфея Сергеевича к телефону! Товарищ министр вызывает!

26. Домашний арест

Когда днем ранее водитель доставил Пашу в гостиницу «Колхозная», он прождал Матвея до позднего вечера, но тот так и не появился, а его звездфон не отвечал. Когда, устав ждать, юноша вышел в коридор, чтобы пойти на ужин, у дверей его встретил сотрудник в штатском, который вежливо, но убедительно велел вернуться в номер и заказать доставку еды из гостиничного ресторана.

Паше такое развитие событий совсем не понравилось. Он снова набрал Мэта и снова безрезультатно. Без аппетита поужинал, до полуночи смотрел телевизор, мыкаясь между повышением удоев, правоверной пропагандой, смертоносными военными изобретениями и неизменным «Лебединым озером». Уснул с пультом от телевизора в руке и мучался кошмарами: то отбивался от приставаний пылкой Авроры Ивановны, то бежал по выжженной кубинской земле, уклоняясь от падающих с неба бомб, а после и вовсе оказался в хрустальном гробу между Лениным и Сталиным, которые мертвой хваткой держали его за обе руки.

Утром чекист в штатском по-прежнему маячил у двери номера – правда, уже другой. Время между завтраком и обедом Паша убил, просматривая отснятое в Сталинбурге видео и периодически набирая Матвея. В голову лезли разные отвратительные мысли. А что, если старшего товарища отправили на лесоповал или вовсе поставили к стенке? Ну и что, что он брат министра? При «совке» и министров в расход пускали...

Веснушчатое лицо официанта, вкатившего в номер тележку с обедом, показалось Пашке знакомым. Приглядевшись, он с удивлением понял, что перед ним тот самый беспризорник, который несколькими днями ранее одарил его семью копейками на паперти Храма Святого Иосифа. Правда, теперь беспризорник был умыт, аккуратно причесан и облачен в ресторанный униформу. Заметив, что Паша его узнал, он поднес палец к губам и принялся расставлять тарелки с едой на столе. Стопку бумажных салфеток он положил прямо перед хозяином номера. Подняв верхнюю салфетку, Паша увидел, что на следующей красуется надпись карандашом:

ЭВАКУАЦИЯ 9 МАЯ

Другие салфетки тоже оказались подписаны:

СВЯЗЬ ЧЕРЕЗ СУШИ-БАР

НАЙДИ РЕЖИССЕРА

ЗДЕСЬ ОСТАВАТЬСЯ НЕЛЬЗЯ

ЗВЕЗДОФОН НЕ БЕРИ

НОМЕР СЛЕВА

ЗАГЛЯНИ ПОД КРЫШКУ

ДЕЙСТВУЙ БЫСТРО

Когда Паша прочитал все записки, беспризорник, скомкав салфетки, засунул их в чашку и залил заваркой из чайника – ком тут же превратился в чайный гриб.

– Приятного аппетита, товарищ! – пожелал он на прощанье и, подмигнув, вышел за дверь.

Пашка поднял металлическую крышку с тарелки и увидел оконную ручку, лежавшую там. Вставив ее в раму, повернул – окно распахнулось внутрь. Выглянув наружу, увидел достаточно широкий бетонный карниз, а выше, над головой – кирпичные выступы, за которые удобно будет хвататься руками. Несмотря на то, что внешняя сторона стены будто создана была для того, чтобы перебираться по ней из номера в номер, Паша запаниковал. Он много раз видел такие фокусы в фильмах, но, чтобы самому пробираться по фасаду на высоте шестнадцатого этажа – к такому он был не готов. «К такому никто не готов», – произнес Пашка про себя и вспомнил инструкцию о том, что нужно действовать быстро.

Он засунул кошелек в карман брюк, портативную видеокамеру положил в другой и, держась за раму окна, ступил на карниз. Стараясь не смотреть вниз, вцепился в кирпичный выступ и сделал первый шаг. Дальше последовали несколько самых неприятных в его жизни минут: побелевшие пальцы, холодный пот, стекающий по позвоночнику, ветер, свистящий в ушах, бешено колотящееся сердце. Пригодился опыт посещения скалодрома – Паша добрался до цели невредимым, не считая ссадин на ладонях и на коленях. Окно соседнего номера было приоткрыто. Толкнув створку, он забрался внутрь.

Номер был пуст. На застеленной кровати лежала черная монашеская ряса, накладная борода и паспорт на имя Вилена Зюганова с Пашиной фотографией, скачанной из Фейсбука. Облачившись в рясу, Паша нацепил бороду и прильнул к дверному глазку. Агента в штатском видно не было – он приоткрыл дверь. Его спасители все рассчитали – дверь номера, в котором он сейчас находился, была расположена за поворотом коридора, неподалеку от лифта. Паша добрался до лифта, спустился вниз и вышел из гостиницы, не встретив ни одного чекиста, только пару постояльцев и уборщицу.

Куда дальше? На этот счет идей у Паши не было. Зайдя в общественный туалет в трех кварталах от гостиницы, он освободился от бороды и рясы, а затем, преодолев еще пару кварталов, запрыгнул в первый попавшийся троллейбус.

27. Шпионские игры

В полупустом троллейбусе на Пашку подозрительно косился какой-то дед с мохнатыми ушами, несмотря на теплую погоду одетый в ватник цвета хаки. Паша вышел на ближайшей остановке, а дед что-то кричал ему в спину, но что именно, разобрать не удалось – двери троллейбуса уже закрылись.

Он оказался на бульваре, заполненном гуляющими – третий день Первомая. Дети несли воздушные шарик с изображением Святейшего Двуглава и лопали сахарную вату в форме

ядерных грибов. Взрослые хлебали пиво из пластиковых стаканов, а некоторые прикладывались к бутылкам «Столичной» и «Сталинки» – водка в правозверные праздники отпускалась по специальной цене: не три рубля двенадцать копеек как обычно, а два пятьдесят. Балалаечник в расшитой алыми звездами косоворотке и с таким же алым рылом исполнял агитационные частушки. Многие зрители лупили с балалаечником селфи на звездофоны, другие снимали видео. Паша вспомнил про видеокамеру, достал ее из кармана и тоже начал снимать.

Во время прогулки по бульвару он успел заснять немало интересного. Например, медведя в тельняшке и голубом берете десантника, с деревянным автоматом Калашникова на груди (его водили на цепи на потеху публике). А еще – драку за блины возле фургона «Блинок-Воронок» (там Паша купил пару блинов, когда страсти улеглись). А также уличный конкурс на лучший портрет генсека Птушки (вместо красок художники использовали собственную кровь из пальца).

Найдя свободную лавку, под которой, впрочем, спал какой-то пьянчуга, Паша присел на нее и занялся составлением планов на будущее. Нехитрый этот план состоял всего из пяти пунктов, которые не было нужды записывать – легко запомнить:

1. Найти Матвея
2. Сообщить ему об эвакуации
3. Залечь на дно
4. Выйти на связь с реб Лейбом
5. Бежать из Сталинбурга

Как приступить к первому пункту? Паша припомнил всех немногочисленных местных знакомых, которые могли помочь ему в поисках. Их оказалось всего трое: Всеволод Корчагин, отец Лаврентий и Баррикада. По понятным причинам первые двое отпадали. Где живет Баррикада, он не знал, зато ему было известно, где она работает. Ошиваться возле Министерства культуры было небезопасно – там он мог попасться на глаза чекистам, а то и встретить самого Лаврентия. Но другого выхода у него не было.

Купив в газетном киоске карту Сталинбурга, Паша выстроил пеший маршрут до министерства – связываться с таксистами, как и с общественным транспортом, он не рискнул. Навскидку идти ему предстояло около часа, и самый короткий путь пролегал сквозь жилые кварталы, а затем вдоль реки, обозначенной на карте «Сталинка» – так же, как и популярная в народе водка.

Шагая по узкой улочке вдоль однотипных пятиэтажек, он продолжил снимать. Здесь картинка была не такая праздничная, как на бульваре. Вот старуха в цветастом халате, сидя на крыльце, перебирает гнилую картошку в ведре. Вот двое алкашей гонятся за третьим, прижимающим к груди бутылку, а за ними бежит жена одного из них, с бигуди на перегидрольной шевелюре и с обломком швабры в руках. Вот пионеры играют в футбол дохлой крысой, а за ними невозмутимо наблюдает Святой Владимир, намалеванный масляной краской на стене гаража. Вот мужик в семейных трусах и растянутой майке посреди двора разделяет топором неясного происхождения тушу – то ли мелкий барашек, то ли крупная собака. Пятиэтажки сменились бараками, видеть которые в центре города Паше было дико, и тут он уже спрятал камеру в карман – не до съемок, лишь бы убраться отсюда живым и невредимым. Однако вскоре покосившиеся деревянные времянки резко

закончились – последняя из них вплотную примыкала к беломраморному дворцу культуры, за которым простиралась широкая набережная, с цветочными клумбами, аккуратно подстриженными газонами и неразлучными парами «скамейка плюс урна», расставленными на равном расстоянии друг от друга.

Первое, что он увидел, выбравшись к реке, была огромная статуя Святого Иосифа, торчавшая прямо из воды – высота ее составляла не меньше сотни метров. Статуя медленно поворачивалась вокруг своей оси, и Паша смог рассмотреть ее с разных ракурсов. Широко расставленные ноги Сталина опирались на палубу непропорционально мелкого крейсера «Аврора», который в свою очередь был водружен на мощную колонну, составленную из сотен торчащих в разные стороны атомных бомб. В правой руке, поднятой над головой, Святой Иосиф сжимал золотой огненный меч, которым грозил всем противникам правоты. Лицо у него было, как и полагалось по сюжету, довольно грозное – ошетилившиеся усы, плотно сжатые губы и выпученные глаза. Паша долго ощущал на себе его тяжелый взгляд, пока, не оглядываясь, удалялся по набережной от этого монстра.

До министерства он добрал в половине шестого. В изнеможении опустился на скамейку в парке напротив ведомства и тут же хлопнул себя ладонью по лбу. Какой же ты дурак, Павел Вильзон – сегодня ведь выходной! Однако из массивных дубовых дверей то и дело выныривали клерки, и исключать возможность того, что Баррикада сегодня работает, нельзя было. Однако, что он будет делать, если увидит девушку, выходящую из министерства, Паша не мог сказать. Какова гарантия того, что она не сдаст его тут же отцу Лаврентию? А что, если она вовсе не захочет с ним разговаривать? Что, если о судьбе Матвея ей известно не больше, чем ему? Но даже если Баррикада может быть полезна и пойдет с ним на контакт, как сделать так, чтобы об их разговоре тут же не узнали в соответствующих органах? Ведь она, не снимая, носит на шее воротник правды, и каждое слово, произнесенное поблизости от него, вероятно, подвергается прослушке. В общем, Пашин план трещал по швам, и когда в начале седьмого Баррикада действительно вышла из дверей министерства, он не бросился к ней на всех парах, а последовал за ней, держась на некотором расстоянии.

В этот вечер она была не за рулем – видимо, «Жигули» предназначались только для служебных поездок. Отойдя от министерства на пару кварталов, девушка села в подошедший автобус, и Паша успел вскочить в заднюю дверь. Под вечер пассажиров в автобусе было много, и Вильзон без труда затерялся среди них. Ехали долго, преодолели несколько мостов и наконец добрались до жилмассива на окраине, где Баррикада вышла. Паша следовал за ней, и сгущающиеся сумерки помогали ему оставаться незаметным. Проследил, что вошла она в подъезд одной из пятиэтажек, дождался, пока загорелся свет на верхнем этаже и в окне появился знакомый силуэт.

Теперь ему известно не только где Баррикада работает, но и где она живет. Впереди – вечер и ночь, чтобы придумать, как действовать дальше. А пока ему нужно найти ужин и ночлег. С ночлегом все разрешилось достаточно просто: подвал в доме девушки был не заперт, и там в одном из закутков Паша обнаружил гору ветоши, на которой, если отбросить брезгливость и привыкнуть к ароматам кошачьей жизнедеятельности, можно провести ночь. Выбравшись на улицу, он купил в гастрономе на углу полбатона, кусок российского сыра, ломоть докторской колбасы и бутылку кефира, слопал все это, сидя на качелях посреди детской площадки, а затем вернулся в подвал, где тут же уснул, не успев обдумать, как будет действовать завтра.

28. Рабочий процесс

От разговора с братом Матвей ожидал большего. Он надеялся, что Сева, узнав о досадном недоразумении, тут же пришлет за ним служебный «ЗИЛ», чтобы срочно увезти из этого гадкого места. Но оказалось, что брат не только был в курсе происходящего, но даже выступал инициатором этой ссылки.

– Ты пойми, Матфейка, это же для твоего блага! Нужно продуктивность твою повысить, а то совсем ты расслабился в Сталинбурге. Вот мы с отцом Лаврентием и решили, что нет лучше средства, чем творческий отпуск в Переделкинском ОМОНе.

– Какой на хер творческий отпуск, Сева? – возмутился Мэт. – Ты меня в натуральную тюрьму упек!

– Ну зачем ты так, братец! Свежий воздух, четырехразовое питание, вдохновляющая атмосфера и люди кругом приятные. Была б у меня возможность, сам бы недельку у вас пожил!

– Вот и живи здесь, если тебе это все так нравится! А меня отсюда заberi сегодня же!

– Даже если б хотел тебя забрать – не могу...

– В смысле «не могу»? Ты министр или кто?

– Вот именно что министр. А у нас в министерстве знаешь как серьезно к документам относятся? Если выписали тебе разнарядку в дом творчества, то ее просто так не отменишь. Даже если сегодня процесс запущу, то на всю волокиту не меньше недели уйдет. А тебе через неделю как раз в столицу возвращаться. Кстати, мы с Лушей ждем тебя в гости десятого числа – заодно и День победы отметим.

Мэт понял, что ни просьбы, ни истерики на брата не действуют, и ему придется оттрубить в богадельне целую неделю. Интересно, где сейчас Пашка? За десять дней, что они бок о бок провели в Священном Союзе, он успел привязаться к пареньку и теперь беспокоился о нем. Однако Севу спрашивать о судьбе Паши Вильзона не стал, чтобы тот не прислал его сюда в тот же день, дабы Паша составил компанию режиссеру.

Повесив трубку, Матвей заметил эссеиста Мишу Куца, который стоял за его спиной, прислонившись к колонне. Судя по всему, он воспользовался возможностью улизнуть с часа коллективного творчества, чтобы не оставлять новичка без внимания. Ухватив Мэта за руку, он потащил его на второй этаж, где размещался небольшой музей. Музей этот был посвящен одному-единственному событию, произошедшему примерно год назад, а именно – визиту в дом творчества товарища Птушки.

Первым делом режиссеру пришлось ознакомиться с подробным планом перемещения генсека по зданию, где маршрут был обозначен пунктирной линией, а остановки – красными звездочками. Среди экспонатов преобладали фотографии (Птушка инспектирует столовую, Птушка выступает с трибуны актового зала, Птушка сажает яблоню в саду, Птушка благословляет известного поэта на написание правоверной оды и так далее), но присутствовали и более интересные артефакты. В частности, Матвей успел увидеть стул, на котором сидел товарищ Птушка, фрагмент лестничных перил, которых он касался, тарелку, с которой он ел, кружок унитаза, на котором он восседал и даже бумажную салфетку, в которую он высморкался. Все эти реликвии были помещены под пуленепробиваемое стекло и снабжены подробными комментариями.

Когда экскурсия завершилась, Матвей попытался свалить от провожатого, ссылаясь на то, что нужно работать, но Миша так просто его не отпустил. Пришлось пойти с ним в столовую, где в это время давали стакан кефира и булочку – мероприятие, которое в доме творчества пропускать было неприято. Ритуал получения кефира и булочки сопровождался декламацией стихов в исполнении поэтов, один за другим оказывавшимся на возвышении посреди столовой. Одни поэты взбирались туда самостоятельно, другим же помогали взобраться монахи – как показалось Матвею, против воли самих поэтов.

После того, как булочка была съедена, кефир выпит, а стихи прослушаны, Мэт наконец попал в свою келью. На застеленной кем-то койке он обнаружил блокнот с портретом Дзержинского на обложке и карандаш фабрики имени Красина. Чтобы отвлечься от мыслей о заключении, в котором оказался как минимум на неделю, Матвей попытался немного поработать, но это оказалось непростой затеей. Главным отвлекающим фактором выступал не затыкавшийся ни на секунду телевизор. И если в общественных местах телеэкран не привлекал к себе так много внимания, то оставшись с ним в замкнутом пространстве один на один, игнорировать его ты не мог.

В данный момент транслировался канал «Звезда» – сюжет, посвященный публичным казням, традиционно проводившимся на Красной площади по средам. Уже знакомый Матвею жабообразный ведущий расписывал неусыпную бдительность судебных органов и небывалый гуманизм палачей. Различным группам приговоренных к казни полагался собственный способ умерщвления – в зависимости от того, по какой статье их осудили. Так, например, предателей Родины топили в резервуаре с конским навозом, шпионов вешали, дезертиров расстреливали, еретиков вздергивали на дыбе, а содомитов сажали на кол. Все это демонстрировалось с особым вниманием к деталям, а диктор сопровождал казни эмоциональными комментариями, для чего ему приходилось перекрикивать стоны умирающих. Спрятаться от этой трансляции не было никакой возможности – когда Матвей выглянул в коридор, то увидел, что на всех экранах шла та же передача, но в коридоре звук был еще громче, чем в его келье.

Наконец репортаж с Красной площади завершился, и невидимая рука переключила все телевизоры на канал «Озеро». Как обычно, музыка Чайковского подействовала на Мэта убаюкивающе, и он задремал, но был разбужен к обеду. После обеда всех загнали на просмотр фильма о доблестных союзных разведчиках, разоблачавших мировой масонский заговор. Во второй половине дня Матвей работал гораздо продуктивнее: успел написать в блокноте слова «100 лет Октябрю» и «Сценарная концепция», а также нарисовал много пятиконечных звезд и серпов с молотами.

Когда поздним вечером снова врубили лебедей, Матвей размышлял о том, откуда у здешних властей такая любовь к этому балету. Вспомнил, что «Лебединое озеро» неизменно сопровождало смерти всех генсеков. А еще танцы маленьких лебедей стали фоном для августовского путча в 1991 году. Но в исторических хрониках Священного Союза никакой путч не упоминался – впрочем, это не говорит о том, что его не было. Может, «Лебединое озеро» служило Птушке своеобразным заклинанием? Пока он крутит его круглые сутки, никто другой эту шарманку не заведет? Раздумывая об этом, Матвей уснул.

На следующий день, четвертого мая, Паша ни свет ни заря проснулся от того, что по его лицу пробежала крупная мышь. Это ощущение, прежде ему не знакомое, оказалось очень неприятным. Вскочив на ноги, он ударился головой о трубу под потолком подвала, и сон как рукой сняло. Следом за этим он стряхнул с себя пыль и труху, сполоснул лицо ржавой водой, которую сумел нацедить из трубы и выбрался из подвала.

Было около семи часов утра – обычно в такое время он сладко спал. Однако улицы уже были наполнены прохожими, спешившими на работу. Никто не обращал на Пашу внимания – все угрюмо несли свои помятые лица на ближайшую остановку автобуса. В киоске «Союзпечать» он купил блокнот и ручку, чтобы написать записку Баррикаде. На пути к ее дому молодого человека остановил тип в штатском, махнувший перед его носом красной «корочкой». У Паши потемнело в глазах.

– Ваши документы! – официальным тоном потребовал тип.

Паша продемонстрировал паспорт на имя Вилена Зюганова. После изучения документа прозвучал следующий вопрос:

– Где работаете, Вилен Горькович?

– На заводе имени Ленина, – брякнул Паша первое, что пришло в голову.

К счастью, собеседник не стал уточнять, где находится этот завод и что именно делает там Вилен Горькович.

– Почему не на работе, товарищ? – спросил он вместо этого.

– Отпуск у меня, – ответил Паша.

– Вы бы помылись, что ли... – дружелюбно заметил чекист. – А то смердит от вас будто из подвала.

На этом их разговор закончился. Паша оставил записку в двери нужной квартиры, а выйдя из дома, заметил телефон-автомат. Зайдя в кабину, достал из кошелька листовку суши-бара, набрал заветный номер. Снова сработал автоответчик. Но на этот раз голос реб Лейба произносил другие имена:

– Жданов... Дзержинский... Ильич...

«Жди» – понял Паша. Значит, еще не время – инструкции поступят позже. Когда повесил трубку на рычаг, заметил Баррикаду, вышедшую из подъезда – в руке она держала оставленную им записку. Увидев знакомое лицо, высунувшееся из телефонной будки, она одними глазами показала, что сейчас с ней заговаривать не стоит. Обогнув дом, девушка направилась вглубь квартала, и Пашка последовал за ней. Их путь закончился посреди зажатого между домов пустыря, в закутке между гаражами и бойлерной. Прислонившись спиной к гаражной стене, Баррикада громко и отчетливо произнесла:

– Двуглав триедин, трехглав двуедин!

После этих слов ее металлический ошейник замигал лампочками, со щелчком разомкнулся и упал ей под ноги.

– Эта фраза вызывает сбой системы – ее можно использовать только в крайнем случае, – сообщила девушка. – У нас есть десять минут, потом приедет ремонтная бригада.

Паша так много хотел ей сообщить, что теперь не знал, с чего начать. Впрочем, Баррикада его опередила:

– С Матвеем все в порядке, он в безопасности.

– Ты знаешь, где он сейчас?

– Да. В доме творчества.

– Но почему он не позвонил?

– Оттуда нельзя позвонить. И выбраться оттуда тоже не получится.

– Что же это за дом творчества такой?

– Строго говоря, это учреждение монастырского типа. Матвея туда поместили, чтобы он мог собраться с мыслями. Всеволод Сергеевич и отец Лаврентий считают, что он недостаточно серьезно отнесся к полученному заданию.

– Что же получается, – удивился Паша, – его родной брат в монастырь упек?

– Павел, не забывай, Всеволод Сергеевич сначала министр, а потом уже чей-то родственник, – напомнила Баррикада. – Кстати, ты совершил большую ошибку, покинув гостиницу. Тебя теперь ищут – и милиция, и комитет. Если найдут, даже знакомство с министром не поможет.

Сдаст или не сдаст? – пронеслось в голове у Пашки. Баррикада будто прочитала его мысли.

– Если бы я решила о тебе доложить, тебя бы уже давно арестовали. Но я верю: ты не замышляешь ничего антисоюзного. И понимаю, что у тебя большие проблемы – тебе нужна помощь. Что у тебя стряслось? Рассказывай скорее – времени мало.

Парень понимал, что не может доверять ей на все сто процентов, но больше никому во всем Сталинбурге довериться он не мог.

– Баррикада, я должен тебе кое в чем признаться... Мы с Матвеем – не здешние.

– Да, я знаю, вы в Чехословакии живете, – удивилась девушка.

– Нет... То есть да... Как тебе это объяснить...

– Объясни, как есть.

– В общем, мы с ним даже не из другой страны – мы из другого мира.

– Ну да, инопланетные гости, – усмехнулась девушка.

– Нет, мы отсюда, с Земли! Только Земля у нас другая.

– Это какая же?

– Там, откуда мы, нет ни Священного Союза, ни Сталинбурга...

– Я же говорю: с другой планеты.

– Планета та же, но реальность другая, – произнес Паша, понимая, насколько бредово звучат его слова.

– Знаешь, я ведь сильно рискую из-за того, что с тобою встретилась. И за то, что воротник правды из строя вывела, тоже по головке не погладят. А ты мне тут разные небылицы рассказываешь!

Как убедить ее в том, что он не врет? А сам бы он поверил, если б кто-нибудь принял за втирать ему подобные истории? Конечно, нет, не поверил бы.

– Баррикада, я понимаю, мне сложно поверить. И подтвердить свои слова мне, к сожалению, нечем. Я прошу лишь об одном: выслушай меня, а потом решишь, что делать.

И он рассказал ей всю историю их злоключений: начиная с того, как они оказались на заводе «Красный богатырь» и заканчивая встречей с человеком, пообещавшим вытащить их отсюда. Имени реб Лейба он не назвал, хотя понимал, что, если попадет в лапы КБГ, из него вытрясут все, что он знает.

– Допустим, я тебе поверила, – произнесла она после паузы. – Хотя я, конечно, не верю. Невозможно поверить в мир без Священного Союза и Святейшего Двуглава, спасителя нашего. Чего ты хочешь вообще? Сам же говоришь, есть те, кто готов вам помочь. А я-то что должна сделать?

Она бросила взгляд на часы – отведенное им время было на исходе.

– От тебя требуется лишь одно, – проговорил Паша. – Встретиться с Матвеем и сообщи ему, что побег назначен на девятое мая, чтобы он был готов.

– И все?

– Да, это все. Ну, и еще... Не сдавай нас, пожалуйста.

Как будто эта просьба могла что-то гарантировать!

– Я никому не расскажу, – ответила Баррикада. – И сделаю то, что ты просишь. Не потому, что поверила этой истории. Просто ты – друг Матвея, и этот побег, куда бы вы там ни бежали, важен для вас обоих. А я...

Она осеклась, но все же закончила фразу.

– ...я успела его полюбить.

Когда, оставив Баррикаду на пустыре, Паша выбирался на улицу, краем глаза он заметил двух мужиков в синих спецовках, спешивших туда, где случилась поломка воротника правды.

30. Правоверная кастрация

За несколько дней, проведенных в творческом заключении, Матвей не написал ни строчки. От работы его отвлекали и неумолкающие телевизоры, и постоянная болтовня Миши Куца, и многочисленные мероприятия, проводившиеся в доме творчества по несколько раз в день. Сразу после завтрака в четверг он отправился в библиотеку, рассчитывая найти там хоть какую-нибудь информацию про Кубинскую ССР. Кроме того, он надеялся, что в читальном зале будут выключены телевизоры, и это даст ему возможность сосредоточиться.

Звук телевизоров здесь действительно был приглушен, однако сидевший на подоконнике монах, который декламировал житие Святого Владимира, делал пребывание в библиотеке невыносимым. В картотеке обнаружили лишь три книги, посвященных нужной теме: монография Берия Соболева «Особенности крепления флажштоков на муниципальные здания

Гаваны», сборник Захара Прилепина «Я пришел с Кубы» и детская книжка «Сказки дедушки Фиделя». Заказав у монаха-библиотекаря все три, Матвей присел за стол неподалеку от входа, подальше от декламатора и принялся ждать, когда ему выдадут книги. Только он расположился поудобнее, как в библиотеку вбежал запыхавшийся служка, который велел режиссеру срочно прибыть в келью настоятеля монастыря.

В просторной келье, куда Мэт зашел спустя пару минут, царил полумрак. Настоятеля не было, а за массивным столом, стоявшим посреди помещения, восседал отец Лаврентий. На стене у него за спиной висел потрет Птушки и икона с ликом Феликса Дзержинского, покровителя монастыря. Все трое взирали на Матвея недобрыми глазами.

– Ну, здравствуй, Матфейка! – промолвил священник. – Как творчество, как настроение? В библиотеке был – это хорошо! Учиться, учиться и снова, блядь, учиться, как завещал нам Святой Владимир.

– Так точно! – брякнул Матвей, поискав глазами стул, на который мог бы присесть и не найдя его.

– Как сценарий продвигается? Много ли написал?

– Хорошо продвигается, отец Лаврентий. Фабулу нащупал, сейчас детали прорабатываю.

– Фабулу он нащупал... Детали прорабатывает... Охуенно просто!

– Служу Священному Союзу! – ответил Мэт.

– Сейчас посмотрим, что ты там нащупал. Эй, Октябрина, зайди-ка! – крикнул он в сторону двери.

В келью вошла юная монашка в белоснежной рясе, делавшей ее похожей на медсестру. В руках она держала поднос, на котором Матвей увидел свой блокнот, оставленный им на кровати, а также серебряную солонку. Отец Лаврентий положил блокнот перед собой, высыпал из солонки широченную дорожку кокаина прямо на стол и достал из кармана рясы сторублевку.

– «Уберите Ленина с денег, он – для сердца и для знамен!» – процитировал он классика, свернул купюру в трубочку и шумно втянул порошок ноздрей.

Монашка тем временем неожиданно для Матвея освободилась от рясы, оставшись в одном лишь красном белье и чулках, а затем забралась под стол, где, судя по всему, стала проводить какие-то манипуляции с членом отца Лаврентия. Того, впрочем, это несколько не отвлекало от беседы.

– Ну-ка, посмотрим, что ты тут накарябал... – произнес он, раскрывая блокнот. – Охуеть – целых две строки! И звезд нарисовал просто до хуища! Перетрутился, должно быть. Ну, пиздец какой работничек!

– Мне здесь сосредоточиться сложно, – ответил Мэт, стараясь не глядеть на ягодичы монашки, то и дело выныривавшие из-за стола.

– Всем не сложно, а ему, блядь, сложно! У всех, блядь, времени и на работу, и на общественную нагрузку, и на художественную самодеятельность хватает, а ему, блядь, сложно! Ну что с тобой делать, Матфейка?

– Увезти из этой богадельни, – предложил Матвей.

– Охуенное предложение, конечно, – поп громко крикнул, вынюхав еще одну дорожку. – Только дело-то не в месте, а в тебе самом. Помести тебя хоть в янтарную комнату или на священный броневик посади, ты и там хуи пинать будешь.

Тем временем монашка, завершив свою миссию, выбралась из-под стола, вытирая губы. Облачившись в рясу, она поцеловала руку отцу Лаврентию и, склонив голову, вышла из кельи.

– А давай-ка прогуляемся, друг любезный! – предложил священник.

С этими словами он пересыпал содержимое солонки в пакетик, который сложил из листка, вырванного из блокнота и, поправив скомкавшуюся рясу, встал из-за стола. Они вышли из дома творчества через центральный вход – двое монахов распахнули перед ними двери, а затем один из них последовал за ними на почтительном расстоянии.

Поселок показался Матвею вымершим – жителей не было видно, не кричали петухи, не мычали коровы, даже птицы, казалось, предпочитали облетать это место стороной. Они шагали вдоль добротных домов с закрытыми ставнями, время от времени останавливаясь, чтобы отец Лаврентий мог сделать понюшку. После очередной остановки поп наконец заговорил:

– Любишь ли ты Родину, Матфеюшка?

Мэт не был готов к этому вопросу, но быстро нашелся:

– Конечно, святой отец! Всем сердцем люблю!

– Все так говорят, – ответил священник. – Но пиздеть, как ты знаешь – не мешки ворочать. На что ты готов, Матфей, чтоб свою любовь доказать?

Матвей начал что-то лепетать о служении высоким идеалам, каждодневных подвигах на благо Отчизны и так далее, но отец Лаврентий велел ему заткнуться.

– Пиздеж, сплошной пиздеж, сын мой. Словами любовь не докажешь – делами надобно. Готов ли ты к священной жертве во имя Святейшего Двуглава, осеняющего нашу великую державу своими крылами лучистыми?

– А что сделать нужно? – благоразумно уточнил Матвей.

– А к чему ты готов, Матфеюшка? Одни плоть свою каждодневно истязают – как я, например. Другие усекновение пальцев производят, а то и всей конечности. Еще кто-то ухо или нос готов отсечь во славу правой веры. А ты какую жертву готов принести?

– Пальцы и руки мне нельзя отсекать, – выдал из себя Мэт, – я ими работаю. И вообще, давайте к этому вопросу чуть позже вернемся – мне подумать нужно.

– Какой же ты все-таки долбоеб, Матфей! Просто диву даюсь! Ты так говоришь, вроде я не о священной жертве тебе толкую, а к блядям предлагаю сходить. Подумает он! Охуеть ответ!

– Решение-то ответственное, отец Лаврентий. Нельзя его так вдруг принять.

– Ты решение это не головою должен принять, а сердцем своим!

Они остановились возле дома с табличкой на калитке: «Михалков Сергей Владимирович, председатель Союза Писателей Священного Союза, лауреат премии Святого Владимира и трех премий Святого Иосифа». Ниже была прикреплена еще одна табличка: «Осторожно, злая собака». Отец Лаврентий разложил на почтовом ящике дорожку и, прикрывая ее ладонью, чтобы не унесло ветром, вынюхал до последней крупы.

– Впрочем, я тебе с решением могу помочь, – промолвил он затем. – Давай-ка мы тебя оскопим, Матфеюшка! И жертва эта Двуглаву весьма угодна, и отвлекаться на баб не будешь, на работе сосредоточишься.

– Пойдите! – Матвей подскочил на месте. – Это что же вы предлагаете?

– Что-что! Был хуй – чик-чик – и ни хуя.

– Это шутка, что ли?

– Кто ж на такую тему шутить будет? В своем ли ты уме? Можем прямо на завтра операцию назначить. Доктора тут в Переделкино знаешь какие хорошие?

Когда поп склонился над очередной дорожкой, Матвей обернулся, чтобы посмотреть, чем занят сопровождавший их монах. Тот, стоя в десятке метров от них, истово молился перед портретом Максима Горького, прибитым к стволу березки. Удобный момент! – подумал Мэт и в следующую секунду он уже мчался по тропинке в сторону леса, не обращая внимания на доносящиеся сзади окрики.

31. Японский связной

Ночь с четверга на пятницу Паша провел в заброшенном гараже на окраине района, где жила Баррикада. Гараж этот, запиравшийся изнутри, представлял собой отличное укрытие – нет крыс, зато есть продавленный диван, на котором можно было валяться, мечтая о том дне, когда они с Матвеем навсегда покинут Сталинбург. До девятого мая оставалось всего несколько дней – праздник выпадал на следующий вторник.

Каждый день он совершал несколько звонков на номер суши-бара, и каждый раз автоответчик велел ему ждать. Но в пятницу вместо автоответчика Паша услышал живого человека – это был реб Лейб, разговора с которым он так долго ждал.

– Не кричите, Павел – я хорошо вас слышу, – голос каббалиста звучал чуть приглушенно. – Обсуждать эвакуацию по телефону небезопасно – нам нужно встретиться.

Встреча была назначена на два часа дня, в Храме Святого Льва, находившемся на другом конце города. Сменив два автобуса и два троллейбуса, Паша добрался туда раньше назначенного времени, и у него было полчаса, чтобы осмотреть храм со всех сторон. Это было массивное двухэтажное здание из желтого кирпича, благодаря мавританским башенкам и фигурным окнам напоминавшее синагогу. Перед входом в храм возвышалась конная статуя Троцкого в его каноническом образе – в френче, в пенсне, со вздыбленной шевелюрой, с маузером в одной руке и скрижалю «Наша революция» в другой.

Ровно в два часа Паша вошел в храм и поразился тому, что помещение изнутри казалось гораздо более просторным, чем снаружи. Молельный зал был почти пуст – лишь группка старушек безмолвно восседала в первом ряду, устремив взоры на лики Святого Льва, украшавшие стены. На одной из икон Троцкий склонил голову над письменным столом – исписанные им листки взмывали к потолку, где их тут же подхватывали херувимы, лица которых, похожие друг на друга, словно были срисованы с октябрьского значка. На другой иконе он с огненным мечом в руках мчался на белогвардейцев верхом на зловещем паровозе, из труб которого изрыгались черный дым и пламя. Еще одна икона изображала мученическую смерть святого – от ледоруба, обрушенного ему на голову рукой сатаны. На следующей иконе было изображено вознесение Святого Льва верхом на орле, крылья

которого раскинулись от Сталинбурга до Ленинграда. Паша присел в заднем ряду, стараясь не привлекать к себе внимания, хотя его появления в храме, похоже, никто и не заметил.

Спустя несколько минут на плечо молодого человека упала тень – кто-то приблизился к нему в пятне света, проникавшего из сводчатых окон. Еще не разглядев лица, Пашка понял по силуэту – реб Лейб. Присев рядом с парнем, раввин похлопал его ладонью по руке в знак приветствия, затем заговорил:

– Надеюсь, с вами все в порядке. Выглядите вы не очень.

Что касается реб Лейба, то выглядел он гораздо хуже, чем Паша, ночевавший то в подвале, то в гараже. Еще более, чем обычно изможденное лицо, впалые глаза, печально смотревшие мимо собеседника, какие-то перья в седой бороде.

– Осталось ждать недолго, – продолжил ребе. – Как и обещал, вытащим вас отсюда девятого мая.

– Мой друг, Матвей... – начал Паша.

– Не беспокойтесь, – перебил его собеседник. – Ему пока ничего не угрожает. Вы правильно сделали, что обратились к этой девушке...

– Ее зовут Баррикада.

– Не нужно имен. Думаю, ей можно доверять. Если бы она решила вас сдать, вы бы сейчас здесь не сидели. Хотя, конечно, есть риск, что она сломается в последний момент. С этими коммунарками ни в чем нельзя быть уверенным.

– И что тогда? – вырвалось у Пашки. – Что будет, если она подведет?

– Ничего хорошего – сами понимаете. Впрочем, она не единственное слабое звено в нашем плане.

– А кто еще?

– Вы, я, Матвей... Если в комитете пронюхают о том, что мы готовим – всему конец. Они надавят на любого из нас так, что он сдаст всех остальных. Это они хорошо умеют – вы сами знаете.

– И что мне делать сейчас?

– Ждать. Ваша знакомая предупредит режиссера о дате эвакуации, и он будет готов к побегу. А когда придет время, мы его вызволим. Вместе с вами, естественно.

– Вы обещали дать мне инструкции...

– Не сейчас – слишком рано. Поверьте, чем меньше вы знаете, Павел, тем лучше для вас. Я позвал вас сюда не за этим.

– Зачем же? – удивился Паша.

Реб Лейб протянул ему сложенный вчетверо листок.

– Спрячьте. А потом, когда прочитаете, уничтожьте.

– Что это?

– Помните, во время нашей первой встречи, я говорил, что нам потребуется от вас ответная услуга?

Пашка кивнул, пряча листок в карман.

– Здесь описано, что вы должны будете сделать по возвращении в Москву. Очень важно, чтобы вы выполнили все в точности. Я могу на вас рассчитывать?

– Я не подведу, – заверил его Паша.

– Очень надеюсь на это, – раввин поднялся с места. – Инструкции получите по телефону за день до эвакуации.

Через несколько минут после того, как реб Лейб удалился, Паша тоже покинул храм. Уже на улице он развернул полученную от раввина записку и не поверил своим глазам.

32. Свидание вслепую

От дачи Михалкова до леса Матвей добежал за несколько минут. Прыгнул в скрытый кустами овраг, прильнул к земле, прислушался. Криков не было слышно, топота преследователей тоже – как ни странно, никто за ним не гнался. Отдышавшись, принялся обдумывать план действий. Как ни крути, нужно было возвращаться в Сталинбург – там Пашка, там раввин, там Баррикада. Впрочем, она на него теперь даже смотреть не захочет. И так он уже успел с ней напортачить, а теперь, после побега из дома творчества, он для нее, идейной коммунарки, самый настоящий враг.

Пригибаясь к земле, он выбрал к идущей через лес грунтовой дороге – той самой, по которой его сюда привезли. На дорогу выходить не стал, трусцой побежал на некотором расстоянии от нее, прячась за кустами и деревьями. Наконец добрался до трассы. Пополз по траве, залег у обочины, осмотрелся – ни отца Лаврентия, ни белорясых. Дождался, пока на трассе показался одинокий автомобиль – оранжевый «Запорожец». Поднялся на ноги, помахал водителю рукой, машина остановилась.

Владелец «Запорожца», по виду пенсионер-грибник, согласился подкинуть Матвея до города – в обмен на его часы. Согласился не сразу, поначалу смотрел подозрительно, но потом оттаял. «Импортная вещь, отец» – рекламировал свой хронометр режиссер. В дороге слушали радиостанцию «Эхо Сталинбурга», где двое интеллигентных мужчин, постоянно перебивая друг друга, рассуждали о том, сколько времени следует отвести на правоверное воспитание союзных школьников. Один заявил о том, что существующего количества (утренняя молитва каждый день и большой молебен по пятницам) явно недостаточно. Тогда другой предложил начинать каждый урок с молитвы, а молебном завершать учебный день. Первый пошел дальше – он был уверен, что молебен нужно проводить и в начале, и в конце дня, а перемены между уроками отвести под молитвы. В итоге сошлись на том, что сколько ни отдай под правоверное воспитание, все будет мало. Довольные друг другом, собеседники покинули студию, и из динамиков понеслась патриотическая песня какого-то юного дарования «Я роняю Запад».

Когда до города оставалось всего десять километров, о чем сообщал указатель на обочине, водитель ударил по тормозам. Дорогу преграждали два милицейских «бобика», перед которыми, сложив руки на груди, стоял отец Лаврентий в сопровождении целого отряда в белых рясах.

– Это за мною, батя, – вздохнул Матвей и выбрался из машины.

Готовый ко всему, он направился к попу, смотревшему на удивление доброжелательно.

– Ну что ты за долбоеб, Матфейка! – обратился к нему отец Лаврентий. – Юмора не понимаешь, что ли? Кто ж тебя без хуя оставит! Режиссер без хуя – как село без церкви. Я пошутил просто, а ты, не разобравшись, в лес уебал.

– Пошутил, значит? – буркнул Матвей. – Ну и шуточки у вас, святой отец...

– Пошутил, конечно. Никто тебе хуй резать не будет – Святейшим Двуглавым клянусь. Пару пальцев на ноге оттяпают и все дела. Так сказать, чисто символически.

Монахи тем временем обступили режиссера сужающимся кольцом.

– Эй, ребята, только не пиздить! – велел белоясым священник. – Он все осознал и будет себя вести примерно. Так ведь, Матфейка?

Мэту пришлось кивнуть в знак согласия, и монахи, бережно взяв под локти, поместили его в один из «бобиков», который затем доставил его обратно в дом творчества. Обед ему принесли в келью, спросили, не нужно ли еще чего-нибудь, а услышав, что не нужно, оставили наедине с телевизором, заперев дверь на два замка.

Беготня по лесу утомила Матвея, но когда он, разобравшись с обедом, решил немного вздремнуть, дверные замки лязгнули, и в приоткрывшуюся дверь просунул свою голову безусый служка:

– Матфей Сергеевич, к вам посетитель!

Просто день визитов какой-то, – проворчал Матвей, поднимаясь с кровати. Кто это может быть? Точно не отец Лаврентий. Значит, или брат, или Пашка. Скорее первый вариант. Выходит, одумался брательник – понял, что не место известному режиссеру в этой дыре. Сейчас он выскажет Севе все, что о нем думает, а также об отце Лаврентии, о мудаках в белых рясах и обо всем доме творчества!

Но когда Мэта доставили в комнату для свиданий, он увидел не Севу и не Пашу. В обшарпанной комнатке, сложив руки на столе, сидела Баррикада. Перед ней лежала папка с гербом Министерства культуры и ручка.

33. Сценарный план

Визит Баррикады носил сугубо деловой характер – она принесла на подпись бумаги из министерства, регулирующие авторские права на будущий фильм. Разговор был также деловым, ни шага в сторону – ведь над их головами висела камера наблюдения с микрофоном. Но если бы эта камера была направлена девушке в лицо, наблюдатели наверняка заподозрили бы неладное – так не смотрят на того, с кем тебя связывают исключительно рабочие отношения.

В конце их встречи Баррикада, кусая губы, поинтересовалась, как продвигается работа над сценарием и есть ли у Матвея какие-нибудь пожелания. Продвигается хорошо, пожеланий нет, – ответил он. Единственным его пожеланием, которое он, к сожалению, не мог высказать, было оказаться не в проклятом доме творчества, а в квартире Баррикады, наедине с ней. Попрощавшись, девушка забрала папку со стола, а ручка осталась лежать перед режиссером. Стараясь не совершать резких движений, он сунул ее в карман.

Позже, во время прогулки по двору, дождался, чтобы сопровождавший его Миша Куц свалил куда-то и убедившись, что за ним никто не следит, достал ручку, открыл колпачок. Внутри, как он и рассчитывал, находилась записка, намотанная на стержень. Из этой записки Мэт узнал, что с Пашей все хорошо, хотя он и находится в бегах, а событие, которого они оба так ждут, назначено на девятое мая. В конце – приписка: «Что бы ни случилось, я никогда не забуду тебя». А случиться могло все что угодно, понимал Матвей.

Мало знать дату побега – нужно еще каким-то образом выбраться отсюда в нужный день. Обе попытки удрать из дома творчества оказались для него провальными, и не было надежды на то, что третья увенчается успехом. Правда, Сева обещал, что творческая ссылка закончится как раз девятого мая, но Матвею было ясно, что брат сдержит свое обещание лишь в том случае, если получит достойные идеи к празднику.

Итак, Мэт на несколько дней засел за работу. Для начала он послал подальше Мишу Куца, который повсюду слонялся за ним, отвлекая своей болтовней. Миша посыл не воспринял буквально и начал что-то лепетать про творческий союз, обоюдновыгодное сотрудничество и прочую лабуду, но получив серию коротких ударов под дых, отвалил и теперь лишь поглядывал на режиссера издали, укоризненно покачивая головой. Следующим шагом было обеспечить звукоизоляцию. Матвей добыл вату из матраса и соорудил две пробки, плотно закрывавшие уши. Звук телевизоров все равно просачивался сквозь них, но теперь это был просто шум, в котором слова разобрать было нельзя.

Изучив всю имевшуюся в библиотеке литературу о Кубе и порывшись в союзной энциклопедии, он понял, что кубинский вопрос еще более запутан, чем он полагал. Дело в том, что Остров Свободы, подобно коту Шредингера, одновременно и существовал, и не существовал. Описывая его, авторы избегали любой конкретики. Нельзя было говорить о том, что Куба – это попросту выжженный радиацией кусок земли. Но и утверждать обратное было также нельзя. Поэтому оставался единственный путь – говорить о Кубе как о некоем мифическом крае вроде Атлантиды, Шангри-Ла или Эдемского сада.

Приняв во внимание амбивалентность шестнадцатой республики, Матвей наметил три альтернативных концепции – одна другой патристичнее. Разрабатывая первое направление, он вдохновлялся библиотечным сборником «Сказки дедушки Фиделя». В качестве стержня сюжета выступал темнокожий старик, который, сидя посреди небольшой, но уютной тростниковой хижины, передавал своим многочисленным внучатам удивительные сказания кубинского народа. В этом эпосе, конечно, нашлось место и Святому Владимиру, приобщившему кубинцев к православию, и Святому Иосифу, даровавшему им огонь из своей трубки, и Святому Льву, на гигантском орле парящему в небе над Кубой и оберегающему братский народ от американских агрессоров. В финале взор старца-сказителя из прошлого обращается в будущее, и ему открывается, как его внуки будут служить на благо Кубинской ССР и всего Священного Союза: один станет хлеборобом, другой – инженером, третья – поварихой в заводской столовой, четвертая – вальцовщицей первого разряда и так далее. Теперь старый кубинец может спать спокойно, и он, прикрыв наполненные благодатными слезами глаза, засыпает вечным сном.

Вторая концепция, более реалистичная, объединяла несколько сюжетных линий. Повествование велось от лица пятерых кубинцев, представлявших разные социальные группы: простой рабочий, солдат, монашка, поэт и космонавт. Все они, каждый на свой лад,

рассказывали о своей любви к Священному Союзу, и это многоголосье по задумке режиссера должно было изображать объемный, нет, всеобъемлющий образ Отечества, нежно пестующего всех своих сыновей и дочерей. Вот поэт читает обращенную к Святейшему Двуглаву поэму на испанском языке, стоя на сцене сельского клуба. А вот солдат, выпустив автоматную очередь по мишени с мерзкой рожей американского империалиста, признается, как приятно ему, кубинцу, сражаться плечом к плечу с представителями братских союзных народов. Монашка, вознося молитву правоверным святым, просит, чтобы они оберегали Остров Свободы от нападок враждебных еретиков. Рабочий, выполнивший месячную норму за полдня, закуривает сигару, сидя под иконой Стаханова, и обещает сделать еще больше во славу Родины. За всем этим с орбиты наблюдает первый кубинский космонавт, пролетающий сначала над родным островом, а затем над остальными республиками, над всей бескрайней державой, что несет правоверие всему миру...

Рожая третью концепцию, Матвей уже не мог удержаться от смеха. Это была история кубинского революционера, сражавшегося под предводительством Святого Владимира, и в октябре убитого белогвардейской пулей. И вот, спустя сто лет Святейший Двуглав силой своей божественной мысли воскрешает героя Революции, и кубинский боец в бушлате, пропахшем порохом, шагает по современному Сталинбургу, восхищаясь тем, как хорошо теперь живется в Священном Союзе. И юные жизнерадостные сталинбуржцы чествуют усатого кубинца, дарят ему алые гвоздики, фотографируются с ним на звездофоны, угощают пломбиром и носят на руках. Да, не зря сражался он и не зря отдал он жизнь свою за счастье потомков!

Закончив описание трех концепций седьмого мая, Матвей доложил об этом настоятелю монастыря. Тот тут же прислал уже знакомую Мэту монашку Октябрину, которая отпечатаала рукопись на компьютере и переслала ее отцу Лаврентию, а также в Министерство культуры.

Вечером того же дня режиссер получил знак, что его писанина одобрена – ему вручили приглашение на Парад Победы: трибуна для почетных гостей, сектор имени Преподобного Лазаря.

34. Праздничная реконструкция

И вот наступила заветная дата – девятое мая. Этот день начался со звонка от Севы, который похвалил брата за самоотверженный труд и указал на то, какая это высокая честь – получить почетное приглашение на Парад Победы. Также он напомнил, что завтра они с Лушей ждут Матвея в гости – тогда же братья смогут обсудить дальнейшую работу над сценарием. Когда Мэт спросил, какая из концепций понравилась больше, Сева ответил, что все три хороши и нужно подумать, как их объединить. Будешь объединять без меня – подумал Матвей, а вслух выразил благодарность за внимание к проделанной им работе, за билет на парад и за приглашение в гости.

– Храни тебя Двуглав! – произнес Сева, прежде чем повесить трубку.

Когда Матвей отошел от телефона, монах сообщил ему, что машина ждет у выхода. Выйдя из дома творчества, режиссер увидел отдраенную до блеска черную «Волгу» и стоящего перед ней отца Лаврентия.

– Ну, здравствуй, сученок! – произнес священник, раскрывая перед ним объятия.

Матвею так хотелось поскорее свалить из этого унылого места, что он был согласен даже на лобызания с попом, от которого, несмотря на раннее время, отчаянно разило водкой.

– А я ведь думал, ты полное ебанько, – признался святой отец, когда они сели в машину. – А ты, оказывается, ого-го! Можешь ведь, если тебе яйца как следует прищемить! Да не ссы ты, про яйца – это я фигурально, никто тебе их не прищемит.

– Благодарю за высокую оценку со стороны правоверного духовенства, – ответил Мэт.

– Ты мне эти блядские штучки брось! Что ты как неродной? Сколько мы с тобой вместе за эти дни пережили!

– Пережил в основном я, а вы кокаин нюхали да баб трахали.

– Эх, Матфейка, сразу видно – ни хуяшеньки ты в правоверном служении не понимаешь. Думаешь, это легко – с утра до ночи за благо Отчизны молиться? Ведь весь Священный Союз, можно сказать, на духовенстве держится – на наших плечах натруженных. Мы как атланты, сука, как титаны духа. А титанам и отдохновение нужно титаническое. Отсюда и наркота, и блядство, и азартные игры, и другая хуйня, которая непосвященному вроде тебя может мирскими грешками показаться...

Мэт слушал вполуха – он все ждал, что дорогу перекроют агенты-каббалисты, которые за бороду вытащат попа из машины, а его с почестями доставят в безопасное место, чтобы оттуда переправить в Москву. Но этого не случилось – до города они доехали без происшествий. Когда уже подъезжали к Красной площади, преодолев перед этим три пропускных пункта, святой отец как бы между делом произнес:

– А выблядок-то твой из гостиницы съебался. Ты, если знаешь, где он сейчас, лучше скажи, а то пизда ему.

Режиссер сделал вид, что слышит об этом инциденте впервые. Должно быть, его изумление показалось священнику убедительным, поскольку больше он вопросов на эту тему не задавал. Преодолев, уже пешком, еще два кордона, они оказались перед Кремлем со стороны ГУМа. Между ними и Усыпальницей Святейшего Двуглава, известной Мэту как мавзолей, возвышалось странное строение из фанеры – с башнями по краям, полукруглым куполом сверху и колоннадой спереди. По фашистскому флагу, реявшему над конструкцией, он понял, что это макет Рейхстага, выполненный почти в натуральную величину.

– А зачем здесь Рейхстаг? – поинтересовался он у отца Лаврентия, когда они поднимались на трибуну, откуда должны были наблюдать за парадом.

– Что, Матфейка, совсем заработался? Наши доблестные воины каждый год его штурмуют. Повторяем победу, так сказать.

Заметив какое-то движение в окнах фанерного здания, Матвей не смог удержаться от еще одного вопроса:

– А кто там внутри?

– Кто-кто, пленные немцы – кто ж еще!

– А разве они еще не умерли?

– Те, что у нас с войны оставались, в основном подошли, конечно. Но мы новых набрали – шпионы всякие из числа туристов. Мы ведь их в общем немцами называем, а там и американцы есть, и французы, и японцы, и другая пиздобратия.

– И что с ними будет во время штурма? – не унимался Матвей.

– А сам-то, Матфейка, как думаешь? О, пришли – вот наши места козырные!

Они уселись, и офицер, сновавший между рядами, пристегнул их за ноги к вмонтированным в трибуны лавкам. В ожидании начала парада священник сотворил молитву, которую несколько раз прерывал, чтобы отпить из фляги и проглотить пару облаток с изображением Двуглава.

Вдруг трибуны стихли – как и колонны людей, что выстроились по периметру площади. Зазвучал гимн Священного Союза – все вскочили с мест. На площади появился генсек Птушка – в этот раз не на белом коне, а в паланкине, который несли четыре генерала в парадной форме. Его появление, как и на Первомайском параде, демонстрировалось на огромных мониторах, прикрепленных к парящему над Кремлем дирижаблю.

Под оглушительные возгласы ликующей толпы генералы опустили носилки перед Усыпальницей, и генсек, осеняя своих граждан лучезарной улыбкой, поднялся на трибуну. Камера взяла его крупным планом, и Матвей смог рассмотреть его лишенное морщин лицо, гладкое словно у восковой куклы. Но когда товарищ Птушка уже открыл рот, чтобы начать приветственную речь, изображение на зависших в небе мониторах вдруг подернулось рябью. В следующую секунду трансляция возобновилась, но это уже был не прямой эфир, а запись, и зрелище это было самого шокирующего свойства.

Режиссер узнал это видео с первого же кадра – Паша показывал ему некоторые из записей, которые успел сделать в Сталинбурге. Молодежь, блюющая перед храмом Святого Иосифа после молебна с бесплатным кагором. Кровавый погром в еврейском гетто. Извивающееся в конвульсиях тело, пораженное воротником правды. Затем – новый сюжет: жестокая драка перед ларьком с блинами. Пара алкоголиков, стремящаяся настигнуть третьего в грязном проулке. Оборванные детишки, футболящие дохлую крысу на фоне портрета Святого Владимира... По толпе прокатился нарастающий гул. В отсутствие крупных планов Матвей не мог видеть лица генсека, но даже на расстоянии он уловил, как восковое лицо Птушки скукожилось подобно печеному яблоку.

– Не смотреть! Опустить головы! – завопили люди в форме, возникшие между рядами.

Отец Лаврентий присоединился к ним – вскочив с сидения, он орал на окружающих:

– Не смотреть, пидорасы! Опустить на хуй головы!

Он бы побежал прямо по головам, заставляя их пригнуться, если бы не цепь, удерживавшая его на месте. Что касается Матвея, то он не спешил опустить голову вниз – ему хотелось досмотреть это видео до конца.

– Ах ты хуйло! Не слышишь, что говорят?! – с этими словами отец Лаврентий, схватив его за загривок, все же заставил пригнуться.

Когда это случилось, Мэт заметил небольшой ключик, блеснувший возле его ботинка. Не разгибаясь, он завладел находкой и в следующую же секунду, освободившись от оков, вскочил на ноги.

– Сидеть, долбоеб! – гаркнул на него отец Лаврентий, но в следующую же секунду получил мощный удар в харю, отчего покачулся, затем второй удар, ногой по яйцам, и поп повалился между сидениями.

Перепрыгнув через святого отца, режиссер драпанул к выходу с трибун.

– Схватить! Не пускать! – хрипел ему вслед священник.

На этот призыв откликнулись двое офицеров, которые преградили Мэту дорогу. Один из них даже выхватил пистолет из кобуры, но, если бы он открыл стрельбу на переполненных трибунах, число жертв как минимум сравнялось бы с количеством выпущенных пуль. Совершив стремительный разворот, Матвей бросился в обратную сторону. Перескакивая через опущенные головы, он добрался до скрючившегося отца Лаврентия и не удержался от того, чтобы еще раз двинуть его ногой в прыжке. Спустя несколько секунд он уже был у противоположного спуска с трибуны, но в конце ряда маячил рыжеволосый солдатик. Режиссер приготовился к атаке, однако юнец вдруг, отступая в сторону, негромко, но отчетливо произнес:

– Я от Паши Вильзона.

Матвей хотел бы заключить солдатика в объятия, но на это сейчас не было времени. Он устремился за ним – вниз, к выходу с трибун. Но на уровне пятого ряда им преградил дорогу толстомордый священник в рясе с погонами, с нагайкой в руке.

– Придется прыгать, – бросил солдатик Мэту и тут же сиганул через ограждение.

Режиссеру пришлось последовать за ним, но прыжок с высоты второго этажа не прошел бесследно – он вывихнул ногу. Не обращая внимания на стоны вперемешку с матерщиной, исторгаемые Матвеем, солдатик, в котором Пашка без труда узнал бы своего знакомого беспризорника, затащил спутника под трибуну, где за парчовой завесой скрывался ведущий под землю люк.

35. Точка невозврата

Тоннель под площадью был до того узок, что двое мужчин, идущих плечом к плечу, едва умещались в нем. Их путь озаряли мерцающие лампы, освещающие проход мертвенно холодным светом. Затем и лампы пропали – тогда солдат достал из кармана фонарик, луч которого заплясал по влажным стенам.

Левая нога Матвея стреляла адской болью, а когда он ступал на нее, боль усиливалась, заставляя его громко стонать. Провожатому приходилось буквально тащить его на себе, что сильно замедляло их. Хотя звуков погони они не слышали, солдатик заметно нервничал.

– Нужно быстрее, быстрее! – все время повторял он. – Нас уже ждут!

– Ковыляю как могу, – ворчал в ответ Матвей. – Куда мы вообще идем?

Солдатик не отвечал, лишь пыхтел, влача свою ношу по подземелью.

– Почти добрались! – с облегчением выдохнул он, когда проход закончился тупиком.

Пятно света озарило привинченную к стене табличку с текстом «Не влезай – убьет!», на которой вместо черепа с костями был изображен Святой Лев с маузером в одной руке и скрижалей в другой. Прильнув к скрижали, солдатик стал быстро нажимать на отдельные буквы. Набирает код – понял Мэт. И действительно, в следующее мгновение табличка отъехала в сторону, а за ней оказалась массивная рукоять, потянув которую спутник Матвея открыл люк над их головами.

Сверху к Матвею протянулись чьи-то руки, солдатик подтолкнул его снизу, и режиссер выбрался наверх, но оказался не на площади, а в каком-то сумрачном помещении. Усыпальница Двуглава – узнал он. Трое людей, окруживших его, не скрывали своей радости. Это были Пашка, Баррикада и третий – бородатый еврей в широкополой шляпе, должно быть, реб Лейб. Следом за Матвеем из люка вынырнул солдатик.

Мэт и Пашка обнялись. Им нужно было так много рассказать друг другу, но не сейчас, не сейчас. Затем в объятия к Матвею бросилась Баррикада, и их губы встретились в поцелуе.

– Времени очень мало, – произнес раввин. – Эвакуация – через несколько минут.

– Баррикада отправится с нами? – с надеждой в голосе спросил его Матвей.

– Я могу эвакуировать только двоих, – вздохнул тот и отошел в сторону, туда, где в полумраке возлежали два забальзамированных трупа.

– Все равно я не могу, – подала голос Баррикада. – Здесь моя семья, друзья, работа... А там... Я даже не знаю, что меня там ждет.

– В любом случае там лучше, чем здесь! – воскликнул Матвей. – Там ты будешь свободна... Ты будешь со мной.

В это мгновение двери усыпальницы с лязгом содрогнулись – кто-то пробивался к ним снаружи. Только теперь Матвей заметил, что изнутри двери запечатаны синей изоляцией, наклеенной в виде шестиконечной звезды. От удара один из углов отклеился, и солдат бросился к дверям, чтобы закрепить его.

– Нужно спешить! – крикнул реб Лейб, возившийся в это время с шапкой Мономаха.

Он уже открепил провода, тянувшиеся к ней от стеклянных гробов и отбросил шапку в сторону. Теперь он подключал провода к двум дискам, поблескивавшим в его руках золотистым светом – с дисков свисали тонкие кожаные ремешки.

– Вы должны закрепить эти штуки на головах, так, чтобы они находились за затылком, – скороговоркой протараторил раввин. – Все случится, когда я произнесу заклинание. Давайте, прямо сейчас!

– Скорей! – Пашка дернул режиссера за рукав.

– Я рада, что мы повстречались... – прошептала Баррикада. – Никогда не забуду тебя!

– К черту все! – выпалил Матвей неожиданно для себя самого. – Я никуда не еду!

– Что за херня? – вырвалось у Пашки. – Ты что, с ума сошел?

- Иди один, – уверенно ответил Мэт. – Я остаюсь.
- Они же тебя здесь сгнобят!
- Это мы еще посмотрим, кто кого.
- Твою мать! – простонал парнишка.

Удары в дверь с каждым разом становились все сильнее и настойчивее. Скоро она слетит с петель – это понимали все.

- Я начинаю! – крикнул раввин.

Пашке ничего не оставалось, кроме как нацепить на себя золотистый диск с проводами, из-за чего он стал похож на какого-то инопланетного святого.

- Ни пуха, дружище! – Матвей обнял его на прощанье. – Спасибо тебе за все!
- К черту, – выдохнул Пашка.

Раздался удар такой силы, что вся усыпальница задрожала, и казалось, даже мумии заворочались. Баррикада прильнула к Матвею, а реб Лейб, заняв позицию между двумя гробами, возложил руки на стекло, поверх голов покойников.

- Не забудь в точности выполнить поручение, – обратился он к Пашке.
- Я все сделаю, – тряхнул головой тот.

Снова удар в дверь, снова вздрогнул гранит под ногами.

- Кто склоняется перед совершившимся... – начал раввин свое заклинание.

Нимб вокруг Пашкиной головы наполнился мерцанием.

- ...тот не способен готовить будущее!

В тот же миг золотой диск вспыхнул ослепительным светом, и Паша ощутил: путешествие начинается. Последнее, что он успел увидеть, прежде чем яростная сила выдернула его из усыпальницы – то, как слетают двери с петель и в зал врывается орава военных с автоматами наперевес.

Эпилог

Он пришел в себя в подвале завода «Красный богатырь». Страшно хотелось смыть с себя пыль Священного Союза и напиться, чтобы на время забыть пережитое. Но не сейчас, потом. Сейчас нужно выполнить задание, полученное от раввина. Он посмотрел на часы – десять двадцать пять. Он успеет. Он должен успеть.

«Каждый день ровно в полдень в телецентр входит курьер. Он забирает там квадратный красный конверт, который затем пересылают в Сталинбург», – так начиналась письменная инструкция, переданная ему реб Лейбом.

Лика, ожидавшая возле выхода из цеха, согласилась подбросить его до телевышки – она сама собиралась повидаться там с мужем. Где Матвей? «Он остается здесь, – ответил Паша. – Просил его не ждать». Похоже, странности деверя ее уже не удивляли.

«В этом конверте заключена сила, на которую опирается власть Птушки. Ему нужно подпитываться этой силой каждый день, иначе Священный Союз падет».

У телецентра они оказались за двадцать минут до полудня. Певица отправилась к мужу-продюсеру, водитель Гена заехал на подземный паркинг, а Паша принялся ждать у входа. Ему не нужно было устраивать засаду – его внешность так органично вписывалась в телевизионный ландшафт, что он был практически невидим. Курьер вышел из здания в пять минут первого.

«Ты должен отнять у курьера этот конверт. Отнять и уничтожить».

Прыщавый юнец в футболке с надписью «СССР» на груди и в бейсболке с двуглавым орлом вприпрыжку спускался по ступеням, размахивая красным конвертом. Верхом на электро-самокате, который Паша забрал из багажника Ликиного автомобиля, он двинулся наперерез курьеру.

«От того, выполнишь ли ты это задание, зависит судьба человечества. Если мы не остановим Птушку, начнется война, какой еще не видел мир. Только ты можешь ее предотвратить».

Юнец заметил его боковым зрением, но не успел увернуться – Паша ловко выхватил конверт и, когда курьер бросился за ним, увеличил скорость, не обращая внимания на крики за спиной. Спустя десять минут он уже был далеко – и от курьера, и от телецентра. Прислонив самокат к скамейке, плюхнулся на нее и, затаив дыхание, распечатал конверт. Оттуда выпал диск, на обложке которого были написаны всего два слова: «Лебединое озеро».

© Антон Фридлянд 2018